

Библиотека Знанія.

26 книгъ въ годъ.

№ 25

Декабрь
1908 г.

**Исторія славянскихъ
литературъ.**

Проф. Юсифа Карасека.

Часть I.

Древняя литература до возрожденія.

Подписная цѣна на 1908 г.

на еженед. газету «БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ» —
второе изданіе съ журналомъ «ОГОРЕКЪ» и
«Библиотекѣ Знанія» — 5 р. въ годъ, 2 р. 50 к.
за 6 мѣс. и 1 р. 30 к. за 3 мѣс. съ перес. въ
Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание и типографія С. М. Проппера
Галерная ул., № 40.
1908.

— **Въ 1909 году** —

ПОДПИСЧИНИ

„Биржевыхъ Вѣдомостей“

— ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ —

КРОМѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, ПОЛУЧАТЬ

совершенно бесплатно

большой ежемѣсячный журналъ литературы, исторіи, искусства и общественной жизни „НОВОЕ СЛОВО“ и иллюстрированный художественно-литературный еженедѣльный журналъ „НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

«НОВОЕ СЛОВО»

будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца въ хорошо сброшюрованныхъ книгахъ, въ обложкѣ, ф. обыкновеннаго типа толстыхъ русскихъ журналовъ, раз. 160 страницъ большаго формата, напечатанныхъ чистыми и удобными при этомъ наборныхъ машинъ (около 40 строкъ ежемѣсячно).

Къ сотрудничеству въ „Новомъ Словѣ“, подъ редакціею редакціи И. И. Ясинскаго, привлечены выдающіеся писатели Россіи и З-па.

Журналъ „НОВОЕ СЛОВО“ будетъ издаваться по слѣдующей программѣ:

1) Изысканная литература. 2) Художественное творчество. 3) Исторія. 4) Знаніе. 5) Книжки. 6) Вопросы этики и поведенія. 7) Картины общественной жизни Зап. и Россіи. 8) Открытія и изобрѣтенія. 9) Популярная медицина и гигиена. 10) Анкеты. 11) Афоризмы и цитаты.

Всѣ новинки иностранной литературы найдутъ себѣ мѣсто на страницахъ журнала „Новое Слово“.

Каждая книга журнала „НОВОЕ СЛОВО“ составляетъ законченное цѣлое.

Подписная цѣна на

„Биржевыя Вѣдомости — Второе Изданіе“

съ пересылкой въ Россіи и **БЕЗПЛАТНЫМЪ** приложеніемъ журналовъ „НОВОЕ СЛОВО“ и „НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“.

На годъ . . . **5 р. 00** На полгода . . . **2 р. 60**

На три мѣсяца . . . **1 р. 35 к.**

Главная Контора изданій С. М. Проппера
С. Петербургъ, Галерная ул., собств. домъ, № 4

Исторія славянскихъ литературъ.

Проф. Іосифа Карасека.

Часть I

Древняя литература до возрожденія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40
1908.

67 824/1

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku

FUW0403923

к-86/77/82037

Р

Древняя литература до возро- ждения.

I.

Введение. Исторический очерк.

Славянский мир выступил на культурное и литературное поприще позже романских и германских народов. Первое упоминание о славянских народах встречаем мы у византийских писателей лишь в шестом вѣкѣ. На основаніи изысканій о славянской древности Шафарика и Нидерле можно сказать, что сочиненіе Тацита о германцах опередило почти на тысячу лѣтъ однородныя описанія быта и нравовъ славянскихъ народностей.

Между тѣмъ, тысячу лѣтъ тому назадъ славяне занимали на западѣ и югѣ Европы гораздо болѣе пространство, чѣмъ теперь. Какъ далеко простирались владѣнія славянъ, убѣдительно всего доказываютъ славянскія названія мѣстностей по Эльбѣ и Заамъ. И на Балканскомъ полуостровѣ славяне продвинулись гораздо южнѣе, чѣмъ встрѣчаются нынѣ; славянскія поселенія въ Малой Азіи просуществовали, однако, недолго. Альпійскія страны были заселены славянами далеко за Пустерталь; Эншталь и южная часть нижней Австріи, гдѣ предки нынѣшнихъ словенцевъ проникли до Штейнфельда, принадлежали славянамъ.

Магьяры, вторгнувшись въ десятомъ вѣкѣ въ со-

временную Венгрію, вѣзались клиномъ между сѣверо-западными и юго-восточными славянами.

Въ первой половинѣ седьмого вѣка кроаты и сербы явились политическимъ факторомъ въ областяхъ, лежащихъ къ западу и югу отъ Дуная и оставленныхъ гуннами; они пришли въ соприкосновеніе съ романскими колоніями на западѣ и византійскою имперіей—на югѣ и востокѣ.

Къ жившимъ въ Мезіи славянамъ въ 678—679 гг. переселилось финно-угрское племя болгаръ; названіе его происходитъ отъ двухъ корней: „Волга“ и „уръ“ (негг), т. е. влститель Волги. Болгары заняли первенствующее положеніе въ странѣ, дали свое имя поработеннымъ славянамъ, но уже черезъ нѣсколько вѣковъ сами ославились. Они слились съ побѣжденными славянами въ одинъ народъ, языкъ котораго значительно измѣнился подъ вліяніемъ языковъ албанскаго, румынскаго и турецкаго, и оставались всетаки славянскимъ.

Въ Моравію, Богемію и Славонію, въ первые вѣка послѣ Рожд. Хр., послѣ того, какъ маркоманы были вытѣснены въ Ваварію, переселились чешскія племена; процессъ переселенія длился много десятилѣтій, быть можетъ, даже нѣсколько вѣковъ.

Сѣвернѣе и къ сѣверо-западу отъ нихъ, въ Саксоніи и Ангальтѣ, обитали лаузитскіе вены или сорбы, остатки которыхъ донынѣ сохранились въ Саксоніи и Пруссіи. Въ сѣверной Германіи и къ западу отъ Эльбы, къ сѣверу отъ Магдебурга, въ Альтмаркѣ и Люнебургѣ, также жили славяне (полабы, ободриты, лутичане — въ Бранденбургскомъ маркграфствѣ); всѣ эти племена уже вымерли. Люнебургъ и маркграфство отмечались въ промежутокъ времени между 1350 и 1550 гг. Последніе славянскіе „могикане“ доживали свой вѣкъ столѣтіе тому назадъ въ Вустровѣ, Лоховѣ, Дравенѣ и Требелѣ. Германизация отобрала немало земель и у поляковъ, особенно въ Силезіи.

Въ указанныхъ нами границахъ славяне жили въ девятомъ вѣкѣ, когда были сдѣланы ими первыя литературныя попытки.

Съ этого времени славяне чаще начинаютъ упоминаются въ исторіи; нарѣчія, которыми говорили различные племена, уже выродились въ различные языки, но сходства между послѣдними было тогда больше, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Славяне выступали тогда не въ качествѣ народовъ или организованныхъ политическихъ единицъ, а разрозненно, по племенамъ, предводимымъ князьями. Славянское выраженіе „князь“ означало одновременно вождя и жреца и позаимствовано отъ германцевъ („кунингъ“); понятіе о монетѣ также взято славянами отъ германцевъ („пенязь“ отъ „пфеннигъ“). Слово „король“ возникло позднѣе, отъ имени Карла Великаго.

II.

Древнѣйшая славянская литература.—Кириллъ и Меѳодій.

Начатки древнеславянской литературы тѣсно связаны съ введеніемъ христіанства и, главнымъ образомъ, съ дѣятельностью славянскихъ въручителей, святыхъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія.

Монахъ Храбръ (X вѣкъ) рассказываетъ въ своемъ сочиненіи о славянской письменности, что славяне, еще бывшіе язычниками, пользовались для письма разнovidностью руновъ; отъ этого времени не дошло до насъ никакихъ письменныхъ памятниковъ.

Первыя попытки обратить въ христіанство чеховъ и словенцевъ были сдѣланы изъ Регенсбурга. Возникли и не имѣвшія особеннаго практическаго успѣха попытки крестить вендовъ и альпійскихъ славянъ. Новая религія, съ ея своеобразнымъ миро-

созерцаніемъ и христіанскою терминологіей, не производила глубокаго впечатлѣнія на славянъ, такъ какъ германскіе миссіонеры не владѣли языкомъ народовъ, среди которыхъ дѣйствовали.

Наибольшаго успѣха достигли зальцбургскіе священники, при содѣйствіи которыхъ возникли написанные латинскимъ алфавитомъ и хранящіеся нынѣ въ Мюнхенѣ Фрейзингерскіе памятники. Одинъ изъ нихъ представляетъ переводъ съ древнегерманскаго языка; оба остальные имѣютъ тѣсное отношеніе къ славянскому богослуженію. Языкъ этихъ памятниковъ, относимыхъ къ десятому вѣку, давно уже представляетъ трудную задачу для ученыхъ славистовъ.

Когда моравскій князь Ростиславъ убѣдился, что распространеніе христіанства угрожаетъ и политическимъ подчиненіемъ германской имперіи, онъ обратился къ византійскому императору Михаилу III съ просьбою прислать славянскихъ вѣроучителей. Идя навстрѣчу этому желанію, Михаилъ послалъ къ Ростиславу и паннонскимъ славянамъ ученыхъ братьевъ—Константина (позднѣ Кирилла) и Меодія. Они были родомъ изъ Салоникъ, получили эллинское образованіе и имѣли связи съ императорскимъ дворомъ. Младшій братъ Константинъ, прозванный „философомъ“, владѣлъ многими языками и уже подвизался ранѣе среди хазаръ. Славянскіе апостолы прибыли въ Моравію въ 863 г.; дѣятельность братьевъ натолкнулась на многочисленные препятствія, но преодолѣла ихъ. Духовнымъ вождемъ христіанской миссіи являлся Кириллъ († въ Римѣ 869); Меодій укрѣплялъ и расширялъ совершаемое братомъ. Онъ былъ назначенъ моравско-паннонскимъ архіепископомъ († 885). Славянскіе вѣроучители изобрѣли собственную азбуку „глаголицу“, приспособленную къ передачѣ всего звуковаго богатства славянскаго языка, и сдѣлались, такимъ образомъ, основателями древней

церковно-славянской литературы, по содержанію своему служившей для религиозныхъ и литургическихъ цѣлей. Уже святые братья и ихъ ближайшіе послѣдователи перевели самыя существенныя части Священнаго Писанія, какъ Новый Заветъ, Псалтырь, главнѣйшія молитвы и литургическія книги („лекціонаріи“). Дошедшая до насъ отъ X—XII вѣковъ группа древнихъ церковно-славянскихъ рукописей представляетъ древнѣйшую фазу литературы и представляетъ особенную цѣнность для языкознанія. Копитаръ и Миклошичъ называютъ эту „церковно-славянскую“ литературу также „паннонскою“. Что же это былъ за языкъ, и какіе народы говорили по церковно-славянски? Это мертвый языкъ, который не можетъ быть названъ и первоначальнымъ, кореннымъ, хотя его ошибочно и принимаютъ за таковой. По своимъ формамъ церковно-славянскій языкъ долженъ быть отнесенъ къ числу весьма древнихъ; онъ представляетъ исходный пунктъ для славянской филологіи.

Изобрѣтатели славянской азбуки умѣли графически воспроизводить всѣ тонкости этого древняго языка. Церковно-славянскій языкъ по отношенію къ славянской филологіи и литургіи занимаетъ такое же положеніе, какое латинскій языкъ имѣетъ по отношенію къ романской филологіи и католическому богослуженію. Разрѣшеніе этого труднаго вопроса составило задачу жизни самыхъ выдающихся представителей славистики: Копитара, Шафарика, Миклошича, Ягича.

Въ то время, какъ Копитаръ и Миклошичъ полагали, что по церковно-славянски говорили паннонскіе славяне, другіе изслѣдователи, со Шлейферомъ во главѣ, придерживались воззрѣнія, что этимъ языкомъ пользовались прежде нынѣшнихъ болгаръ, и потому называли его „древне болгарскимъ“.

Послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія проф. Ягича („Zur Entstehungsgeschichte“, 1900), стало пре-

обладать мѣсто, что древне-славянскій языкъ Кирилла и Меѳодія составленъ искусственно: въ основу его вошло нарѣчіе славянъ, жившихъ къ востоку отъ Салоникъ, но святые братья внесли въ него нѣкоторыя измѣненія, приспособивъ къ пониманію тѣхъ племенъ, среди которыхъ подвизались.

Однако, древній церковно-славянскій языкъ не надолго удержался въ областяхъ, въ которыхъ дѣйствовали первые славянскіе вѣроучители. Послѣ кончины св. Меѳодія, Гораздъ, Климентъ и ихъ семеро сотоварищей были изгнаны изъ Великой Моравіи; они бѣжали въ балканскія страны, продолжая трудиться въ духѣ вѣроученія свв. Кирилла и Меѳодія въ Македоніи и Болгаріи, откуда христіанство распространилось и по другимъ славянскимъ странамъ.

Болгарское царство, при Борисѣ II, въ особенности, при царѣ Симеонѣ вступило въ періодъ политическаго процвѣтанія. Ученики Меѳодія нашли здѣсь не только сочувственный приемъ, но и прямую поддержку. Древняя церковно-славянская литература достигла тутъ полного расцвѣта. Для нея пользовались кириллицей, въ основу которой легла греческая азбука. Теперь на церковно-славянскій языкъ стали переводить не только Священное Писаніе и литургическія книги, но и богатую греческую литературу отцовъ церкви. Возникаютъ даже первыя попытки самостоятельныхъ работъ. Навионскія дегевды („Житія“) святыхъ Кирилла и Меѳодія свидѣлствуютъ о томъ, что ихъ писали лица, знавшіе жизнь и дѣятельность славянскихъ первоучителей.

Среди учениковъ Меѳодія особенно выдѣляется епископъ Климентъ, который, какъ болгарскій уроженецъ, обращалъ большое вниманіе на славянскій языкъ. Онъ былъ вынужденъ считаться съ практическими нуждами новообращеннаго народа. Значительное вліяніе имѣлъ также Іоаннъ, экзархъ, пере-

водчикъ Іоанна Дамаскина и авторъ „Сотворенія міра въ шесть дней“. Слѣдуетъ упомянуть, кромѣ того, пресвитера и епископа Константина, составившаго изъ сочиненій Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ церкви поясненіе къ Евангеліямъ. Самъ царь Симеонъ лично потрудился на литературномъ поприщѣ, переведя сочиненіе Іоанна Златоуста „Златоструй“; подъ его наблюденіемъ былъ составленъ обширный сборникъ философски-поучительныхъ, схоластическихъ и догматическихъ статей, изъ числа которыхъ наиболѣе выдѣляются извлеченныя изъ твореній Анастасія Синайскаго. Въ 1073 г. этотъ изборникъ былъ переписанъ для великаго князя Святослава Ярославича и понынѣ имѣетъ важное значеніе для древне-русской литературы. Во время „расцвѣта“ Болгаріи греческіе авторы, вообще, усердно переводились и компилировались славянскимъ духовенствомъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ безчисленные рукописи, хранящіяся въ монастыряхъ Афона, Балканскихъ странъ, Вѣны, Берлина, Рима и Россіи. Многочисленные списки съ этихъ рукописей были распространены особенно въ Россіи.

Въ этой литературѣ, какъ, вообще, въ письменности православныхъ славянъ средневѣковья встрѣчается мало оригинальнаго; къ числу самостоятельныхъ работъ принадлежатъ лишь упомянутыя житія святыхъ Кирилла и Меѳодія, похвальное слово славянской азбукѣ и нѣкоторыя мелкія замѣтки историческаго содержанія. Пристрастіе православныхъ славянъ къ переводамъ и компиляціямъ греческихъ сочиненій помогло возстановить нѣкоторые греческіе тексты, еписки съ которыхъ безслѣдно затерялись.

Вліяніе эллинизма отразилось также на иллюстраціяхъ, въ палеографіи и на сокращеніяхъ; такимъ же образомъ чешская и польская литературы подверглись латинскимъ вліяніямъ.

Литература православныхъ славянъ постепенно приобрѣла своеобразный характеръ; восточное славянство стало различаться въ этомъ отношеніи отъ западнаго.

Восточно-славянская письменность отразила всё свойства византійской схоластики, съ ея сухостью и формализмомъ; у западныхъ, католическихъ славянъ преобладала латинская схоластика, сочетавшаяся съ мистическими вѣяніями и аскетической философійю. Византійцы и, вслѣдъ за ними, православные славяне считали высшими авторитетами по церковнымъ вопросамъ Іоанна Дамаскина, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Кирилла Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго; Ефрема Сирина и др.; сѣверо-западные славяне охотнѣе цитируютъ, даже уклоняясь отъ католичества, св. Августина, Іеронима, Григорія Великаго, позднѣе—Оому Аквинскаго, Виклифа и пр.

III.

Развитіе церковнославянской литературы у болгаръ.

Древній церковно-славянскій языкъ у различныхъ народностей подвергся измѣненіямъ подъ вліяніемъ живого разговорнаго нарѣчія; у болгаръ въ него вошли болгарскія, у сербовъ—сербскія, у русскихъ—русскія слова. Кромѣ того, въ литературномъ языкѣ этихъ народовъ возникли нѣкоторыя измѣненія въ гласныхъ и согласныхъ, вслѣдствіе которыхъ возникли новыя грамматическія (морфологическія) формы, подлежащія изученію языковѣдовъ.

Благодаря общности литературнаго языка, православные славяне могли пользоваться въ различныхъ странахъ всѣми переводными сочиненіями, но, съ другой стороны, этотъ искусственный языкъ, которымъ пользовались для письма главнымъ обра-

зомъ монахи и священники, легъ на литературу, подобно тяжелой снѣжной пеленѣ, мѣшавшей развитію народной поэзіи, зародившейся на чисто національной почвѣ.

Съ распространеніемъ христіанства, развивавшаяся на болгарской почвѣ: церковно-славянская литература была усвоена какъ сербами, такъ и русскими. Изъ исторіи православныхъ славянъ можно увидѣть, что иногда иноземная литература вибдируется цѣликомъ въ другой странѣ и, подчиняя ея литературу, оплодотворяетъ ее. Первый подобный толчекъ наблюдается въ Россіи въ началѣ вѣка, съ возникновеніемъ христіанства. Монахъ Несторъ, лѣтописецъ, зналъ древне-славянскія (паннонскія) легенды; сборникъ Святослава возникъ въ Болгаріи, таково же происхожденіе и другихъ русскихъ рукописей.

Позднѣе, въ XV-мъ столѣтіи, явленіе это повторилось еще разъ, когда средневѣковая болгарская литература вступила въ эпоху послѣдняго расцвѣта и оказала сильное вліяніе на сосѣднюю сербскую литературу.

Нѣкоторые авторы явились писателями для всѣхъ трехъ народностей.

Но въ XVIII-мъ вѣкѣ Россія возмѣстила южному славянству свой культурный долгъ. Церковно-славянскій языкъ воспринялъ въ себя много руссизмовъ, такъ какъ южные славяне, захирѣвшіе подъ турецкимъ игомъ, позаимствовали у русскихъ религиозныя книги.

Средневѣковая болгарская литература явилась продолженіемъ эпохи расцвѣта въ X столѣтіи. Консервативныя воззрѣнія пребывавшей преимущественно въ монастыряхъ интеллигенціи не могли заглушить среди читающихъ пристрастія къ романтическимъ повѣствованіямъ, извѣстные герои которыхъ гремѣли по всей тогдашней Европѣ.

Это были отчасти романы классическаго про-

исхождения: „Троянская война“, „Книги Александра“, которые были переведены съ греческихъ источниковъ и либо самостоятельно сохранились, либо были включены въ различные хроники.

Кроатскій глаголическій текстъ „Троянской войны“ возникъ въ области глаголицы, въ которую, однако, уже проникла латинская культура. Къ числу „греческихъ“ романовъ, несмотря на такое наименованіе явно обличающихъ свое восточное происхождение, принадлежали повѣствованія: „О царѣ Соломонѣ и Китоврастѣ“, „Дѣянія Девгенія“ (битвы между греками и сарацинами), „Синагритъ, царь адорскій“ и сказки „Тысячи и одной ночи“, дошедшія до славянъ изъ Персіи и Аравіи черезъ посредство грековъ. Всѣ эти сказочныя повѣствованія, полныя чудесъ, поученій, загадокъ, до сихъ поръ плѣняютъ воображеніе читателей изъ словъ народа.

Изъ индійскихъ источниковъ позаимствованы „Стефанитъ и Итнилатъ“ и интересный романъ „Варлаамъ и Иосафатъ“; Варлаамъ, индійскій философъ, послѣ долгихъ странствованій среди южныхъ народовъ, превратился въ представителя христіанства, отшельника Варлаама, который обратилъ въ христіанство сына индійскаго царя Аверіи, Иосафата. На фонѣ повѣствованій и поученій индійской Патшантатры возникла греческая легенда, получившая особенное распространеніе въ сѣверныхъ странахъ.

Въ славянскомъ текстѣ можно узнать нѣкоторыя изъ первоначальныхъ индійскихъ параболъ. Греческій апокрифъ „Варлаамъ и Иосафатъ“ несомнѣнно былъ переведенъ на церковно-славянскій языкъ. Въ Россіи также встрѣчаются многочисленныя списки съ этого сочиненія; сюжетъ этотъ былъ настолько излюбленнымъ, что даже проникъ въ апофипнея нищихъ и превратился въ народный. Имѣются рукописи такого содержанія и у сербовъ.

Мнѣ лично удалось найти списокъ съ апокрифическаго сказанія „Варлаамъ и Иосафатъ“ у католическихъ славянъ въ Рагузѣ, переведенный съ итальянскаго; нѣкоторыя подробности переводчикъ позаимствовалъ изъ „Legenda aurea“ („Золотой легенды“). Въ чешской литературѣ имѣются два переводныхъ текста, перепечатывавшіеся очень часто. На польскій языкъ эта легенда была переведена лишь въ XVII столѣтіи. Воспользовался ею въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ и Левъ Толстой, усмотрѣвъ въ ней нѣчто весьма оригинальное изъ индійской философій, — между тѣмъ, какъ это сказаніе уже давно было распространено въ славянской литературѣ, и, особенно, въ Россіи.

Апокрифы доставляли, вообще, въ средніе вѣка матеріалъ для занимательнаго чтенія. Изъ числа подобныхъ книгъ ветхозавѣтнаго содержанія больше всего интересовало христіанскій міръ апокрифическое житіе Адама и Евы, содержащее въ себѣ нѣкоторыя новыя подробности о сотвореніи міра и изгнаніи первыхъ людей изъ рай; въ связи съ этой книгой обыкновенно находится и сказаніе о древѣ св. Креста. Къ нимъ примыкаютъ видѣніе Авраама, завѣтъ двѣнадцати патриарховъ, апокрифическія сказанія о царѣ Соломонѣ; остальные апокрифы относятся къ пророкамъ. Изъ области Новаго Завета привлекали вниманіе читателей: евангеліе Никодима, посланіе Авгарія, евангеліе Оомы, посланіе Пилата, плачъ Вероники, т. е. такіе апокрифы, которые проникли и въ чешскую литературу, будучи переведенными съ латинскихъ подлинниковъ.

Къ разряду подобныхъ же книгъ принадлежатъ далѣе легендарныя повѣствованія о путешествіяхъ апостоловъ и, въ особенности, всѣ сочиненія отцовъ церкви поучительнаго, наставительнаго и фантастическаго содержанія. Сюда же должны быть отнесены сочиненія космогоническаго характера, о

возникновеніи міра, мудрыя поученія, сборники заговоровъ и повѣрій, наиболѣе приближающіеся къ народной литературѣ.

Въ XIV вѣкѣ церковно-славянская литература пользовалась особеннымъ покровительствомъ царя Іоанна-Александра; возникновеніе многихъ сектъ также внесло оживленіе въ область литературы. Она вступила въ періодъ расцвѣта, предшествовавшій ея упадку, который явился послѣдствіемъ гибели болгарской свободы подъ побѣдоноснымъ натискомъ турокъ.

Когда языкъ письменности постепенно псказился, явилась необходимость очистить его отъ многихъ неправильностей и погрѣшностей; обновитель удачно воспользовался для своей задачи языкомъ старыхъ текстовъ, дошедшихъ отъ минувшихъ столѣтій.

Улучшенію церковно-славянскаго языка и стиля посвятилъ свои усилія послѣдній тырновскій патріархъ Евтимій (1375—1393), основатель тырновской школы. Онъ былъ ученикомъ Теодосія Тырновскаго. По его слѣдамъ продолжали идти Андроникъ и Константинъ Костенецкіе; послѣдній написалъ поучительные очерки о дѣятельности своихъ предшественниковъ. Но, вслѣдствіе политическихъ условій въ Болгаріи, реформы Евтимія не могли упрочиться; большого успѣха достигла эта школа въ Сербіи, гдѣ просвѣщенный правитель Стефанъ Лазаревичъ (1389—1427) оказалъ покровительство Константину, превратившему рѣзавскій діалектъ (монастырь Рѣзава—нынѣшняя Манасія, въ Куярійскомъ округѣ) въ письменный языкъ для сербовъ, западныхъ болгаръ и сѣверныхъ македонцевъ.

Ученики Евтимія и его другъ, митрополитъ Кипріанъ, проникали также въ Россію и приносили съ собою туда южно-славянскія книги, посредствомъ

которыхъ были оживлены литература и культура XV столѣтія.

Эта искусственно возрожденная церковно-славянская письменность помогла другому ученику Евтимія, Камвлаку, стать около 1390 года болгаро-сербско-русскимъ писателемъ. Онъ завершилъ свою дѣятельность въ санѣ митрополита въ Кіевѣ. Кромѣ жизнеописанія Евтимія и похвальнаго слова ему, Камвлакъ написалъ „Житіе Стефана Деканскаго“, который былъ въ некоторое время игуменомъ прославленнаго монастыря Деканы въ Старой Сербіи.

Въ то время, какъ въ Россіи южно-славянская литература оживлялась новыми силами, въ самой Болгаріи она падала все ниже. Хотя старыя рукописи продолжали списываться, однако, въ монастыряхъ заглохла всякая самостоятельная умственная работа; турки, помимоному, не воздвигали прямыхъ гоненій на славянскую письменность.

Наступила эпоха многовѣковаго застоя.

IV.

Старо-сербская литература.

Древнѣйшая сербская литература также находится въ связи съ дѣятельностью Кирилла, Меодія и ихъ послѣдователей. Сербы использовали то преимущество, которе давало имъ возможность непосредственно черпать изъ столь родственной церковно-славянской литературы. Въ сербскіе тексты пришлось внести сравнительно мало начертательныхъ и звуковыхъ измѣненій.

Поэтому древне-сербская литература характеризуется тѣмъ же, что и болгарская. Она обнимаетъ религіозныя и литургическія произведенія, творенія святыхъ отцовъ церкви, переведенныя уже на сербскій языкъ по славянскимъ изданіямъ; говоря точнѣе, эти писанія перерабатывались въ иску-

ственный церковно-славянский языкъ съ сербскими измѣненіями. Сохранившіяся изъ этой литературы рукописи относятся къ XIII—XV вѣкамъ.

Къ числу ихъ принадлежатъ: древне-сербская рукопись части Библии, обнимающей Евангеліе Вукана, Мирослава, Никольско, Шрековича, псалмы Бранко Младенича; далѣе сербскія обработки твореній различныхъ отцовъ церкви, „Сотвореніе міра“ акзарха, греческія „хроники“, многочисленныя повѣствованія и апокрифы, оказавшіе особенно сильное вліяніе: на народную литературу, различныя житія святыхъ, книги заклинаній и сочиненія сказочнаго и астрологическаго характера, среди которыхъ многія были внесены въ перечень запрещенныхъ церковью произведеній.

Не должно, однако, думать, что всѣ древне-славянскія рукописи самаго ранняго періода сохранились и въ сербскомъ изложеніи. Но и въ Сербіи конецъ XII и начало XIV столѣтій отличаются обиліемъ книгъ и богатствомъ ихъ содержанія. Но гораздо большій интересъ, чѣмъ эта литература общаго южно-славянскаго происхожденія, представляютъ рукописи чисто сербскаго характера; онѣ извѣстны подъ наименованіемъ „monumenta serbica“ (сербскіе памятники) и представляютъ сербскія грамоты, обнимающія періодъ времени до конца XII вѣка и сохранившія изобильные слѣды народнаго нарѣчія.

Древнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ Бану Кулину (1189 г.) и великому Жупану Неманѣ (1189 г.).

Къ позднѣйшему времени относятся рядъ грамотъ сербскихъ королей, боснійскихъ бановъ и королей, герцеговинскихъ герцоговъ, имѣющихъ важное значеніе для исторіи.

Республика Рагуза также пользовалась для подобныхъ актовъ сербскимъ языкомъ. Онъ же былъ и языкомъ дипломатовъ въ балканскихъ государствахъ; имъ же пользовался царствовавшій повд-

нѣе (въ началѣ XV вѣка) албанскій герой, Георгъ Скандербегъ, воспитанный въ южно-славянскихъ пѣсняхъ. Многіе турецкіе паши и правители писали свои акты по-сербски.

Касааясь вопроса о сербскихъ рукописяхъ, нельзя обойти молчаніемъ св. Савву, національнаго сербскаго угодника, о заслугахъ котораго передъ сербской церковью и языкомъ каждый сербъ говоритъ съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія. Сынъ короля и архіепископа, онъ принялъ дѣятельное личное участіе въ развитіи сербской церкви и поддерживалъ новые литературные центры въ монастыряхъ.

Святой Савва былъ королевскаго происхожденія. Его отецъ Стефанъ Неманя, послѣ 37-лѣтнаго царствованія отрекся отъ престола и удалился въ монастырь Студеника (1195 г.); съ 1197 года онъ переселился на гору Аеоны, въ Чилиндарскій монастырь, который самъ построилъ и окружилъ богатыми благотворительными учрежденіями. Этотъ монастырь сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ разсадниковъ сербской литературы среднихъ вѣковъ; здѣсь хранилось знаменитое евангеліе, которое недавно было издано съ истинно-королевскимъ великолѣпіемъ. Здѣсь же въ 1200 г. скончался Стефанъ, въ схимѣ Симеонъ, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей: старшаго, Стефана, унаследовавшаго послѣ отпа престола (1195—1228 г.), и Растко, который подъ именемъ монаха Саввы выдвинулъ Чилиндарскій монастырь, выработавъ уставъ, какъ для него, такъ и для монастыря въ Студеникѣ.

Этотъ уставъ показываетъ, что монастыри на Аеоны представляли по образу управленія особаго рода духовную республику; каждый монастырь имѣлъ въ управленіи своего представителя.

Святой Савва становится въ 1221 г. архіепископомъ и коронуется въ 1222 году своего брата въ король. Онъ овладѣлъ Палестиною, Ливійскую пусты-

ню, Египетъ и умеръ въ 1237 г. въ Тырновѣ (Болгарія). Въ 1595 г. суровый Сиванъ-Папа велѣлъ сжечь въ Бѣлградѣ его останки. Замѣчательнѣйшая изъ сохранившихся послѣ этого популярнѣйшаго сербскаго святаго рукописъ—жизнеописание его отца, монаха Симеона, о государственномъ значеніи котораго повѣствуетъ также его братъ, король Стефанъ, въ другомъ жизнеописаніи.

Эти произведенія служили образцомъ для позднѣйшихъ біографовъ царей и архіепископовъ и увѣковѣчили имя св. Саввы.

Съ XIII до XV вѣка сербская литература находится вся во власти монашескаго міросозерцанія, ставившаго главной задачей каждаго смертнаго единеніе челоѣка съ Богомъ и проповѣдывавшаго аскетизмъ; писатели этой эпохи гордились пониманіемъ Священнаго Писанія и отцовъ церкви и старались придать своимъ произведеніямъ напыщенный византійскій тонъ.

Даже въ лѣтописяхъ сербы не умѣли выдержать простого, естественнаго языка, и великія событія отечественной исторіи страдаютъ въ нихъ передачѣ тѣмъ же отсутствіемъ сердечности и искренности. Совсѣмъ иное мы видимъ у чеховъ: въ своихъ „анналахъ“ они отважно ратуютъ за партійные интересы.

Мягкая, воспріимчивая и поэтически-настроенная душа сербскаго народа свято сохранила лишь въ эпическихъ пѣсняхъ память о событіяхъ на Амзельскихъ поляхъ, о витязѣ Янко и другихъ герояхъ.

Слава Сербіи достигла кульминаціоннаго пункта ко времени царя Душана (1336—1355 гг.), современника Карла IV и польскаго короля Казимира Великаго.

Съ именемъ Душана связанъ важнѣйшій памятникъ изъ области права, именно, его „Книга законовъ“, написанная въ 1344 и пополненная въ 1354

году. Она содержитъ въ себѣ постановленія древняго обычнаго права и заимствованные изъ Византіи законы.

Въ позднѣйшіе вѣка въ Босніи возникъ своеобразный родъ письма, въ основѣ котораго лежала кириллица. Боснійскія письма примѣняли францисканскіе монахи, хотя въ Далмаціи и на Кварнерскихъ островахъ этотъ орденъ пользовался исключительно глаголическимъ алфавитомъ.

Главнымъ представителемъ этой католической школы былъ Матія Дивковичъ, переведшій (Венеція, 1611 г.) для славянъ евангеліе и написавшій „Сто чудесъ Пресвятой Дѣвы Маріи“.

Францисканцы въ Босніи насаждали литературу и въ XVI—XVII вѣкахъ, когда у сербовъ она почти заглухла, въ сербскихъ монастыряхъ переписывали тогда только старыя рукописи, преимущественно литургическія, что никоимъ образомъ не можетъ быть почитаемо за литературу.

Новую вспышку и широкое распространеніе сербской литературы мы отмѣчаемъ въ концѣ XV столѣтія, когда начали печатать книги кириллицей сперва въ Черногоріи, а затѣмъ въ Венеціи и другихъ мѣстностяхъ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ сербская литература окончательно поблекла.

V.

„Богомилы“.

Въ южно-славянскихъ литературахъ весьма широко и разносторонне проявилось вліяніе своеобразной секты „богомилзма“, которое, не будучи славянскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ къ числу удивительнѣйшихъ проявленій славянской письменности и духовной жизни.

Названная по имени попа Богомила, эта еретическая секта возникла въ X столѣтіи въ Болгаріи; въ XI вѣкѣ она распространилась въ Цетѣ (нынѣш-

ния Черногорія и прилегающія къ ней земли), и въ Сербіи, гдѣ она въ XII вѣкѣ уже подверглась преслѣдованію; главное пристанище она нашла въ Босніи, особенно ко времени бана Кулина (1180—1224 гг.), при которомъ были впервые написаны кириллицей нѣкоторыя рукописи.

Эта секта процвѣтала въ Босніи въ XV вѣкѣ; ея приверженцы во время турецкаго нашествія перешли въ магометанство. Богомилская ересь возникла въ то время, когда христіанство еще не вѣдрилось въ сердца вѣрующихъ. Богомилizmъ представлялъ смѣсь восточно-греческой философіи и христіанства; Ветхаго Завѣта богомилы не признавали и строго придерживались нѣкоторыхъ своеобразныхъ догматовъ; особенно усердно проводились принципы—дѣлать добро и воздерживаться отъ зла. Церквей богомилы не строили; все богослуженіе ограничивалось молитвой „Отче нашъ“, исповѣдь производилась всенародно. Благодаря тому, что богомилы проповѣдывали на народномъ языкѣ, ихъ ученіе находило многочисленныхъ приверженцевъ въ низшихъ слояхъ населенія. Кромѣ того, эта секта приближалась по духу къ первымъ установленіямъ христіанства, любила правду и нравственность, и доходила даже до аскетизма; нѣкоторое отраженіе въ ней нашли также стремленія къ улучшенію социальныхъ условій.

Богомилizmъ представляетъ переходную ступень къ ереси „новыхъ манихей“ и находится въ тѣсной связи съ ученіемъ чешскаго реформатора Хельчицкаго.

Изобильныя свѣдѣнія о богомилахъ сохранились въ рукописяхъ ихъ противниковъ, немилосердно истреблявшихъ сочиненія богомиловскаго происхожденія. Какъ демократическая секта, богомилы питали пристрастіе къ отреченной, апокрифической литературѣ. Богомилскіе письменные памятники появились во всѣхъ трехъ южно-славянскихъ ли-

туратахъ; слѣды этого ученія проникли также и въ русскую письменность.

Дѣйствительными темами для пересказовъ у богомиловъ служили сказанія о сотвореніи міра и перваго человѣка, изъ чего былъ сотворенъ Адамъ, какъ Христосъ сталъ іереемъ, какъ Онъ пахалъ, о древѣ Святого Креста, о паденіи ангеловъ и о томъ, какъ Люциферъ сманилъ ангеловъ на землю и превратилъ ихъ въ людей. Весьма любопытны также ихъ разговоры противъ лихорадки и другія сочиненія бытового характера.

Богомилы усердно изучали почти всѣ апокрифическія книги; нѣкоторыя изъ нихъ возрѣвѣвъ отразились въ „Хожденіи Богородицы по мубамъ“; это повѣствованіе проникло и въ сербскую народную поэзію.

VI.

Древняя кроатская литература.

Пигдѣ религіозныя и культурныя различія не выступаютъ такъ рѣзко, какъ въ южно-славянскихъ земляхъ.

Несмотря на общность языка, влияніе церкви сказывается столь сильно, что кроаты и сербы являются обособленными и часто враждующими между собою народами съ двумя различными литературами.

Сербы, пользующіеся для письма кириллицей, принадлежать къ православной церкви, тогда какъ кроаты пишутъ латинскимъ шрифтомъ и исповѣдуютъ католицизмъ.

Но и кроаты, особенно францисканскіе монахи, пользовались прежде, въ Босніи, видоизмѣненіемъ кириллицы, а еще ранѣе примѣняли глаголицу.

Еще поразительнѣе, что нѣкоторые кроаты донынѣ примѣняютъ этотъ алфавитъ въ церковныхъ книгахъ, читаемыхъ по-кроатски; католическая ли-

тургія, изложенная глаголическими письменами, сохранилась, однако, только въ немногих мѣстностяхъ средней и сѣверной Далмаціи, въ исторіи и, главнымъ образомъ, на Кварнерскихъ островахъ. Въ Велии недавно основана „Славянская академія“.

Глаголическій алфавитъ принялъ у кроатовъ остроконечную — сходную съ готическою — форму; его такъ и называютъ: „остроконечный глаголическій алфавитъ“, — тогда какъ древнѣйшіе глаголическіе памятники отличаются закругленными начертаніями. Начатки кроатской письменности относятся непосредственно къ эпохѣ дѣятельности святыхъ братьевъ Кирилла и Меодія въ Моравіи и Панноніи, граничившихъ съ Кроаціей. Здѣсь же примѣнялся глаголическій алфавитъ въ древнѣйшую христіанскую эпоху; церковно-славянскія рукописи, какъ „Маріинское евангеліе“, явились на славянскомъ юго-западѣ, а Клозіанскій списокъ, вѣроятно, выполненъ въ Велии. Съ другой стороны, древне-кроатская литература находилась въ тѣснѣйшей связи съ литературной дѣятельностью, которую продолжали въ Македоніи ученики славянскихъ первоучителей.

Переходную ступень между круглыми и острыми глаголическими письменами составляютъ такъ называемые „Вѣнскіе отрывки“ относящіеся къ XII-му столѣтію; въ позднѣйшихъ рукописяхъ встрѣчаются уже чисто латинскія буквы „m“ и „n“.

Эта литература съ первыхъ своихъ начинаній тяготѣла къ западной культурѣ; уже въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ возникло множество памятниковъ, написанныхъ на народномъ языкѣ. Такимъ образомъ, кроаты могутъ гордиться древнѣйшей славянской литературой на народномъ языкѣ, такъ какъ, несмотря на латинскій алфавитъ, котораго требовали сношенія съ Венгріей и Венеціей, они обладали самостоятельною народною литературой, непосредственно примыкающей къ первоначаль-

камъ славянской культуры въ Панноніи и Великой Моравіи.

Латинскій духъ не могъ задуть творчества народнаго языка, какъ это имѣло мѣсто у поляковъ, и глаголица предохранила кроатовъ отъ искусственности церковно-славянскаго языка тѣхъ народностей, которые пользовались кириллицей; для послѣднихъ церковно-славянскій языкъ сыгралъ ту же сковывающую и гнетущую роль, какая выпала на долю латыни въ сѣверныхъ областяхъ.

Уже въ древнѣйшихъ преданіяхъ, занесенныхъ, напримѣръ, въ „Дукліанскую лѣтопись“, относящуюся къ XII и XIII столѣтіямъ, отмѣчается, что Констанцій нашелъ „Кроатскую книгу“, тогда какъ древнія церковно-славянскія рукописи считали этотъ языкъ „словенскимъ“. Славянская литургія католическихъ кроатовъ была у латинскаго духовенства бельмомъ на глазу и вызывала много нареканій; и только послѣ того, какъ папа Иннокентій IV дважды разрывилъ ее, въ 1248 и 1254 гг. въ Зенгѣ и Велии, она получила широкое распространеніе, проникнувъ въ XII столѣтія также въ Агравъ.

Что славянская литургія пользовалась въ Кроаціи широкимъ распространеніемъ, видно также изъ того, что въ 1347 году императоръ Карлъ IV самъ призвалъ „глаголитовъ“ въ Прагу и даровалъ имъ монастырь, который впоследствии былъ разрушенъ во время войнъ съ гусситами.

„Глаголиты“ занесли въ Богемію древне-кроатскую письменность; они же, или ихъ ученики, писали потомъ чешскіе документы на томъ же алфавитѣ. Наболѣе выдѣляется среди такихъ рукописей глаголическій „Lucidarius“, въ языкѣ котораго замѣтно много чешскихъ уклоненій. Въ 1390 г. глаголиты были призваны также и въ Краковъ.

Древняя кроатская литература обнимаетъ руко-

писи религіознаго содержанія, граматы 1100 года и, въ особенности, древніе юридическіе уставы, такъ называемые „статуты“. Отъ XII вѣка сохранились также глаголическія надписи, высѣченныя на камняхъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ языкъ весьма схожъ еще съ церковно-славянскимъ, но и въ этихъ рукописяхъ видно все усиливающееся стремленіе приблизиться къ общенародному языку, такъ что къ XV вѣку кроатское нарѣчіе стало господствующимъ. Это не мѣшало кроатамъ освоиться съ кириллическими памятниками, но глаголица все-таки оставалась, такъ сказать, ихъ спеціальностью. Ею начертаны не только церковныя книги самаго древняго происхожденія, но и житія святыхъ, а также романы, перешедшіе къ кроатамъ чрезъ болгарско-сербское посредство.

Въ Венеціи былъ отпечатанъ первый глаголическій требникъ уже въ 1483 г., т. е. за десять лѣтъ до первой кириллической книги.

Глаголицей пользовалась и протестантская церковь, вездѣ пользовавшаяся для пропаганды языкомъ, понятнымъ народу. Весьма выдающейся въ этомъ отношеніи является дѣятельность Унгнада, издвигеніемъ котораго печатались въ Тюбингенѣ глаголическія, кириллическія и словенскія книги. Глаголица примѣнялась также въ документахъ, выдаваемыхъ пасторами (въ метрическихъ, брачныхъ и т. п. свидѣтельствахъ); ею же пользовалось даже простонародье для своихъ записей. Въслѣдствіе широкаго, благодаря глаголицѣ, распространенія протестантизма, католическая церковь оказалась вынужденною удѣлить этому алфавиту болѣе значительное вниманіе. Францисканцы, имѣвшіе громадное культурное значеніе для южно-славянскихъ странъ, обязаны главнѣйшими своими успѣхами глаголицѣ; они и донинѣ остаются на югѣ главными ревнителями глаголическаго Богослуженія.

Однимъ изъ усерднѣйшихъ сторонниковъ глаголическаго богослуженія былъ архіепископъ Караманъ, который въ своемъ требникѣ придерживался еще русскихъ образцовъ. Но главнымъ расадникомъ его стала извѣстная коллегія св. Іеронима въ Римѣ; св. Іеронима апокрифическія преданія ошибочно считали изобрѣтателемъ глаголицы. Изъ этой коллегіи вышли Червичъ и Драгутинъ Паричъ; послѣдній въ 1893 году переиздалъ требникъ, возстановивъ языкъ древняго памятника.

Съ XV же столѣтія, когда глаголическіе памятники стали приближаться къ народной рѣчи, все большее вліяніе и распространеніе въ Кроатіи получаетъ латинское письмо. Имъ пользовались кроаты въ сношеніяхъ съ венграми и венеціанцами; слѣдствіемъ этого на западѣ явилось все возростающее литературное италіанское вліяніе. Многіе города обитальянились, хотя большинство кроатскихъ женщинъ вовсе не знало италіанскаго языка.

Италіанское возрожденіе отразилось по берегамъ Адриатическаго моря, въ особенности въ Рагузѣ; возникла славянская поэзія, на поприщѣ которой, заодно съ кроатами, подвизались босняки и словаци.

Изъ длиннаго перечня именъ приведены лишь главнѣйшія. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить Петра Зриньи, который былъ казненъ въ 1671 году въ Вѣнѣ, вмѣстѣ со своимъ зитемъ Франгопаномъ, также писателемъ. Петръ перевелъ съ венгерскаго языка поэму своего брата Николая и издалъ этотъ переводъ въ 1660 г., въ Венеціи. Поэма воспѣваетъ подвигъ шигетскаго патріота, Николая Зриньи. Петръ переводилъ, не придерживаясь близко подлинника, многое добавилъ отъ себя и вдохнулъ въ поэму кроатскій духъ. Этотъ же матеріалъ обработалъ и Павелъ Витловичъ (1650—1713 гг.), пользовавшійся расположеніемъ при императорѣ-

скомъ дворѣ и содѣйствовавшій просвѣщенію народа основаніемъ книгопечатанія.

Однако, іезуитамъ все-таки удалось въ концѣ-концовъ очернить его въ глазахъ императора. Онъ умеръ въ опалѣ въ Вѣнѣ.

Кроатская литература также изобиловала житіями святыхъ, начиная со св. Геронима, патрона Далмаціи, и кончая св. Прокопомъ. Въ этой пустынѣ духовныхъ писаній выдѣляется лишь благородный образъ священника Кашича-Милошича (1702 — 1760 гг.), ратовавшаго за возрожденіе народнаго духа въ литературѣ.

Южные славяне по справедливости гордятся своими прекрасными народными пѣснями, въ особенности эпическаго содержанія. На нихъ то и обратилъ свое особенное вниманіе Андрей Кашичъ-Милошичъ, въ качествѣ папскаго легата въ турецкихъ областяхъ, имѣвшій случай оцѣнить высокое значеніе народной поэзіи для поработченныхъ славянъ.

Онъ задумалъ написать нѣчто, вродѣ изложенной народнымъ языкомъ исторіи; въ этотъ трудъ онъ включилъ, слегка видоизмѣнивъ, отдѣльныя пѣсни. Вообще же, Кашичъ-Милошичъ трактовалъ историческія событія самостоятельно, избѣгая надоедливыхъ въ народномъ эпосѣ повтореній. Кашичъ-Милошичъ любилъ рифму, которой не имѣетъ народное стихосложеніе. Его книга „Занимательное чтеніе для славянскаго народа“ воспѣваетъ всѣхъ „словенскихъ“ героевъ, начиная съ Александра Македонскаго и кончая эпохою паденія Византіи. Многіе инородцы, власть которыхъ распространялась на славянскія земли, признавались имъ за славянъ.

Вторая часть книги всецѣло посвящена битвамъ съ турками; она начинается съ Георгія Скандерберга, часть владѣній котораго была населена славянами. Эта книга приобрѣла среди южныхъ славянъ

такую популярность, что выдержала около тридцати изданій.

Часть стихотвореній Кашича-Милошича, въ свою очередь, проникла въ народное сознаніе и настолько была усвоена имъ, что позднѣйшимъ историкамъ литературы трудно отличить подлинныя произведенія народнаго творчества отъ подражаній Кашича-Милошича.

При жизни Кашича-Милошича, трудъ его выдержалъ три изданія, а вскорѣ послѣ его смерти (въ 1764 г.), въ Офенѣ вышли въ свѣтъ выдержки, переведенныя на латинскій языкъ.

По итальянски нѣкоторые отрывки изложилъ Альберто Фортисъ, который познакомилъ съ пѣснями Кашича-Милошича и Германію.

Гердеръ въ своемъ трудѣ „Голоса народовъ въ пѣсняхъ“ ошибочно цитируетъ пѣсни Кашича-Милошича, какъ подлинныя народныя. „Милошъ Обличъ“ и „Король Радославъ“ принадлежать къ искусственной поэзіи; напротивъ того, пѣсня „о Гассанѣ“, переведенная въ 1789 г. Гете съ итальянскаго, является подлинною южно-славянскою пѣсней. Во французской литературѣ пѣсни южныхъ славянъ использовалъ впервые Просперъ Меримъ, въ своей книгѣ „Рузла“, давшій романтическую переработку сборника Кашича-Милошича; черезъ посредство Мерима онъ дошли до А. С. Пушкина, который увлекся ими до того, что позаимствовалъ нѣкоторыя темы для своихъ „Пѣсенъ западныхъ славянъ“.

Подобно тому, какъ мы замѣтили относительно сербской и болгарской литературы, можемъ констатировать и здѣсь, что воображеніе народа работало неустанно и создало истинныя жемчужины въ области пѣсенъ на прирожденномъ языкѣ. Народъ, за исключеніемъ ученыхъ, говорилъ лишь на родномъ діалектѣ.

VII.

Съверо-западные славянскія литературы въ связи съ латинской.

Чешская литература такъ же, какъ и кроатская, принадлежитъ къ древнѣйшей славянской литературѣ, памятники которой остались въ народномъ языкѣ. Правда, существуютъ письменные памятники діалектическаго характера, но нигдѣ нѣтъ слѣдовъ естественнаго, теоретическаго языка, какъ у южныхъ и восточныхъ славянъ.

Чешская культура примкнула къ культурѣ романо-германской, чѣмъ она рѣзко отличается отъ міросозерцанія тѣхъ славянскихъ литературъ, исходнымъ пунктомъ которыхъ была Византія. Въ первомъ періодѣ чешская литература находится въ зависимости отъ латинской, въ особенности отъ церковной латыни XIII столѣтія, причемъ она на цѣлое поколѣніе отстаетъ отъ своей нѣмецкой сосѣдки. Но уже приблизительно съ начала XIV столѣтія обнаруживается, что древній антагонизмъ коренного славянскаго населенія въ борьбѣ съ новыми нѣмецкими переселенцами обнаруживаетъ самостоятельныя и самобытныя явленія народной жизни. Иногда отзвуки тысячелѣтней, исторической борьбы слышатся и въ литературѣ. Она достигаетъ большого значенія, напримѣръ, въ рукописяхъ Гуса, Хельшицкаго, „Моравскихъ братьевъ“. Въ большинствѣ чешская литература среднихъ вѣковъ носитъ преимущественно религіозный и полемическій оттѣнокъ; тѣмъ не менѣе, между западно-славянскими литературами за нею слѣдуетъ признать руководящую роль; нельзя также отрицать ея благотворнаго и сильнаго вліянія на прочія, а, въ особенности, на древнѣйшую польскую литературу. Въ общемъ, однако, слѣдуетъ отмѣтить, что съверо-западные литературы — чешская и польская, и

южные — славянская и кроатская, — показываютъ весьма мало общихъ чертъ, несмотря на то, что всѣ онѣ находились подъ вліяніемъ западной культуры и что, напротивъ, онѣ развивались совершенно самостоятельно. Единственное, что онѣ имѣютъ общаго между собою, это — духъ латинской литературы, которую выдающіеся сыны Польши и Богеміи обогащали за счетъ родного языка. Особенно въ Польшѣ до XVI столѣтія тяготѣло латинское образованіе надъ развитіемъ народной литературы и препятствовало ея расцвѣту. Латинскій языкъ былъ для поляковъ, пожалуй, даже большимъ несчастьемъ, чѣмъ церковно-славянскій для православныхъ славянъ. Въ то время, когда Несторъ писалъ русскую хронику, Козьма составлялъ исторію Богеміи на латинскомъ языкѣ и еще въ XV столѣтіи Длугошъ выпустилъ польскую исторію на латинскомъ языкѣ.

Языкомъ интеллигенціи-духовенства былъ латинскій, въ то время какъ народнаго языка оно не только избѣгало, но и преслѣдовало. Даже общедоступныя произведенія писались на этомъ языкѣ ученыхъ, и только въ XIV вѣкѣ, въ царствованіе Карла IV появляются чешскія лѣтописи, сначала въ Богеміи, а затѣмъ — въ Моравіи и Польшѣ. Въ это же время чешскій языкъ становится необходимымъ языкомъ официальной, общественной жизни у словаковъ и въ Аугшвицѣ, а въ XVI столѣтіи польское дворянство охотно хвалилось своимъ знаніемъ богемскаго языка. Поэтому чешскіе и польскіе историки литературы должны были всегда считаться съ латинской литературой, такъ какъ она представляеть изъ себя только иноязычную отечественную литературу этихъ народовъ.

Латинскія произведенія не что иное, какъ источники интеллигенціи того времени и служатъ часто образцомъ народной литературы.

Даже во времена, когда идеи націонализма были

въ полномъ расцвѣтѣ, самые злободневные вопросы того времени, — вопросы религіи, обсуждались и разрѣшались на латинскомъ языкѣ, доказательствомъ чего служатъ сотни латинскихъ рукописей, Гуситики, разбѣянные повсеместнымъ библиотечкамъ средней Европы, добавленіе къ чему служатъ также и литературные труды Коуенскаго.

VIII.

Древнѣйшая чешская литература.

Дѣятельность св. братьевъ Кирилла и Мефодія распространялась не только среди венгерскихъ, но и среди моравскихъ и богемскихъ славянъ. Уот ихъ вліяніе выразилось, главнымъ образомъ, въ молитвахъ и отдѣльныхъ формулахъ, однако и въ древне-славянскихъ рукописяхъ, какъ, напримѣръ, киевскихъ и пражскихъ памятникахъ, видны слѣды богемизмовъ. Нѣкоторыя древне-славянскія легенды о чешскихъ святыхъ (Венцелѣ, Людмилѣ), по всей вѣроятности, зародились въ Богеміи. Хранителями этой литературы были: св. Иванъ, затѣмъ св. Прокпій († 1055 г.) и, вообще, монастырь въ Сазавѣ, въ которомъ нашла себѣ убѣжище славянская литургія. Последней, во всякомъ случаѣ, съ самаго начала пришлось бороться со своей могущественной латинской соперницей, что ярче всего выяснилось во время выбора перваго пражскаго епископа (973 г.). Священники пѣли по-латини и по-нѣмецки, народъ же отвѣчалъ могучимъ хоромъ (Господи, помилуй ны!), который уже тогда пустилъ въ народъ глубокіе корни. Церковно-славянская литература никогда не процвѣтала въ Богеміи; она здѣсь держалась, влача жалкое существованіе. Король Владиславъ II хлопоталъ въ 1080 году даже о папскомъ разрѣшеніи славянской литургіи въ Богеміи, чего, однако, не достигъ.

Между церковно-славянскою литературою въ чешскихъ земляхъ и чисто національною чешскою письменностью прошло довольно много времени, потому что начало послѣдней захватываетъ XIII столѣтіе.

Нѣчто вродѣ переходнаго періода составляетъ время происхожденія григоріанскихъ глоссъ и только что передъ тѣмъ выпущенныя вѣнскія глоссы, которыя въ отдѣльныхъ частяхъ указываютъ на свое кроатское происхожденіе, тѣмъ самымъ говоря за существованіе извѣстныхъ отношеній между Богеміей и Кроатіей во времена Карла IV.

Какъ и другія литературы, древнѣйшая чешская литература родилась изъ дѣйствительныхъ потребностей народа и обслуживала преимущественно церковь.

Первые памятники языка важны скорѣе для филологовъ, чѣмъ для историковъ развитія литературы. Произошли глоссы, переводы тѣхъ частей Св. Писанія, которыя были необходимы священнослужителю какъ евангеліе, переводы псалтыря и другихъ частей библіи. Только позже было приступлено къ систематическому переводу библіи, причемъ появились различныя редакціи частей библіи. Сочинялись различныя молитвы и пѣснопѣнія, въ которыхъ большею частью прославлялось тѣло Христово, особенно же популярнымъ стало древнее пѣснопѣніе о національномъ мученикѣ Венцелѣ.

Изъ XIII столѣтія, почти вплоть до начала четырнадцатаго вѣка, д-ръ Флайсмансъ приводитъ 33 рукописи.

Подъемъ чешской литературы начинается, собственно, съ XIV столѣтія. Латинская литература XIII столѣтія, господствовавшая и въ западной Европѣ, служить чехамъ, главнымъ образомъ, образцомъ. Церковный духъ, пользовавшійся философійю какъ „служанкой“ религіи, давалъ направленіе этой литературѣ; такъ развивалась схоластическая фило-

софія, занимавшаяся щекотливыми религиозными вопросами и пытавшаяся установить связь между жизнью и религіей.

На богемскій языкъ были тогда переведены: излюбленное произведение „Борьба души съ тѣломъ“, „Споръ между виномъ и водой“, „Аланъ“, въ которомъ говорится о нѣмецкомъ происхожденіи Іуды. Сюда же относятся и трактаты: „О безсмертіи души“, „О пяти источникахъ грѣха“, толкованіе „Отче нашъ“, десять заповѣдей и др. Эти матеріалы въ большинствѣ обработаны свободно и изложены въ стихотворной формѣ, какъ это тогда было принято у нѣмцевъ. Съ другой стороны, переводились дословно писанія святыхъ отцовъ: св. Августина, Альберта Магнуса, „Бесѣда о солнцѣ“ — св. Бонавентуры, „Видѣніе св. Бригитты“; послѣднее переведено на польскій языкъ для королевы Ядвиги.

Особенно читались и обрабатывались житія святыхъ; между легендами „Золотая легенда“ (1280 г.) Якова де-Ворагина прямо составила цѣнную эпоху; въ Богеміи и Польшѣ ее несчетно разъ переписывали на латинскомъ языкѣ и усердно переводили въ стихахъ на богемскій. Наряду съ этимъ еще въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій переводились и другія легенды на богемскій и польскій языки. Перломъ среди этого рода произведеній является обширная легенда о св. Екаторинѣ, содержаніе которой было обработано и у южныхъ славянъ.

Между чешскими святыми и патронами особенно почитался св. Прокопій, настоятель того монастыря на Сазавѣ, въ которомъ культивировалась славянская литургія; очень удачно и поэтически была обработана эта легенда Верхлицкимъ и затѣмъ переведена на польскій языкъ.

Карлъ IV былъ большимъ почитателемъ этой литературы, распространившейся въ необыкновенномъ количествѣ въ Богеміи и Россіи, а въ средніе вѣка совершенно вытѣснившей новеллы и рассказы. Мно-

гіе апокрифы были написаны въ прозѣ и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, „Видѣнія Георгія“, принадлежать къ фантастической и эсхатологической литературѣ. Эти сочиненія въ послѣдствіи и даже въ новѣйшее время часто издавались и усердно читались.

Въ то время до нѣкоторой степени въ модѣ были сочиненія чисто философскія и моральныя („Cato, gesta Romanorum“), а также обширная литература басенъ, съ баснями Эзопа во главѣ, которыя имѣются въ многочисленныхъ редакціяхъ (старыя по Ромулу; въ послѣдствіи онѣ переводились съ нѣмецкаго языка изъ Штейгевеля и Бранта). Эта отрасль литературы служила вспомогательнымъ источникомъ для проповѣдниковъ и потому неудивительно, что и поляки углублялись въ жизнеописанія философовъ, въ философію Аристотеля и семи мудрецовъ міра, въ жизнь Христа и въ творенія Эзопа, несмотря на то, что они, въ сравненіи съ чехами того времени, далеко отстали отъ нихъ. Напримѣръ, басни Эзопа были напечатаны только въ 1578 году у Шарфенберга, послѣ смерти котораго въ городскомъ книжномъ складѣ гор. Герлица нашли много чешскихъ произведеній.

Въ Богеміи также обрабатывались басни о животныхъ. Смиль Фляшка изъ Пардубица даже написалъ стихотвореніе „Новый совѣтъ“ поучительнаго содержанія, съ приложеніемъ къ нему сборника пословицъ. Барометромъ философій, космографій, физики и астрономіи средневѣковья можетъ служить „Люцидаръ“ („Lucidar“). Чешскій текстъ происходитъ, какъ и русскій, изъ нѣмецкаго, между тѣмъ какъ позднѣйшій, польскій, былъ взятъ изъ латинскаго.

Чешскій „Люцидаръ“, служащий образцомъ кроатскому „Lucidarius“, и „gesta Romanorum“ даютъ самое ясное представление о средневѣковой литературѣ и отвѣчаютъ любознательному читателю на истор. славянскихъ литературъ.

сотно разнообразныхъ вопросовъ. Нѣкоторые особенности проникли и въ народъ и въ этнографической литературѣ образуютъ до сего времени единственную связь между чисто національнымъ и взятымъ изъ книгъ.

И другая сторона средневѣковой жизни, а именно — рыцарство и романтизмъ — дала отзвуки въ чешской литературѣ. Первое мѣсто занимаютъ отрывки изъ написанной стихами „Александриды“, древность которой въ сравненіи съ легендами вызвала въ новѣйшее время усиленные споры. Наряду съ этимъ было распространено также и изложеніе „Александриды“ въ прозѣ. Другой излюбленный матеріалъ представляетъ изъ себя „Троянская война“.

Изъ западнаго цикла сказаній былъ избранъ великій бретонскій герой „Тристанъ“. Преданія, въ которыхъ онъ прославляется, были свободно обработаны въ Богеміи, въ нѣмецкой редакціи. Такая же участь постигла „Тандаріуса и Флорибеллу“, сочиненіе переведенное и обработанное съ нѣмецкаго языка.

Особенно интересны своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ „Брунцвикъ и Стильфридъ“, ставшіе богемскими національными героями. Богемія имъ обязана полученіемъ новаго герба, который былъ ими добытъ цѣною баснословныхъ приключеній и геройскихъ подвиговъ. Въ частности, Брунцвикъ имѣлъ льва, который ему служилъ вѣрнымъ помощникомъ и спутникомъ. Обработки этихъ сказаній безчисленное количество разъ печатались въ Богеміи, какъ широко распространенныя народныя книги. Они же, какъ и рассказы объ „Аполлоніи, королѣ Тирскомъ“, были переведены на русскій языкъ; проникли они въ Россію при польскомъ посредничествѣ.

Вліяніе нѣмецкой литературы на чешскую было косвеннымъ и значительно меньшимъ, чѣмъ вліяніе литературы латинской. Когда Іоаннъ Люксембург-

скій сталъ энергично поддерживать процвѣтаніе нѣмецкихъ колоній въ Богеміи, чтобы найти въ нихъ поддержку своей власти надъ туземнымъ дворянствомъ и, такъ какъ во времена Венцеля II и Оттокара II нѣмецкіе пѣвцы были желанными гостями при королевскомъ дворѣ, -- сблизилась и отношенія между нѣмцами и чехами.

Послѣдніе пользовались для своихъ обработокъ тѣми же латинскими кодексамъ, какъ и нѣмцы; да и самое стихосложеніе вышло у чеховъ въ тѣхъ же созвучіяхъ. Въ дальнѣйшемъ въ этой области можно было бы еще ярче доказать вліяніе нѣмецкой литературы на чешскія произведенія. Тѣмъ не менѣе, много данныхъ говорить за то, что многое черпалось непосредственно изъ нѣмецкихъ источниковъ, несмотря на свободную обработку матеріала. Доказательство этого положенія можно найти въ „Сборникѣ гр. Баворовскаго“, появившемся во второмъ изданіи и содержащемъ слѣдующіе переводы: „Герпогъ Эрнстъ“, „Лауринъ, или малый садъ розъ“, отрывокъ большаго „Сада розъ и Брунцвика“.

Наконецъ, необходимо привести еще сатиры на отдѣльныя сословія, обычныя и у нѣмцевъ; онѣ заключаютъ въ себѣ много важныхъ, культурно-историческихъ элементовъ.

Если древнѣйшая чешская литература и слѣдовала рабски по пятамъ латинской, то уже въ началѣ XIV столѣтія въ ней все-таки обнаруживается самостоятельное вдохновеніе, и именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ чешскія убѣжденія и обычай сталкивались съ преимуществами чужестранцевъ, въ данномъ случаѣ — нѣмцевъ. Блестящимъ доказательствомъ этого служитъ „Хроника Далимила“, законченная въ 1314 г. Изданная патріотически-настроеннымъ чешскимъ дворяниномъ, она должна была стать памятникомъ прошлаго. Въ простыхъ основательныхъ выраженіяхъ, въ стихахъ, онъ крѣпко

держится древнихъ преданій легендарныхъ временъ, а въ дальнѣйшемъ выбирать именно такіе моменты въ исторіи, которые должны были служить предостереженіемъ его соотечественникамъ не поддаваться къ чужестранцамъ, не заглядывать за границу, а твердо хранить обычаи предковъ.

Такъ какъ горожане были большею частью нѣмцы, то онъ ихъ не слишкомъ жаловалъ.

Далимилъ зналъ сказанія о „Роландѣ“, „Карлѣ Великомъ“, „Дидрихѣ фонъ-Вернѣ“ и читалъ нѣмецкую „Хронику графа Альтенбурга“.

Его стихотворная хроника была дважды переведена на нѣмецкій языкъ (въ стихахъ и въ прозѣ), а въ XVIII столѣтіи ее перевели на латинскій языкъ и усердно изучали. Ганка принужденъ былъ перенести изданіе этого сочиненія въ Лейпцигъ, такъ какъ чешскій лѣтописецъ еще въ XIX столѣтіи казался опаснымъ австрійской пензурѣ. Прочіе чешскіе лѣтописцы писали по-латыни. Только по личной инициативѣ императора Карла IV Пулкава фонъ-Раденичъ перевелъ свою хронику съ латинскаго на чешскій языкъ и подъ его наблюденіемъ ее перевели и на нѣмецкій.

Латинскій „Кодексъ“, такъ же какъ и „Codex giganteus“ Цидека, служатъ украшеніемъ краковской университетской бібліотеки.

Вѣроятно и латинскую автобіографію Карла IV перевелъ на богемскій языкъ Пулкава.

XV столѣтіе, въ особенности войны гусситовъ и религиозные распри, послужили поводомъ къ созданію богатой исторической литературы. Наряду съ этимъ и въ содержаніи древнѣйшихъ памятниковъ правовой литературы проявляется коренной духъ чешскаго народа. Особенно рѣзко выступаетъ разница между чужимъ и туземнымъ славянскимъ правомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились нѣмецкія поселенія, пользовавшіяся особыми привилегіями и управлявшіяся нѣмецкими законами.

Эта, вначалѣ латинская, литература въ послѣдствіи уступила мѣсто чешской и уже въ XVI столѣтіи была весьма содѣлательной.

Нельзя обойти молчаніемъ помѣщика южной Богеміи Оому Ститне, въ которомъ раннее долгое время неправильно видѣли представителя древней чешской философіи. Ститне — большой знатокъ Св. Писанія и современной ему философіи, показавшій, особенно въ одномъ поучительномъ, нравственномъ сочиненіи для дѣтей, духовный уровень владѣтельнаго дворянства временъ Карла IV и Венцеля IV. Онъ обрабатывалъ существовавшую въ то время латинскую философскую литературу на богемскомъ языкѣ, дѣлалъ компіляціи изъ сочиненій о міровыхъ событіяхъ, о борьбѣ между грѣхомъ и добродѣтью, толковалъ заповѣди Господни, обнаруживая въ отдѣльныхъ случаяхъ самостоятельныя убѣжденія и мысли, особенно въ разрѣшеніи нравственныхъ проблемъ. Въ своихъ многочисленныхъ трактатахъ Ститне пользовался подходящими сравненіями и пословицами, писалъ живо и былъ до Гуса лучшимъ чешскимъ прозаикомъ. Его разнообразныя сочиненія (компіляціи и переводы изъ сочиненій отцовъ церкви) обнаруживаютъ знаніе средневѣковаго неоплатонизма, аристотелизма и антиноминального реализма. Это былъ одинъ изъ дѣятелей, подготовившихъ почву для послѣдовавшихъ событій.

IX.

Библия.

Библия является однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, объединяющихъ литературу славянъ.

Особенная любовь чеховъ къ анализу разныхъ религиозныхъ тонкостей, вызвавшая гусситскія войны, сказывается, между прочимъ, и въ томъ, что до изобрѣтенія книгопечатанія, къ концу XIV и началу XV столѣтія, они являются обладателями до 40 ру-

кописныхъ библий—число, которымъ едва-ли можно похвастаться другою народъ. Вообще, въ гусситскія времена Знаніе Священнаго Писанія было поразительнымъ; писатели въ своихъ доказательствахъ всегда опираются на библию и пользуются ею въ полемикѣ между собой. Знаніе это проникло даже въ самые глубокіе слои населенія, доказательствомъ чему служить классическое изреченіе папы Пія II-го, который ужъ во всякомъ случаѣ не былъ приверженцемъ чеховъ или поляковъ: итальянское духовенство должно стыдиться, что оно съ трудомъ читаетъ библию, когда въ Богеміи даже женщины знаютъ наизусть Священное Писаніе и умѣютъ толковать его.

Отдѣльныя части библии, какъ напримѣръ—псалтырь и Новый Заветъ, уже давно были переведены чехами и поляками; съ теченіемъ времени къ этому прибавились и другія главы. Хорошимъ доказательствомъ набожности Карла IV-го было то, что въ приданое своей дочери, выданной замужъ въ Англію, онъ далъ, между прочимъ, богемскій Новый Заветъ. Во второй половинѣ XIV столѣтія отдѣльныя части библии были собраны въ одну книгу, вѣроятно по инициативѣ этого мудраго правителя.

Чешская библия была переведена съ латинскаго, но въ отдѣльныхъ случаяхъ пользовались и церковно-славянскимъ текстомъ.

Списываніе цѣлой библии продолжалось добрыхъ три года, что видно изъ вѣнской „таборитской библии“. По тексту различаютъ два начертанія библии—болѣе старое и новѣйшее. Рукописи богемской библии разсыяны по всей Европѣ; старѣйшей является дрезденскій списокъ конца XIV столѣтія. Въ Богеміи Новый Заветъ и библия явились первыми печатными произведеніями, а забота о вѣрномъ, согласованномъ съ еврейскимъ и греческимъ, текстомъ

библии заставила „богемскихъ братьевъ“ взяться за критическій пересмотръ ея.

Виблія была утѣшеніемъ чешскихъ переселенцевъ, захватившихъ съ собою при бѣгствѣ изъ Богеміи „Кралицкую библию“ и „Лабиринтъ міра“ Коменскаго.

Тогда библии печатались, главнымъ образомъ, у Мелантриха и Велеславина, а во времена упадка литературы—и въ Германіи. Во времена возрожденія богемцевъ библия сыграла большую роль. Текстъ католической библии св. Венцеля былъ обработанъ по Кралицкому списку; въ концѣ XVIII-го столѣтія вожди богемскаго самосознанія снова издали ее, и ученые чехи, какъ Духишъ, Добровскій, изучали старославянскій, чешскій и еврейскій текстъ библии. Такимъ образомъ, Священное Писаніе даже во времена упадка являлось золотой связующей нитью чешской литературы.

Кромѣ того, въ литературномъ отношеніи она связываетъ чеховъ и съ другими славянами.

При изданіи русскаго текста за образецъ корректуры была принята чешская библия. Въ 1517—1519 году докторъ Скорина отпечаталъ въ Прагѣ псалтырь и 22 книги Стараго Завета. Когда въ 1747 году въ Россіи приступили къ пересмотру библейскаго текста, два кievскихъ профессора пользовались для сравненія тоже чешской библией.

Она послужила также образцомъ польской и лужицано-вендской библии, но крайней мѣрѣ для тѣхъ частей ея, которыя уцѣлѣли. Уже Кинга молился по польскому псалтырю, но этотъ списокъ XIII-го столѣтія не сохранился.

До насъ дошли только латинскій, вѣмецко-польскій и Пулавскій списки псалтыря.

Разумѣется, въ Польшѣ тоже были распространены чешскіе псалтыри, оказавшіе извѣстное вліяніе на польскій текстъ.

Псалтырь былъ включенъ въ молитвенники и при-

надлежить къ числу первыхъ печатныхъ произведенийъ 1534 и 1535 годовъ; вскорѣ послѣ этого Рей перевелъ его великолѣпнѣйшей прозой, а Кохановскій и Гроховскій переложили текстъ въ стихи, что позднѣе пытался сдѣлать также и Коменіусъ въ Богеміи.

Точно такъ же и другія части библіи, особенно Новый Заветъ, были переведены на польскій языкъ; но самымъ значительнымъ памятникомъ является такъ называемая библія королевы Софіи, которая носитъ на себѣ безспорный отпечатокъ чешской Патины. Она, разумеется, не совсемъ хорошо сохранилась, но была великолѣпно издана.

Псалтырь, Новый Заветъ и библія являлись особенно въ XVI-мъ столѣтіи предметомъ соревнованія и соперничества между протестантами и католиками.

Словно огненный столбъ, жалобы и моленія псалтыря увлекли своимъ плѣнительнымъ стилемъ поэтовъ Мицкевича и Словацкаго, когда они писали „Страствованія пилигримовъ“ и „Генезисъ дуа“.

Какъ уже было упомянуто, чешская библія имѣла влияние и на произведенное въ 1547 году Якубомъ возстановленіе лужицано-вендскаго текста; такимъ образомъ, и у Вендовъ письменность начинается библіей и стоитъ въ связи съ чешской литературой. Какъ здѣсь, на сѣверѣ, такъ и на югѣ у Словенцевъ и Кроатовъ (особенно въ сѣверныхъ и западныхъ нарѣчіяхъ) возникновеніе народной литературы находится въ связи съ протестантизмомъ, которое подобно прежнему гуссизму опиралось въ своемъ ученіи на библію, для чего въ качествѣ важнѣйшаго пособія пользовалось народнымъ языкомъ (библія, катехизисъ). Но только это влияние протестантизма выразилось различнымъ образомъ, да и до сихъ поръ оно не одинаково у разныхъ славянъ. На сѣверѣ оно повело къ германизации, на югѣ—оживило словенскую литературу, которая вос-

пользовалась отрывками устныхъ преданій старинныхъ бардовъ.

Въ теченіе столѣтій нѣмецко-латинская культура не могла разрѣшиться ни одной единственной словенской книгой, когда вдругъ, вмѣстѣ съ реформацией возникла новая словенская и кроатская литература, печатавшаяся въ Германіи, и особенно—въ Тюбингенѣ, Урахѣ, Нюрнбергѣ. У словенцевъ первымъ апологетомъ и распространителемъ протестантизма является Примусъ Труберъ (1508 — 86). На довольно бѣдномъ нарѣчій онъ обработалъ Новый Заветъ, псалтырь и книгу проповѣдей Лютера, тогда какъ въ 1584 году Георгъ Далматинъ издалъ цѣлую библію на народномъ языкѣ, грамматически провѣренную Бохоричемъ, однимъ изъ учениковъ Меланхтона.

Это достопамятное движеніе на югѣ неразрывно связано съ именемъ барона Угнада, жившаго съ 1557 года въ Урахѣ и въ качествѣ мецената щедро поддерживавшаго кроатскую литературу. Такъ какъ въ Тюбингенѣ и Нюрнбергѣ печаталась глаголицей и кириллицей масса религиозныхъ книгъ на понятномъ толпѣ кроатскомъ нарѣчій, то и католики увидѣли себя вынужденными пользоваться этимъ языкомъ для своихъ писаній. Католическая реакція сурово обошлась съ протестантской письменностью словенцевъ; все (какъ и въ Богеміи) было сожжено, отъ нѣкоторыхъ произведеній не уцѣлѣло ни одного экземпляра.

Тѣмъ не менѣе, ни литература, ни народный языкъ не могли быть уничтожены этимъ, хотя въ Богеміи и словенскихъ странахъ послѣднему былъ нанесенъ неострашимый, смертельный ударъ.

Въ Сербіи борьба за національную литературу тоже разрѣшилась окончателью библіей, когда Вукъ Караджичъ издалъ въ 1857 году въ Вѣнѣ „Новый Заветъ Господа нашего Иисуса Христа“; въ рукахъ Вука лучшимъ козыремъ оказалось то,

что онъ показать сербскимъ крестьянамъ возможность слушать евангеліе на родномъ языкѣ.

X.

Іоаннъ Гусъ (1369--1415).

Имя извѣстнаго реформатора, геройски поплатившагося сожженіемъ въ Констанцѣ за свои убѣжденія, стоитъ въ тѣсной связи съ чешской литературой. Какъ Викильфъ въ англійской, а позднѣе Лютеръ въ нѣмецкой, такъ Гусъ является краеугольнымъ камнемъ чешской литературы.

Припомнимъ церковныя неурядицы того времени и условия жизни въ Прагѣ, гдѣ имѣлъ свое мѣсто-пребываніе королевскій дворъ; въ мѣстный университетъ стекались студенты со всей средней Европы. Всѣ умы того времени были обращены на церковный разладъ и господствующую симонію; повсемѣстно чувствовалась необходимость скорой реформы. Были единичныя выступленія чеховъ, нѣмцевъ и поляковъ за реформу церкви „in capite et in membris“.

Такъ готовилась почва для дѣятельности ученаго профессора и ректора пражскаго университета Іоанна Гуса, который особенно увлекалъ своихъ соотечественниковъ въ качествѣ проповѣдника Вифлеемской капеллы. Какъ проповѣдникъ и профессоръ, онъ долженъ былъ касаться различныхъ недостатковъ, имѣвшихъ мѣсто въ церкви, чѣмъ вызывая недовольство своихъ враговъ и полемику съ ихъ стороны. Вражда росла, когда къ религиозной дѣятельности магистра Гуса присоединились и націоналистическія обстоятельства; въ качествѣ ректора, онъ сумѣлъ добиться предоставленія чехамъ трехъ голосовъ въ университетѣ, послѣ чего послѣдовалъ отливъ нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ. Слѣдствіемъ этого явилось процвѣтаніе лейпцигскаго университета.

Мало-по-малу Гусъ втянулся въ полемику съ архіепископомъ, въ особенности, когда познакомился съ твореніями Викилфа. Произведенія Викилфа прежде всего стали извѣстны другу Гуса Іерониму, который одно время трудился въ Польшѣ и Литвѣ.

Въ вопросахъ морали Гусъ исходилъ изъ ученія католической церкви; только позднѣе онъ разошелся съ догматами церкви, особенно относительно пресуществленія.

Гусъ былъ, какъ ученый, сыномъ своего времени; оригинальности тогда не придавали значенія, и мы нерѣдко видимъ, что Гусъ просто пересказываетъ ученіе Викилфа. Но Гусъ былъ также и самостоятельнымъ ревнителемъ права и морали. Его величіе покоится на нравственности и прямолинейности убѣжденій, за которыя онъ и поплатился жизнью.

Но для чешской письменности онъ имѣетъ значеніе потому, что въ этой области Гусъ оказался еще большимъ реформаторомъ, чѣмъ на религиозной нивѣ.

Гусъ былъ дѣятельнымъ латинскимъ и чешскимъ писателемъ. Опубликованныя въ Нюрнбергѣ творенія его дали возможность также и нѣмецкимъ ученымъ охватить его крупную личность. По-латински Гусъ защищалъ свое ученіе противъ міра ученыхъ, по-чешски же онъ распространялъ его среди народа, особенно съ тѣхъ поръ какъ ему запретили проповѣдывать въ Прагѣ.

Но именно въ этомъ-то и заключается заслуга Гуса, что онъ подиалъ народный языкъ до степеней литературнаго, отчего до тѣхъ поръ отгребивались господа ученые. Первоначально въ чешской терминологіи не было достаточно точно соотвѣствующихъ выраженій философско-схоластическимъ понятіямъ, но уже черезъ нѣсколько лѣтъ Гусъ сумѣлъ передавать все самымъ точнымъ образомъ по-чешски.

Чтобы имѣть возможность оцѣнить все значеніе магистра Гуса, мы должны имѣть въ виду какъ его латинскія, такъ и чешскія произведенія, которыя взаимно дополняютъ другъ друга.

Самыми важными произведеніями его являются длинные трактаты: „Объясненіе вѣры“, „Книга проповѣдей“, „По поводу симоніа“, въ которыхъ наиболѣе ясно выражаются взгляды Гуса. Къ обсужденію различныхъ, въ то время излюбленныхъ вопросовъ или къ простекшимъ изъ духа времени воззрѣніямъ на бракъ, душу, грѣхъ, Тѣло Господне, въ этихъ трактатахъ присоединяются всевозможныя проповѣди, которыя опираясь на Евангеліе, образуютъ зерно катехизиса; другія произведенія содержатъ въ себѣ его догматическія воззрѣнія, публичные вызовы, особенно докторамъ, и защиту Виклефа.

Латинскія произведенія показываютъ гладкій стиль, въ чешскихъ проявляется основательная обработка матеріала, стараніе и чистота языка.

Но Гусъ былъ значительнѣйшимъ писателемъ начала XV столѣтія не въ силу многочисленности своихъ твореній: его величина, какъ и у Лютера, вырастаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ имѣлъ въ позднѣйшія бурныя времена.

Констанцскій соборъ, на которомъ столь трагически была рѣшена участь Гуса, былъ созванъ въ 1414 г. императоромъ Сигизмундомъ, желавшимъ устранить въ Чехіи смуту, вызванную обнародованіемъ въ Прагѣ папской буллы объ отлученіи грѣховъ. Гусъ прибылъ на соборъ съ охранною грамотою Сигизмунда; несмотря на этотъ документъ и протесты чешскихъ вельможъ, его арестовали послѣ перваго же допроса передъ папою и кардиналами.

Въ заключеніи Гусъ много страдалъ отъ дурного помѣщенія и болѣзней, но эти условія не повліяли на высокій строй его души. На уговоры императора и друзей отречься отъ ученія Виклифа, осужден-

наго соборомъ: если бы соборъ потребовалъ, чтобы я призналъ, что я одноглазый, хотя у меня оба глаза, я бы повиновался, — но просилъ, ради Господа, не налагать на него „печати вѣчнаго осужденія, принуждая солгать и поступить противъ совѣсти“.

Почти мѣсяцъ убѣждали Гуса отречься; послѣднюю попытку сдѣлалъ имперскій маршалъ въ моментъ, когда должны были зажечь костеръ на мѣстѣ казни. Гусъ отвѣтилъ: „отъ какихъ же заблужденій мнѣ отречься, когда я никакихъ не признаю за собою. Призываю Господа въ свидѣтели, что не училъ и не проповѣдывалъ того, что показали на меня лжесвидѣтели; главною цѣлью моей проповѣди и всѣхъ моихъ сочиненій, было отвратить людей отъ грѣха и въ этой истинѣ, которую я проповѣдывалъ согласно съ евангеліемъ Іисуса Христа и толкованіемъ святыхъ учителей, я сегодня радостно хочу умереть“ (6-го іюля 1415 г.).

XI.

Гуссизмъ и XV столѣтіе въ Богеміи.

„Эпизодъ“, окончившійся на Констанцскомъ соборѣ осужденіемъ Гуса, и пламя костра на берегу Рейна, куда былъ ссыпанъ пепелъ этого великаго человека, закончились въ Богеміи драматическимъ эпилогомъ, которымъ пришлось заняться Базельскому собору.

На первомъ планѣ въ это время стоятъ гусситскія войны съ боевой пѣсней: „Кто борецъ Господа...“ и со спеціальной стратегической литературой; между гусситами возникаютъ новыя секты, борющіяся между собой, — между ними Орфаниты, которые готовятъ почву позднѣйшей общины „моравскихъ братьевъ“ и протестантству, тогда какъ Каликстинцы видятъ въ чашѣ символъ ихъ

46 ГУССИЗМЪ И XV СТОЛѢТІЕ ВЪ БОГЕМИИ.

вѣрованія, отклоняющагося отъ католической церкви.

И въ области филологій Гусъ явился реформаторомъ литературы. Не напрасно онъ упрекалъ германизировавшихся пражцевъ въ томъ, что они портятъ языкъ и вводятъ новыя формы; въ извѣстномъ отношеніи онъ очистилъ діалектъ, обогатилъ его новыми понятіями, утвердилъ литературный языкъ; его рѣчь явилась для послѣдующихъ поколѣній образцомъ.

Рука объ руку съ очищеніемъ и выработкой языка у Гуса шло и улучшеніе правописанія. Тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ по недостаточной латинской манерѣ письма приходилось выражать одну согласную двумя или тремя буквами, онъ ввелъ точки. Разумѣется, это правописаніе распространилось не повсемѣстно, такъ какъ „богемскіе братья“ имѣли свою собственную манеру письма, но въ отдѣльных случаяхъ оно было принято, напримѣръ, полякомъ Паркосцемъ (въ XVI столѣтіи) для „z“.

Въ началѣ XIX столѣтія основы гуссовской ореографіи послужили краеугольнымъ камнемъ чешскаго правописанія; только вмѣсто точки вводится крючекъ, который принимается также и пишущими по-латински южными славянами; имъ пользуются также и верхніе Лужичано-Венды. Кроме того, это чешское начертаніе проникло теперъ и въ сравнительное языковѣдѣніе и служить для начертанія санскритскихъ писемъ для африканскихъ нарѣчій, а въ послѣднее время и для подходящаго алфавита албанцевъ.

Въ критическомъ пересмотрѣ и спискахъ отдѣльных библий Гусъ, разумѣется, тоже принималъ участіе, такъ какъ, напримѣръ, Шафгаузенская библия имѣетъ его ореографію.

Въ періодъ между 1402 и 1409 годами Гусъ работалъ, главнымъ образомъ, надъ научными трудами; затѣмъ наступаетъ періодъ полемическихъ

произведеній (1409—1412); позднѣе Гусъ писалъ, главнымъ образомъ, по-чешски и выяснялъ свои взгляды. Особенно важными и интересными являются его письма изъ тюрьмы (1414—1415), которые, будучи написаны по-латински и чешски, лучше всего отражаютъ его самостоятельный духъ.

Литература XV столѣтія является только отзвукомъ этого бурнаго, волнуемаго страстями времени, когда враждебныя партіи преслѣдовали другъ друга сатирическими пѣснями и пасквилями. Этого, столь богатый героическими дѣяніями народа періодъ и набѣги отдѣльных воинственныхъ шаекъ на Венгрію и Германію доставили богатый матеріалъ для историческихъ описаній и до сихъ поръ составляетъ благодарный мотивъ для чешской поэзіи. За нимъ слѣдуетъ эпоха прославленнаго Георга фонъ-Подебрада, чловѣка большого политическаго кружора и энергіи, пока, наконецъ, богемскій и венгерскій престолы не занимаютъ слабые правители-Ягеллоны, и страну не начинаютъ раздирать внутреннія неурядицы.

То обстоятельство, что и въ это время чловѣчскій духъ не былъ въ состояніи окинуть религіозный кругозоръ и отдавался поэтическому паренію мысли только для объясненій въ проповѣдяхъ евангелія или разсыпался въ бесплодной полемикѣ противъ всѣхъ и каждаго, находило свое объясненіе тоже въ духъ времени. Въ то время людей больше всего интересовало, возсѣлъ-ли Христосъ по Вознесеніи своемъ одесію Отца въ новой плоти, или въ прежней, земной. Или—что случится съ причастіемъ, если оно упадетъ на землю и будетъ съѣдено мышью, поскольку пострадаетъ отъ этого Тѣло Господне, и тому подобные вопросы. Каждая секта держалась въ этомъ отношеніи своего мнѣнія, которое готова была защищать до послѣдней капли крови, а на бумагѣ со страстью и изощренностью.

Въ то время, какъ по своему идейному содержа-

нію литература XIV столѣтія отставала отъ латинской и нѣмецкой на 30—50 лѣтъ, теперь она опережала нѣмецкую въ области всеобщаго умственнаго и религіознаго движенія почти на цѣлое столѣтіе. Въ Богеміи интересъ къ религіознымъ вопросамъ былъ общимъ явленіемъ; въ крѣпостяхъ и городахъ, гдѣ горожане были знакомы со многими языками и Священнымъ Писаніемъ, ревностно обсуждались серьезные религіозные вопросы искусства книгопечатанія, которое перешло изъ Нюрнберга въ Пильзень, Куттенбергъ и Прагу, вызвало всеобщее развитіе и жажду чтенія. Чехи первые изъ всѣхъ славянъ оцѣнили значеніе печати.

XII.

Петръ Хельчицкій.

Хельчицкій, годъ рожденія и смерти котораго до сихъ поръ еще остаются неизвѣстными, является оригинальнѣйшей личностью средневѣковья, одухотворенной истинно-чешской душой. Онъ былъ родомъ изъ забытой деревеньки Хельчицъ на юго-западѣ Богеміи, гдѣ и жилъ въ первой половинѣ XV столѣтія; хотя онъ и принадлежалъ къ числу сельскаго дворянства, но ревностно занимался литературой. Хельчицкій былъ первымъ чешскимъ и, быть можетъ, даже и первымъ европейскимъ писателемъ, проводившимъ почти революціонныя мысли о необходимости реорганизации человѣческаго общества.

Въ позднѣйшія времена его противники увѣрили, будто онъ занимается сапожнымъ ремесломъ, можетъ быть просто въ насмѣшку надъ непосѣдливостью его духа.

До сихъ поръ его считали очень недостаточно образованнымъ; иные предполагали даже, что онъ не зналъ латинскаго языка. Но его произведенія доказываютъ, что по своей образованности онъ на-

ходился вполне на уровнѣ своего времени. Онъ первый воспринялъ догматическія взгляды Виклифа, особенно въ вопросахъ о пресуществленіи.

Главнымъ произведеніемъ Хельчицкаго является „Сѣтъ вѣры“; наряду съ этимъ онъ написалъ рядъ маленькихъ трактатовъ. Въ послѣднихъ главную роль играетъ вопросъ о возрожденіи человечества (Renovatio veteris hominis), проведенный въ малѣйшихъ мелочахъ съ громадной научной эрудиціей, а также—объясненіе самыхъ темныхъ мѣстъ Апокалипсиса.

Въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ наряду съ Гусомъ, Рокисаной, Якубекомъ, т. е. самыми выдающимися теологами. Съ массой темперамента и огня встаетъ онъ на защиту своихъ воззрѣній; онъ не боится силы выраженій, нагромождаетъ синонимы другъ на друга и достигаетъ этимъ необыкновенной живости, даже почти современной гибкости изложенія.

Когда между нимъ и таборитскимъ епископомъ Николаемъ завязалась отчаянная полемика по вопросу о причастіи, то Хельчицкому дважды удалось очень страстно, но и остроумно защитить свои убѣжденія.

Вышеупомянутые труды Хельчицкаго не поднимаются выше умственного уровня XV столѣтія. Высшей точкой его литературной дѣятельности и философско-соціального убѣжденія является его „Сѣтъ вѣры“. Въ этомъ произведеніи Хельчицкій указываетъ на Священное Писаніе, какъ на основной базисъ религіи, и выводитъ изъ него всѣ необходимыя правила жизни. Каждый христіанинъ, какъ истинный ученикъ Христовъ, долженъ выполнять до послѣдняго всѣ его завіты; онъ долженъ возвращаться къ той чистотѣ и простотѣ нравовъ, которыя царили во времена первыхъ христіанъ. Онъ не долженъ прибѣгать къ насилию; не долженъ пу-

скатся въ торговны дѣла, а если и дѣлаетъ это, то не смѣетъ извлекать изъ нихъ больше барыша, чѣмъ получилъ бы при отдачѣ въ ростъ. Истинный христіанинъ не долженъ итти въ чиновники, такъ какъ обладаніе властью склоняетъ къ злоупотребленію ею; въ особенности же никто не имѣетъ права наказывать другого или заставлять его измѣнять свои убѣжденія. Смиранный христіанинъ долженъ самъ сносить обиды, что простирается вплоть до „непротивленія злу“, т. е. мы имѣемъ въ данномъ случаѣ тотъ же самый принципъ, который такъ часто встрѣчается въ философскихъ произведеніяхъ графа Льва Толстого. Ни при какихъ обстоятельствахъ христіанинъ не смѣетъ воевать; въ этомъ Хельчицкій неумолимо опирается на Христово ученіе о любви къ человечеству, запрещающее кровопролитіе. Въ этомъ направленіи Хельчицкій не щадитъ никого, возстаивая даже противъ таборитовъ, защищавшихъ свое ученіе съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ какъ Хельчицкій проповѣдуетъ возвращеніе къ первоначальной жизни христіанъ, то онъ задается вопросомъ, кто былъ причиной того, что это, вначалѣ святое, бытіе было нарушено. Его отвѣтъ гласитъ: папа и король, духовная и свѣтская власть — вотъ тѣ киты, что прорываютъ сѣтъ вѣры. За папой слѣдуютъ непосредственно прелаты и высшее духовенство; свѣтская власть опирается на войско, могущество котораго ведетъ къ войнамъ.

Пламенными словами бичуетъ Хельчицкій оба эти сословія, живописуя царящія среди нихъ неурядицы; онъ является безбоязненнымъ проповѣдникомъ морали, рвущимся въ бой интеллектомъ, достигающимъ мѣстами положительно драматическаго впечатлѣнія.

Соціальныя воззрѣнія Хельчицкаго въ высшей степени возбуждали интересъ графа Толстого, который читалъ „Свѣтъ вѣры“ еще по корректурнымъ

листамъ и говорилъ о Хельчицкомъ, какъ о первомъ философѣ міра.

Кромѣ того, его вліяніе принимаетъ большое значеніе еще и потому, что ученіе Хельчицкаго было принято „богемскими братьями“, извѣстными обыкновенно подъ именемъ „моравскихъ“.

ХІІІ.

Богемское (моравское) братство.

Во времена короля Георга Подебрзда въ восточной Богеміи среди простого, преисполненнаго глубокой религіозности народа образовалась секта, подобная Богомиламъ южно-славянскихъ земель, мало-по-малу захватывавшая все болѣе широкіе круги и находившая себѣ приверженцевъ даже среди знати. Члены братства поставили своей задачей достиженіе строгости нравовъ. Тѣмъ не менѣе, какъ съ гусситской, такъ и съ католической стороны къ нимъ отнеслись очень враждебно, принимаясь при всякомъ удобномъ случаѣ преслѣдовать ихъ. Приверженцамъ ея пришлось пострадать особенно сильно послѣ Шмалькальденской войны 1547 года, такъ что многіе спасались бѣгствомъ въ Польшу. Дважды происходили большія переселенія, пока, наконецъ, послѣ битвы у Бѣлой Горы (1620 г.) чешскіе выходцы не нашли себѣ пріюта — протестанты въ Шлезвигѣ и Саксоніи (Ширна, Дрезденъ, Бунцлау, Циттау, Бауценъ), а „братья“ — въ Лиссѣ. Особенно привѣтливо отнесся къ нимъ принцъ Альбрехтъ Прусскій. Въ Польшѣ они нашли могущественнаго покровителя въ лицѣ Андрея Горькаго.

Братству пришлось пережить еще и внутренний кризисъ, такъ какъ черезъ-чуръ идеалистическое и теоретическое ученіе Хельчицкаго должно было быть сначала приурочено къ практической жиз-

ни. Побѣда „новаго“ направленія надъ „старымъ“ и преслѣдованія еще болѣе утвердили ихъ въ вѣрѣ, и послѣднее проникало въ самыя широкіе круги народа посредствомъ многихъ печатныхъ произведеній.

Ни одна секта не занималась такъ много культивированіемъ разговорнаго и литературнаго языковъ, какъ „братья“; вліяніе ихъ сказывалось даже и на польской литературѣ, такъ какъ польскіе приверженцы ихъ читали чешскія книги или писали польскія по ихъ образцу; но сами они не теряли связи и не забывали своихъ нѣмецкихъ собратьевъ, заготовляя для нихъ, по крайней мѣрѣ, духовныя книги (катехизисы, молитвенники и т. п.).

Прежде всего братство обратило свое вниманіе на исторію, что выразилось въ массѣ фоліантовъ, находящихся въ гернгутскомъ архивѣ; объ этомъ свидѣлствуютъ также и „Acta fratrum Bohemorum“ въ библіотекѣ графа Рачинскаго въ Познѣ.

Исторіей братской общины занимались многіе чешскіе и польскіе писатели.

Во времена переселенія 1636 года между протестантомъ Самуиломъ Мартиниусомъ изъ Дравова и „братьями“ завязалась ожесточенная борьба. Въ этой чернильной войнѣ принялъ участіе также и Коменскій. Послѣдній писалъ о „тяжелыхъ страданіяхъ этой церкви“ и приводилъ ея исторію, въ которой описывалъ отношенія братской общины къ Лютеру и Польшѣ, а также и къ Альбрехту Пруссому.

„Богемскіе братья“ ставили литературу въ служебное къ религіи положеніе, и если они и не дали никакихъ поэтическихъ произведеній, то, по крайней мѣрѣ, позаботились объ изданіи красивыхъ каноновъ на чешскомъ и польскомъ языкахъ, а нѣкото-

рые изъ нихъ занимались также и теоретической стороной пѣнія и стихосложенія.

Первыя заслуги на этомъ поприщѣ принадлежать брату Благославу; однимъ изъ плодовъ его мягкаго, поэтическаго творчества является „Музыка“ (1558).

Въ связи съ этой дѣятельностью, посвященной благозвучности чешскаго языка и его поэтической гибкости, находится также и интересъ къ самому языку, особенно отражающійся въ грамматикѣ Благослава, стоящей далеко выше иностранныхъ произведеній того же рода.

Благославъ не только даетъ въ ней картину современнаго состоянія и послѣдовательныхъ фазъ развитія чешскаго языка, но принимаетъ въ соображеніе также и другія нарѣчія и даже прочіе славянскіе языки; достопримѣчательный опытъ для XVI-го столѣтія.

Въ извлеченіяхъ эта грамматика обошла широкіе круги и, безъ сомнѣнія, служила учебнымъ пособіемъ въ школахъ, усиленно культивированныхъ „братьями“. Ихъ учителя получали образованіе въ лучшихъ университетахъ средней Европы и подготавливали почву для одного изъ значительнѣйшихъ предшественниковъ Песталоцци-Коменіуса.

Братство было особенно озабочено изданіемъ образцовой и исправленной Библии, что опять таки связано съ именемъ ученаго брата Благослава. Въ главнѣйшихъ чертахъ его Новый Заветъ былъ принятъ и для Кралицкой Библии.

Такимъ образомъ, на всѣхъ литературныхъ поприщахъ того времени мы видимъ счастливую руку брата Благослава. Онъ родился въ 1523 году въ Прерау, учился въ Виттенбергѣ, гдѣ въ теченіе цѣлаго года слушалъ Лютера, а потомъ перешелъ въ университеты Кенигсберга и Базеля. Въ Вѣнѣ онъ

сошелся съ придворнымъ проповѣдникомъ короля Максимилиана II—Пфаузеромъ, который вмѣстѣ съ врачомъ Крато списалъ къ нему благоволеніе повелителя. Въ Магдебургѣ онъ полемизировалъ съ славяниномъ Флакціемъ Илирикомъ, который утверждалъ, будто бы братья, называемые также Цикарди, происходятъ отъ Вальдензеровъ.

Когда братъ Благославъ скончался въ 1571 году въ Меришъ-Крумау, то вмѣстѣ съ нимъ община потеряла одного изъ самыхъ достойнѣйшихъ братьевъ, слава котораго была разнесена далеко вокругъ и уважалась первыми учеными того времени.

XIV.

Золотой вѣкъ.

Въ XVI столѣтіи, особенно во второй половинѣ его, чешская литература достигаетъ большого развитія, главнымъ образомъ, въ количественномъ отношеніи. Начинается „золотой вѣкъ“ ея.

Наиболѣе достойной вниманія въ этомъ столѣтіи является религіозная литература, которая снова оживила къ себѣ прежній интересъ прошлаго столѣтія. Это способствовало развитію полемической и сатирической литературы, но глушило малѣйшіе поэтическіе побѣги, тогда какъ въ то же время въ Польшѣ и Далмаціи поэзія развивалась уже на славу. Въ это время возникаютъ только историческія пѣсни, да и то очень рѣдко, и духовные стихи. Въ остальномъ, въ литературѣ отражается старинное пристрастіе, сохранившееся и до сихъ поръ, къ исторіи, къ описаніямъ путешествій, а юридическая литература достигаетъ достопримѣчательной высоты.

И народной литературѣ въ Богеміи было удѣлено такое же вниманіе, какъ и въ Германіи; до сихъ поръ перепечатки книгъ того времени сохраняютъ за собой извѣстную популярность.

Книги въ большинствѣ случаевъ появляются въ видѣ большихъ фоліантовъ съ иллюстраціями.

Бурныя времена, когда различныя религіи боролись другъ противъ друга, а интересы отдѣльных сословій были другъ другу противопоставлены, дали богатый матеріалъ для исторической литературы наряду съ Шмалькальденской войной и засѣданіями сейма, занимавшагося, главнымъ образомъ, вопросами вѣры и туренкой опасностью.

Центральнымъ мѣстомъ всѣхъ этихъ бурь была Прага. На современныя нынѣ событія каждый писатель глядѣлъ глазами своей партіи.

Оставляя въ сторонѣ другія имена, мы должны назвать, по крайней мѣрѣ, Сикста фонъ-Оттерсдорфа (1547), затѣмъ классическую монографію Венцеля Бжезана (жизнь Вильгельма и Петра Фокъ фонъ-Розенберга); особенную популярность стяжала себѣ богемская хроника Венцеля Хажека, очень интересно и красиво написанная этимъ непосѣдой и спорщикомъ.

Все-то онъ зналъ и все брался объяснить. А чего и не зналъ, то готовъ былъ присочинить этотъ образецъ лжеца для критическаго историка, но занимательный рассказчикъ для историка литературы; представляя изъ себя доброе патріотическое чтеніе, его хроника была пошажена отъ преслѣдованія, которому подверглись многія чешскія книги.

Какъ писатель, онъ стоитъ несравненно выше „историка Хажека“. О его популярности свидѣлствуютъ также три нѣмецкихъ и одинъ латинскій переводъ его хроники.

Интересъ къ описаніямъ путешествій и къ знакомству съ чужими странами издавна былъ великъ въ Богеміи. Развившаяся на этой почвѣ литература составляетъ славу Богеміи, потому что въ разносторонности съ ней не можетъ идти ни въ какое сравненіе любая славянская литература.

Переводъ описанія путешествій Марко Паули (по

Китаю и восточной Азии) и дневникъ чешскаго посольства при французскомъ дворѣ (1464) достойны тоже быть отмѣченными.

Большими путешественниками были моравскіе братья. Чтобы расширить кругъ своего знакомства со всевозможными религіями, они отправили въ 1491—1492 годахъ нѣсколькихъ сочленовъ въ путешествіе; Кабатникъ отправился черезъ Россію и Константинополь въ Іерусалимъ и Египетъ. Братъ Лука присутствовалъ при сожженіи Савонароллы.

Позднѣе, братъ Рокита отправился въ 1570 году къ знаменитому Ивану Грозному, великому князю московскому, чтобы склонить его къ ученію братства, но его дерзкая попытка чуть-чуть не кончилась, какъ у кроата Георга Крижанича ссылкой въ Сибирь.

Въ XVII столѣтіи (въ тридцатыхъ годахъ) Даниль Штрейкъ (Веттерусъ), учитель чешскаго языка у сына Фридриха Пфальцскаго, отправился въ путешествіе по Ісландіи, которое и описалъ. Эта „Ісландія“ извѣстна также и на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.

Но обычной цѣлью путешественниковъ бывала Святая Земля, куда они обыкновенно направлялись черезъ Венецію. Очень пластично описываетъ это Іоганъ фонъ-Лобковичъ въ своемъ „Путешествіи ко Святому Гробу“.

Подобное же путешествіе предпринялъ въ 1546 году также и Префатъ фонъ-Влкановъ, побывавшій также и въ Санктъ-Яго-ди-Компостелло.

Въ 1598 году Кристофъ Харантъ ѣздилъ изъ Полчица въ Палестину. Прошлое его принадлежало полной приключеніями жизни; онъ зналъ всю Европу. Описаніе его путешествія появилось и по нѣмецки. Въ этомъ путешествіи въ Палестину его сопровождалъ Германъ Чернишъ, который въ 1644 г. совершилъ, въ качествѣ королевскаго посланника, описанную имъ поѣздку въ Константинополь.

Въ Богеміи особенно охотно читали про турокъ и Константинополь. Описанія эти изобиловали опасностями и приключеніями. Въ 1500 году сербъ Михайлъ Константиновичъ написалъ по-польски одну изъ подобныхъ „хроникъ“ (слозь его пересыпанъ чешскими и сербскими словами); съ польскаго она была переведена на чешскій и въ 1565 и 1581 гг. издана подъ видомъ „турецкой хроники“. Только въ 1865 году состоялся переводъ ея на сербскій языкъ. Подобную же судьбу испыталъ М. Митровичъ, томившійся въ 1591 году въ турецкомъ плѣну; его путевыя описанія пользовались большой популярностью и были переведены на нѣмецкій языкъ, въ 1584 году на англійскій и дважды на русскій (Побѣдоносцевымъ).

„Московская хроника“—описаніе Россіи и звѣрствъ Ивана Грознаго, написанное Гуанини барономъ Зигмунтомъ Герберштейномъ стало извѣстнымъ по переводу Россія въ 1589 г.

„Переѣздъ въ Америку“ Лери точно также получилъ широкое распространеніе въ чешскомъ переводѣ.

Выдающимся географическимъ трудомъ была большая космографія, обработанная по-чешски Зигмунтомъ фонъ-Пуховымъ въ 1551 году; образцомъ ему послужила космографія Себастьяна Мюнстера, переведенная въ 1680 году на русскій языкъ.

И литература права тоже насчитываетъ въ себѣ много цѣнныхъ произведеній, зачастую распространенныхъ также и въ сторону исторіи права.

Тамъ, гдѣ жилъ Залужанскій, первый распознавшій полъ растений, гдѣ было поле дѣйствій Хажена фонъ-Хажекъ, гдѣ правилъ астрологъ и алхимикъ Рудольфъ, должна была развиваться и естественно-историческая литература, которая включаетъ въ себѣ и чешскія произведенія и переводныя (Рагезъ, Салицъ, Іоаннъ Черни).

По литературнымъ произведеніямъ этого періода

можно признать, что всѣ чешскіе писатели того времени были гуманистически образованы; въ этомъ отношеніи можно сослаться на многочисленные переводы съ латинскаго, особенно философскихъ трудовъ.

Въ этой области особенно выдѣлился Милулашъ (Николай) Конать. Онъ издалъ басни Кирилла, хронику Сильвіа о Богеміи, жизнеописаніе Карла IV и другія произведенія гуманистическаго характера.

Другимъ извѣстнымъ печатникомъ чешскихъ книгъ былъ Мелантрихъ фонъ-Авентинъ, изучившій искусство книгопечатанія, „Черное искусство“, въ Нюрнбергѣ. У Мелантриха, между прочимъ, были отпечатаны по-нѣмецки и чешски Гербарій Матіоли.

Въ Нюрнбергѣ и Виттенбергѣ было отпечатано много чешскихъ книгъ, тогда какъ словенскія получались въ большинствѣ случаевъ изъ Тюбингена.

Точно такъ же, какъ въ братѣ Влагославѣ мы до извѣстной степени можемъ видѣть олицетвореніе стремленій всего братства, и въ зятѣ Мелантриха, типографѣ Данилѣ-Адамѣ фонѣ-Велеславинѣ (1545—1599), бывшемъ большимъ приверженцемъ братства, мы можемъ видѣть литературнаго представителя „золотого вѣка“.

Будучи самъ плодовитымъ писателемъ, онъ сочинялъ предисловія для другихъ, печаталъ, исправлялъ и издавалъ современныя ему произведенія; онъ заслуживаетъ быть упомянутымъ также и въ качествѣ талантливаго переводчика и компилятора, который усвоилъ и облагородилъ латинскій стиль.

Стиль и литературный языкъ Велеславина долго считались образцовыми. И хотя значеніе этого „золотого вѣка“ для литературы и переоцѣнивается, но надо признаться, что Велеславинъ представляетъ собой важный краеугольный камень чешской литературы. Недаромъ его смерть оплакивалась тридцатью тремя поэтами.

Вскорѣ послѣ этого наступаетъ замѣтный упадокъ литературы.

Временами на свѣтъ Божій всплываютъ отдѣльныя литературныя уники, какъ „Антиалькоранъ“ (1614) прославленнаго Вацлава Будовца. Этотъ ученый, сочленъ братской общины, былъ семь лѣтъ гофмейстеромъ при императорскомъ посольствѣ въ Константинополь, гдѣ изучилъ турецкій и арабскій языки. Онъ былъ въ перепискѣ съ самыми выдающимися умами своего времени.

Какъ глава протестантовъ онъ въ 1609 г. выхлопоталъ царскую грамоту.

Появились и такіе крупныя историческія труды, какъ трудъ гр. Мартиница, написанный въ католическомъ духѣ, и Павла Скала—въ протестантскомъ. „Чешская республика“ Странскаго содѣйствовала усиленію интереса къ чехамъ въ самыхъ широкихъ кругахъ и за границей.

Но послѣдствія преслѣдованій послѣ битвы у Бѣлой горы сказались очень скоро. Напрасно отдѣльныя чешскія колоніи напрягали всѣ свои силы, чтобы сохранить на чужбинѣ свой языкъ, напрасно священники употребляли въ дѣло всѣ свои ораторскія способности, — судьба этихъ общинъ была кончена. Да и сами эмигранты не были единодушны, какъ это показываетъ полемика задорнаго Самуила Мартиниуса съ моравскими братьями.

Но самымъ сквернымъ признакомъ былъ упадокъ языка; появлялись теоретики, которые уничтожали даже то, что еще жило въ народныхъ устахъ. „Защита славянскаго языка“ Вальбины, появившаяся на латинскомъ языкѣ, не помогла дѣлу. Гуманистъ Карлъ фонъ-Зиротинъ старшій, знаменитый стилистъ, не узналъ въ концѣ XVII столѣтія чешскаго языка въ его запущенности и бѣдности выраженій.

Съ началомъ господства іезуитовъ, имя одного изъ которыхъ—Коняша—вошло въ поговорку послѣ уничтоженія тысячи чешскихъ книгъ, для чеш-

ской литературы наступаетъ болѣе чѣмъ столѣтній періодъ застоя.

Во время этого періода полного упадка на литературномъ горизонтѣ возсіяло еще разъ большое свѣтило—Іоаннъ Амосъ Коменскій (Коменіусъ).

XV.

Іоаннъ Амосъ Коменскій.

— — —

(Коменіусъ 1592—1670).

Знаменитый педагогъ носить имя по мѣстечку Комны при венгерскихъ Бродахъ въ Моравіи, гдѣ онъ родился; имя „Коменіусъ“ представляетъ изъ себя только обычную для того времени латинизацію имени.

Такъ какъ онъ находился въ оживлѣннѣйшихъ письменныхъ сношеніяхъ съ самыми выдающимися учеными Европы, и его педагогическія стремленія пользовались широкой извѣстностью, то Коменскій принадлежитъ къ числу самыхъ замѣтныхъ личностей своего времени.

Его требованія нагляднаго обученія на родномъ языкѣ дѣлаютъ его самымъ значительнымъ предтечей Песталоцци; какъ таковой онъ вполнѣ заслуживаетъ имени „учителя народа“ и дѣлается достойнымъ всего міра.

Но и для исторіи литературы онъ является столь же важнымъ въ качествѣ чешскаго писателя. Онъ самъ говорилъ про себя, что „моравъ по рожденію, — онъ является чехомъ по языку и теологомъ по призванію“. Трагическая судьба господствовала въ жизни этого человѣка, который служилъ самой благородной идеѣ массой латинскихъ и чешскихъ литературныхъ произведеній.

Какъ истинный сынъ своего времени, Коменскій въ своихъ взглядахъ склонялся къ мистицизму и издавалъ пророчества Коттера, своей пріемной до-

чери Понятовской (жены Штрейкъ-Феттера) и Драбика, благодаря чему и претерпѣлъ много неприятностей.

Идеаломъ его было представить сумму всего челоувѣческаго знанія, излагавшагося имъ въ его пансофистическихъ твореніяхъ, до извѣстной степени являвшихся высшей точкой современнаго ему міропониманія. Произведенія эти первоначально писались по латински и потомъ уже переводились, обыкновенно имъ самимъ, на чешскій.

Кромѣ того, онъ являлся представителемъ идеи міра, и сочувствующіе подобнымъ стремленіямъ встрѣтять при изученіи его трудовъ большую нравственную поддержку.

Отдѣльные христіанскія исповѣданія должны были бы объединиться и жить въ полномъ единодушіи другъ съ другомъ, такъ какъ залогомъ истинно христіанской жизни является не догматическая сущность ученія, а стремленіе къ внутреннему совершенствованію. Его религіозные принципы нашли откликъ у Спенсера. Франкъ Шюлеръ, графъ Цинзендорфъ такъ увлекся этими мыслями, что объединилъ позднѣе разсѣянныхъ моравскихъ братьевъ въ Гернгутъ, чѣмъ искусственно вдохнулъ жизнь въ братскую общину.

Между его чешскими произведеніями особенно выдаются „Лабиринтъ міра“ и „Рай сердца“, на которыхъ особенно сказывается вліяніе протестантскаго проповѣдника Іоганна Валентина Андрэ.

Чешскія произведенія Коменскаго касаются по большей части исторіи братства; ему зачастую приходилось браться за перо для полемическихъ цѣлей.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить большой рядъ трактатовъ чисто религіознаго характера—рѣчи на извѣстные случаи, проповѣди, молитвы, религіозныя разсужденія и другія писанія, имѣвшія отношеніе къ организаціи братской общины.

Этотъ всесторонне образованный человѣкъ издалъ также Катона, переводилъ Овидія, Виргилія и сочинялъ, какъ и его предшественники, каноны, переводилъ псалмы, работалъ и надъ генеалогическими вопросами, начертилъ очень важную карту Моравіи и даже составилъ катехизисъ для своихъ нѣмецкихъ соотечественниковъ въ Фульнектѣ.

Но самое значительное изъ его произведеній сдѣлалось въ 1656 году жертвой пламени; это была „Сокровищница чешскаго языка“, представлявшая изъ себя словарь и грамматику, для которыхъ онъ собиралъ матеріалъ въ теченіе болѣе чѣмъ сорока лѣтъ. На этомъ пожарѣ Коменскій потерялъ все свое состояніе; но болѣе всего его печалила потеря всего матеріала, затѣмъ—его „Amphitheatrum universitatis rerum“ и „Silva rapsodia“.

Іоаннъ Амосъ Коменскій былъ классически образованнымъ человѣкомъ, о чемъ свидѣлствуетъ его стиль. Онъ умѣлъ сосредоточить вниманіе читателя на извѣстномъ предметѣ, о которомъ говорилъ хоть и безъ чрезмѣрнаго жара, но съ внутренней убѣжденностью и живостью. Выдержки изъ его произведеній охотно включались въ грамматики и служили даже во времена литературнаго, стилистическаго и національнаго упадка образцами совершеннаго литературнаго языка.

Иностранцы: нѣмцы, французы, поляки, шведы, венгерцы, англичане, даже голландскіе купцы, отдавали должное принципамъ этого благороднаго человѣка, которому послѣ дѣятельной, въ качествѣ послѣдняго епископа братской общины, жизни не пришлось даже опочить на родной землѣ. Онъ былъ похороненъ на чужбинѣ, въ Наарденѣ въ французско-протестантской церкви.

Въ исторіи педагогики Коменскій является краеугольнымъ камнемъ; точно также и въ исторіи философіи ему обезпечено самое почетное мѣсто.

Громадное значеніе Коменскаго для всего чело-вѣчества нынѣ признается уже всѣми, и исполнились слова Лейбница, сказавшаго:

„Придетъ время, Коменіусъ, когда лучшіе люди воздадутъ тебѣ почести за то, что ты дѣлалъ, на что надѣялся и чего желалъ!“.

XVI.

Начатки польской литературы.

Польская литература начинается позднѣе чешской. Литературные памятники XV вѣка имѣютъ болѣе филологическую цѣнность; кромѣ того, еще есть небольшіе отрывки словесности, относящіяся къ болѣе ранней эпохѣ. Мы не будемъ, правда, напрасно утверждать, что самостоятельная польская литература въ самомъ дѣлѣ впервые беретъ свое начало лишь въ XVI вѣкѣ, хотя сейчасъ же необходимо твердо установить, что уже тогда она выступала, какъ явленіе необыкновенно важное. Счастли-вое обстоятельство заключается въ томъ, что эта литература представляла изъ себя органически-не-прерывное развитіе, хотя, съ одной стороны, она терпѣла отъ политическихъ раздоровъ, а съ дру-гой стороны,—находилась подъ игомъ іезуитизма, какъ и „письменность“ въ Рагузѣ.

Въ тѣ времена, когда въ Богеміи въ литератур-ной области господствуютъ оды, когда все національное—мертво, когда славянскій югъ стонетъ подъ гнетомъ турокъ, а рѣчь естественна заклю-чена въ оковы, поляки уже насаждаютъ свою соб-ственную литературу.

Историческое развитіе образовало изъ Польши католическую твердиню, хотя бывали времена, ко-гда Польша, напротивъ, относилась болѣе терпимо къ другимъ религіямъ и сектамъ, чѣмъ прочіе на-роды. Католицизмъ пересадилъ сюда латинскую культуру, литературу и латинскую рѣчь, какъ цер-

ковное и государственное орудіе. Въ первые вѣка распространія христіанства писали только по латыни, и ко времени расцвѣта гуманизма это чужеземное давленіе дошло до крайняго предѣла, нанеся существенный ущербъ развитію отечественной рѣчи. Лучшіе сыны Польши расточали свои духовныя силы въ латинскихъ трудахъ и, если нѣкоторые изъ нихъ, какъ это порой случается въ XVI вѣкѣ, наряду съ латинской, пользуются польской рѣчью, то и у нихъ космополитизмъ, обыкновенно, заглушаетъ прирожденную любовь къ отечеству.

Въ эпоху между 1518 и 1548 гг. вышло не менѣе сорока изданій одного Эразма Роттердамскаго, въ то время какъ собственно польскія книги могли бы быть перечислены по пальцамъ.

Въ сосѣдней Богеміи произведенія этого гуманиста также переводятся и печатаются, но на-ряду съ тѣмъ, уже въ теченіе полу-вѣка, печатались и другія книги на чешскомъ языкѣ. Между тѣмъ въ Польшѣ лишь въ 1534 г. было подано первое прошеніе о разрѣшеніи печатать книги по-польски, и, въ особенности, не препятствовать печатанію польской библии. Первые польскіе печатники имѣли нѣмецкія фамиліи.

Въ общемъ ходѣ идей польская литература по-сравненію съ средневропейскою отставала на цѣлое столѣтіе; особенно замѣтно это въ переводахъ произведеній схоластической философіи и считавшихся тогда авторитетными авторами—Аристотеля, Эзона, Сенеки, Карона и нѣкоторыхъ отцовъ церкви.

Древнѣйшая польская литература носить на себѣ религіозный отпечатокъ, являясь въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ отраженіемъ чешской письменности, влияние которой здѣсь было преобладающимъ.

Хотя первые проблески христіанства проникли въ Польшу уже ко времени Мееодія, однако, повое вѣроученіе долго не прививалось на этой почвѣ;

столь же несущественное воздѣйствіе оказывали и позднѣйшія попытки нѣмецкихъ миссіонеровъ.

Поляки окончательно приняли христіанство лишь послѣ того, какъ Мѣшко женился на чешской принцессѣ Дубравнѣ, т. е. въ срединѣ X-го вѣка. Вслѣдъ за тѣмъ развиваются чехо-польскія отношенія, которыя наложили явный отпечатокъ на древнѣйшіе польскіе литературные памятники.

Уже ежедневныя молитвы, какъ, напримѣръ, „Отче нашъ“, „Символь вѣры“, пасхальныя и рождественскія пѣсни, какъ и другія молитвы, представляютъ подражанія чешскимъ образцамъ. Въ первыхъ переводахъ изъ Священнаго Писанія, какъ напримѣръ, въ флоріанскомъ псалтырѣ, и въ комментаріяхъ къ пулавскому псалтырю, чешское влияние сказалось весьма ярко.

Самымъ древнимъ и самымъ популярнымъ памятникомъ служить пѣснь о „Вомоматери“, авторство которой приписывается св. Адальберту, по происхожденію чеху. Эта пѣснь была настолько популярна, что служила даже въ качествѣ гимна. О происхожденіи и толкованіи этой пѣсни существуетъ уже обширная литература.

Прекрасны пѣсни въ честь Маріи и св. Анны, которыя особенно усердно исполнялись бернардинцами; далѣе, сюда относятся молитвенныя, лѣкарственныя и поварскія книги, польско-латинскіе вокабулы и небольшой словарь, который былъ исправленъ въ 1471 г. примѣнительно къ латинско-польскому библейскому словарю, составленному по чешскому подлиннику.

Также при обработкѣ старинной польской библии (1455 г.), сдѣланной для королевы Софіи, вдовы Ягелло, замѣтно чешское влияніе.

Андрей Яшовичъ усердно черпалъ изъ чешской библии (вѣроятно, дрезденскаго списка).

Мощный отголосокъ находить въ Польшѣ выступленіе Іоанна Гуса въ Прагѣ и его пристрастіе къ

Исторія славянскихъ литературъ.

Виклефу. Много поляков училось именно въ Прагѣ и оттуда занесли сѣмена новой вѣры на свою родину; съ другой стороны, въ Польшу вѣдло много чеховъ, какъ напѣримъ, Стекла, Янъ Сильванъ и Иеронимусъ.

Когда Галка обнаружилъ польскую хвалебную оду въ честь Виклефа, его починъ возбудилъ сильное неудовольствіе среди ученыхъ педантовъ. Протестантское вѣроученіе пользовалось народнымъ языкомъ, какъ самый могущественный орудіемъ для пропаганды. Поэтому и противники реформаціоннаго движенія оказались вынужденными прибѣгнуть къ этому же средству.

Нѣкоторая часть первыхъ польскихъ рукописей обязана своимъ происхожденіемъ реакціи противъ все распространяющагося вліянія гусситскаго ученія; кромѣ того, прилагались старанія къ снабженію женщинъ, искавшихъ умственной пищи и испытывавшихъ потребность въ молитвенникахъ, подходящимъ матеріаломъ для чтенія.

Въ одномъ отношеніи польская литература совершенно уклоняется отъ прочихъ средневѣковыхъ сочиненій—замѣчается полное отсутствіе легендарныхъ произведеній; это единственное и замѣчательное явленіе. До недавняго времени была извѣстна лишь рифмованная легенда объ Алексѣѣ.

Въ позднѣйшее время неутомимому изслѣдователю Брюкнеру удалось найти новыя легенды. Вѣроятно, въ древнія времена этотъ родъ поэзій былъ также хорошо представленъ, но рукописи затерялись. Только въ такомъ случаѣ и понятны слова Длугоша, по свидѣтельству котораго Ядвига читала житія святыхъ, разсужденія св. Бернарда, Амвросія и „Откровенія“ святой Бригитты.

Въ XV-мъ вѣкѣ мы находимъ уже небольшія легенды о св. Станиславѣ, св. Екаторинѣ, св. Кристофѣ, св. Дорофѣѣ, которыя были прикрашены позднѣе.

Древнѣйшими памятниками прозаическихъ произведеній служатъ „Проповѣди“, которыя выдаются своимъ содержаніемъ и слогомъ. Вслѣдствіе своей зависимости отъ латинской и нѣмецкой рѣчи (Магдебургское право) юридическая литература страдала въ своемъ развитіи и отстала отъ чешской.

Въ Богеміи не придавали большого значенія польскимъ сочиненіямъ. Коначъ писалъ въ своемъ предисловіи къ „Юдифи“ (1547 г.), которую онъ перевелъ съ греческаго, что поляки пишутъ шероховатыми стихами.

XVII.

Рей изъ Нагловицъ.

Наконецъ, начинаютъ печатать по-польски. Латынская кора латинизма постепенно растаяла: она сломлена была протестантствомъ, который проникъ также и въ католическую Польшу, найдя сторонниковъ, главнымъ образомъ, среди дворянства.

Къ началу XIV вѣка Польша превратилась въ могущественное государство, преобладавшее среди славянства; оно простиралось отъ моря до самыхъ Карпатскихъ горъ. На сѣверо-западѣ оно выдерживало борьбу съ нѣмецкимъ орденомъ и шведами, Литва же и Малороссія были присоединены. Позднѣе (въ началѣ XVII вѣка), въ смутную эпоху, когда выступилъ Лже-Димитрій, поляки приняли активное участіе и въ русской исторіи.

Послѣ того, какъ вымеръ ополчившійся родъ ягеллоновъ, послѣ различныхъ кандидатуръ, по настоянію могущественнаго канцлера Яна Замойскаго, въ короли былъ выбранъ венгерецъ Стефанъ Баторій (1576—86 гг.). Баторій сносился со своимъ народомъ, или, вѣрнѣе, съ дворянствомъ на латинскомъ языкѣ, но онъ былъ прославленнымъ и осторожнымъ правителемъ, умѣвшимъ обуздывать дворянство. Во время его царствованія и при его пре-

емникъ Сигизмундъ (родомъ изъ Швеціи) происходитъ громадный переворотъ въ польской литературѣ: наблюдается замѣчательная производительность, о которой въ началѣ XVI вѣка нельзя было бы и мечтать. Одновременно, какъ въ Богеміи, такъ и въ Польшѣ, наступилъ такъ чрезвѣрно въсплѣтствіи переопѣненный „золотой вѣкъ“.

Съ этимъ періодомъ неразрывно связаны два имени: Рей и Кохановскаго. Оба происходили изъ дворянскаго рода. Дворянство тогда уже наложило на всю страну свой отпечатокъ, превративъ ее въ аристократическую республику съ королемъ во главѣ, чѣмъ и отличалась Польша отъ сосѣднихъ государствъ.

Рей былъ протестантомъ, Кохановскій—католикомъ; въ немъ польская литература до Мицкевича достигла въ своемъ развитіи высшаго пункта. Къ этимъ писателямъ примкнули краснорѣчивый Скарга и Гозій, которые представляли религіозную жизнь. Политика также имѣла своихъ виртуозовъ, вродѣ упомянутого выше Замойскаго.

Рей (1505—1569 гг.) былъ первый, который не переводилъ по-славянски, а писалъ совершенно самостоятельно. Онъ былъ человѣкомъ веселаго нрава. Во время литературныхъ занятій его не покидала природная острота ума, и мѣткіе удары бича, которые онъ наносилъ католичеству, какъ и его житейская опытность придавали его сочиненіямъ донинѣ не утраченную жизненность, съ отѣткомъ несомнѣнной оригинальности.

Такъ какъ Рей счастливо избѣжалъ пичканья латынью, то рельефнѣе всего его индивидуальность выступаетъ въ творчествѣ изъ личнаго опыта и въ описаніяхъ окружающихъ. Таково его произведеніе, которое представляло изъ себя сводъ познаній, необходимыхъ дворянину: „Зеркало или жизнь честнаго человѣка“ (1567 г.). Это „Зеркало“ подраздѣляется на три человѣческихъ возраста; авторъ при-

нимаеъ и въ соображеніе лишь интересы дворянства.

Дворянинъ можетъ избрать службу или въ войскѣ, или при дворѣ, если не намѣренъ выслужиться, занимаясь сеймовою политикой. Исходя изъ такихъ соображеній, авторъ исчерпываетъ разнообразныя явленія въ жизни польскаго общества, являясь какъ бы обстоятельнымъ историкомъ родной культуры. Рей не щадитъ никого, особенно же бичуетъ своей насмѣшкой человѣческія слабости. Слогъ его выразителенъ и прокъ, авторъ не боится употребить даже грубоватое выраженіе, если оно мѣтко.

Кромѣ того, Рей написалъ сборникъ проповѣдей, толкованіе Апокалипсиса, этого кладеза средневѣковой мудрости, катехизисъ, переложенія псалмовъ, столь близкихъ его протестантской душѣ. Католикамъ стоило немалого труда вырвать эти сочиненія изъ рукъ вѣрующихъ читателей, къ которымъ также относились русины.

Иллюстраціей къ тому, какой любовью пользовался сборникъ проповѣдей Рей служить заблужденіе одного католическаго священника, который, живя недалеко отъ Лемберга, полагалъ, что Рей принадлежитъ къ отцамъ церкви и свою проповѣдь началъ словами: „слушайте, христіане, ученіе св. отца церкви Рей“...

Рей подвизался также и въ области драматической литературы; въ 1545 году онъ обработалъ излюбленный гуманистами сюжетъ: „Жизнь Іосифа изъ еврейскаго рода“. Нерингъ видитъ въ этомъ сочиненіи полную копію труда Крока, хотя эта драма представляетъ также много общаго и съ „Іосифомъ“ Греффа и Майора. Это произведеніе собственно можно скорѣе назвать эпосомъ, чѣмъ драмой; оно приобрѣтаетъ нѣкоторую жизненность лишь съ того эпизода, въ которомъ выступаетъ Зефира.

Упомянемъ, кстати, что польскій Пиндаръ Си-

ЯНЪ КОХАНОВСКІЙ.

монъ Шимоновичъ обработалъ ту же самую тему въ драмѣ „Цѣломудренный Іосифъ“, использовать пьесу Эврипида „Ипполитъ“.

Въ XVII вѣкѣ появились различныя пародіи на „Іосифа“.

Въ 1562 г. Рей издалъ объемистый трудъ „Звѣтринець“, по образцу „Arphthegmata“ Эразмуса Роттердамскаго и другихъ сочиненій такого же содержания; съ теченіемъ времени „Звѣтринець“ вызвалъ многочисленныя подражанія. Нѣсколько самостоятельныѣ было „Отраженіе въ зеркалѣ“, хотя и оно нашло себѣ прообразъ въ „Божественной Комедіи“.

Содержаніе его сводится къ тому, что юноша ищетъ на землѣ, въ небѣ и въ аду до бра. Кромѣ „Достоверной исторіи“, которая произошла въ нѣмецкомъ городѣ Ландсгутъ, Рей писалъ діалоги, которые, однако, оказались утерянными. Они учили только въ чешскомъ переводѣ.

Въ своихъ произведеніяхъ Рей обращаетъ главное вниманіе на семейную жизнь и бытъ мелкаго дворянства. Онъ радуется тому, что всѣ остальные народы ищутъ уже на своемъ родномъ языкѣ, и только польская рѣчь дремлетъ, какъ „Спящая красавица“. Но уже при его жизни въ этомъ отношеніи наступилъ существенный переломъ.

XVIII.

Янъ Кохановскій.

(1530—1584 гг.).

Гуманистическое движеніе принесло въ Польшу отрядные плоды. Появляется не только литература такихъ поэтовъ, которые доводятъ каждый удобный случай для своихъ писаній, но и прекрасныя произведенія серьезной литературы, которыя особенно цѣнятся за границы, берутъ свое начало въ это, именно, время.

Такъ, Модржевскій, сталъ всѣми признанной величиной, Оржеховскій прослылъ крупнымъ талантомъ, Горницкій и Гейденштейнъ признавались превосходными писателями, а Сарбецкій былъ причисленъ папою къ сонму увѣнчанныхъ поэтовъ (poeta laureatus). Изъ сочиненій въ XIX вѣкѣ были переведены на польскій языкъ.

На почвѣ гуманитарныхъ идей возникла благородная личность Яна Кохановскаго, родственникъ котораго перевелъ „Освобожденный Іерусалимъ“ и „Энеиду“.

Въ Янѣ Кохановскомъ „Золотой вѣкъ“ нашелъ своего лучшаго выразителя; онъ является самымъ яркимъ представителемъ польскаго поэтическаго искусства, которое, собственно, онъ и вызвалъ къ жизни. Въ его произведеніяхъ благозвучіе стиха достигло кульминаціоннаго пункта. Онъ создалъ поэтическую рѣчь, и тутъ только позднѣе съ нимъ могутъ сравниться баснописецъ Красицкій и поэтъ Трембецкій. Другіе славяне въ это время не имѣли подобнаго Кохановскому истиннаго поэта. Въ Рагузѣ тогда еще не достигли подъема собственной литературы. Что касается таланта Кохановскаго, то онъ принадлежитъ къ литературнымъ величинамъ второго порядка, но для Польши онъ имѣетъ такое же значеніе, какъ Петрарка и Горацій.

Изъ любви къ гуманистическимъ занятіямъ Кохановскій жилъ въ Краковѣ и, въ особенности, въ Падувѣ, гдѣ онъ писалъ латинскія элегіи, переведенныя имъ позднѣе. Изъ Италіи онъ отправился въ Парижъ, гдѣ оставался до 1557 г. Тамъ онъ ознакомился съ Ронсаромъ, обязаннымъ своею славою своимъ французскимъ стихотвореніямъ. Это обстоятельство такъ подѣйствовало на Кохановскаго, что онъ также рѣшилъ писать на родномъ языкѣ. Онъ сталъ сочинять любимыя тогда эпиграммы и эротическія стихотворенія, отличавшіяся нѣжностью и искренностью; написалъ первую польскую

сатиру, рядъ польскихъ лирическихъ пьесъ и перевелъ съ итальянскаго языка „Шаха“, сочиненіе Вида.

На службѣ, въ которой онъ занималъ постъ королевскаго секретаря, Кохановскій не достигъ особенныхъ успѣховъ. Онъ возвратился на родину, сочетался бракомъ, написалъ „Польскія пѣсни“ и нѣкоторыя другія сочиненія, въ которыхъ является убѣжденнымъ приверженцемъ Стефана Баторія.

Въ сельскомъ одиночествѣ онъ создалъ свое великолѣпное стихотвореніе „Трепу“, посвященное памяти его маленькой умершей дочери.

Въ этомъ прочувствованномъ стихотвореніи ярче всего проявилась индивидуальность писателя. Благозвучность рѣзмы и непосредственность чувства, изливающегося изъ глубины взволнованнаго сердца, донныя подкупаютъ въ этой пѣснѣ современнаго читателя.

„Трепу“ въ польской литературѣ часто находятъ себѣ подражаніе и слишкомъ высокую оцѣнку, чему немало способствовалъ Мицкевичъ. Наряду съ этими стихотвореніями является въ высшей степени интересной драма Кохановскаго „Отказъ греческимъ вѣстникамъ“, какъ первое удачное сочиненіе въ данной области.

Въ „Іосифѣ“ Рѣя авторъ не могъ отрѣшиться отъ пути эпическаго разсказа. Кохановскій въ своемъ трудѣ настолько близко подражаетъ греческой драмѣ, что у него даже выступаютъ античныя хоры. Поэтъ вставляетъ въ діалогъ политическія намеки. Провидищая судьбу Кассандра пророчествуетъ о будущемъ Польши:

„Несчастная земля и несчастный берегъ“...

Упомянемъ еще о „Псалмахъ“ Кохановскаго, которые и теперь не утратили своей художественной цѣнности. Неудивительно, что они донныя ежедневно звучатъ въ устахъ поляковъ.

Поэзія Кохановскаго вполне гармонируетъ съ его

ПЕТРЪ СКАРГА.

73

благородной личностью; она проникнута возвышенными и нравственными побужденіями. Отецъ польской поэзіи является въ то же время и образцомъ образованнаго поляка въ XVI вѣкѣ.

XIX.

Петръ Скарга.

(1536- 1612 гг.).

Къ концу XVI и началу XVII вѣка выступаетъ образъ Петра Скарги, который считалъ себя орудіемъ Бога и вдохновлялся вѣрою и любовью къ отечеству. Скарга, іезуитъ, отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, за которое по заслугамъ получилъ наименованіе польскаго Златоуста. Онъ говорилъ съ убѣжденіемъ и порой съ упорнымъ фанатизмомъ защищалъ свои идеи, обращалъ татаръ и іудеевъ въ католичество, ратовалъ противъ все распространяющагося протестантизма и подвизался за католическую церковь. Нельзя не поставить ему въ заслугу, что онъ не преслѣдовалъ иновѣрія, какъ это случалось въ другихъ странахъ.

Скарга былъ какъ бы совѣстью своего вѣка и, наряду съ Гозиусомъ, величайшимъ польскимъ католикомъ и догматикомъ. Польскій католицизмъ нуждался въ возрожденіи. Скарга проповѣдывалъ любовь и милосердіе и открыто требовалъ: „старайтесь быть лучшими!“ Въ пророческомъ духѣ говорилъ онъ о будущемъ своей родины. Этотъ чловѣкъ, какъ придворный проповѣдникъ и раздаватель милостыни, имѣлъ сильное вліяніе на короля Сигизмунда III; несмотря на это, самъ онъ жилъ въ бѣдности. Свои моральные и аскетическіе принципы онъ прежде всего считалъ обязательными для самого себя.

Въ литературѣ Скарга занимаетъ почетное мѣсто, какъ знатокъ языка, которымъ владѣлъ въ со-

вершенствѣ. Наболѣе извѣстны проповѣди, которыя онъ произносилъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ; многія проповѣди посвящены догматическимъ вопросамъ. Въ надгробныхъ рѣчахъ онъ старался потрясти слушателей силою своихъ образовъ, на сеймахъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы смягчить черствыя души магнатовъ. Его сочиненіе „Жизнь святыхъ“ (1585 г.) написано просто и понятно; оно сдѣлалось популярнымъ, многіе въ немъ искали и находили мудрые совѣты. Простота изложенія придаетъ этому труду и нынѣ извѣстную цѣнность.

Другія его сочиненія, какъ, напр., „Единство Господней церкви“, не имѣютъ литературнаго значенія. Какъ велико было вліяніе этого проповѣдника на польское общество, сказалось въ печальныя времена польскаго мессіанизма въ XIX вѣкѣ. Потрясенныя души польскіе эмигрантовъ снова обратились къ Скаргѣ и искали утѣшенія въ его произведеніяхъ. Но Скарга былъ здоровѣе и естественнѣе романтическихъ послѣдователей мистика Товіанскаго.

XX.

Современники и потомки Кохановскаго.

Неожиданный подъемъ, коснувшійся въ отношеніи какъ количественномъ, такъ и качественномъ, польской литературы конца XVI столѣтія, называется обыкновенно ея „золотымъ вѣкомъ“. Но верхніе слои все еще являются одержимыми крайнимъ пристрастіемъ къ латинскому языку.

Польская литература дѣлается эхомъ бурныхъ королевскихъ выборовъ, породившихъ политическую, памфлетическую и сатирическую литературу; послышались голоса, громко требовавшіе реформъ, необходимыхъ для воспитанія польскаго общества.

Сюда принадлежатъ „Паредворецъ“ Горницкаго; хотя это произведеніе и составлено по итальянско-

му роману, но оно даетъ интересную картину жизни знати. Другіе писали „Сенатора“, еще другіе — „Деревенскаго шляхтича“, имѣя въ виду таковыхъ для своихъ воспитательныхъ цѣлей. Иные же занимались главнымъ образомъ воспитаніемъ дѣтей.

По своему происхожденію и значенію особенно замѣчательно произведеніе Якова Горскаго — „Совѣты мужчинамъ“ (1597); собственно говоря — это просто обработка итальянскаго текста Чероли (1577). Первоначально это произведеніе появилось въ Испаніи, и въ 1595 году оно было переведено полякомъ Варшевицкимъ на латинскій языкъ.

Истинно-поэтический талантъ являетъ Шимоновичъ, милый, простая идиллія котораго никогда не потеряютъ своего очарованія (1614). Классическія эклоги и буколки оживили поля и доли Польши. Шимонъ Шимоновичъ, авторъ „Didus Stanislaus“ и „Castus Joseph“ писалъ также сонеты, но этотъ увѣнчанный поэтъ скончался еще въ юношескомъ возрастѣ; многіе ждали отъ него, что онъ станетъ преемникомъ Кохановскаго.

Несмотря на значительныя сношенія Польши со всей Европой, у поляковъ въ то время не было литературы, описывающей путешествія. Только позднѣе появилось Радзивилловское описаніе путешествія ко Святымъ Мѣстамъ, и путешествія королевицы Владислава съ посольствомъ въ Турцію. Благодаря этимъ путешествіямъ, поляки завязали сношенія и съ южными славянами.

Поляки, являвшіеся обладателями колоссальной исторіи, написанной по-латински, не могли вплоть до середины XVI столѣтія добиться подобнаго произведенія на родномъ языкѣ. Только литература мемуаровъ стояла нѣсколько выше. Изъ послѣдующаго времени приведу наряду съ Стрижковскимъ гетмана Жолкiewскаго, „Листки дневника изъ московской войны“ котораго отражаютъ въ себѣ московскую трагедію,

ивѣвшую мѣсто во время царствованія Лже-Дмитрія (1609—1612).

Очень полезную работу затѣваетъ Мартинъ Вѣльскій, написавшій „Всемирную хроникѣ“, въ которую включилъ также свѣдѣнія и о другихъ славянахъ; въ 1584 году она была переведена на русскій языкъ и образовала собой часть изданной въ 1670 году русской космографіи.

Кромѣ того, Вѣльскій писалъ всевозможныя сатиры на современныя ему обстоятельства и на женщинъ и написалъ стихотвореніе „Майскій сонъ“, связанное съ геройской смертью кроатскаго бана Николая Зрини при Шигетъ въ 1566 году; оно даетъ лучшее доказательство тому, что этотъ случай имѣлъ громадное значеніе для всей средней Европы. Но этотъ „Майскій сонъ“ не должно смѣшивать съ одноименнымъ чешскимъ стихотвореніемъ, написаннымъ за сто лѣтъ до этого, вѣроятно сыномъ короля Георга, герцогомъ Мюнстерскимъ, но нѣмецкому образцу.

Замѣчательной личностью конца XVI столѣтія является польско-чешскій писатель Папроцкій, который сумѣлъ воздать чехамъ то, что должны были имъ поляки. А именно—долгое время польская литература находилась подъ чешской опекой. Въ 1566 г. Горницкій пронизируетъ, что стоитъ шляхтѣ перешагнуть черезъ границу, какъ она сейчасъ же пересыпаетъ польскую рѣчь чешскими словами, а Секлудіанъ въ 1551 году защищается отъ упрековъ, будто бы онъ чехъ. Чешскій языкъ принимался поляками, какъ состоящій въ близкомъ родствѣ съ польскимъ, и еще въ 1574 году чеховъ хвалили за то, что ихъ языкъ является достаточно развитымъ для перевода книгъ Лютера и для выраженія правовыхъ понятій. Чешскіе писатели, издавая свои труды, имѣли въ виду также и Польшу, что доказываетъ и вышеупомянутый врачъ Черни, посвятившій полякамъ свой „Гербарій“.

Но скоро эти взаимоотношенія измѣнились; кое-какія изъ польскихъ драмъ были переведены на чешскій языкъ, и Папроцкій явился великолѣпнѣйшимъ чешско-польскимъ писателемъ.

Бартошъ Папроцкій написалъ сборникъ басенъ; онъ является учителемъ морали, насквозь пронизаннымъ гуманизмомъ и берущимъ за образецъ Эзопа (подобно этому почерпали вдохновеніе изъ Эзопа и Бернатъ Любельчикъ и Мартинъ Блажевскій).

Папроцкій взялся за польскую геральдику, которая дала ему богатое поле дѣятельности при наличности большого числа знати въ Польшѣ; въ свои геральдическія книги онъ занесъ, хотя и безъ критической оцѣнки, массу матеріала. Въ 1558 году Папроцкій повѣдалъ о судьбѣ эмигранта Зборовскаго, которая была значительно смягчена радушнымъ приѣмомъ въ Богеміи и Моравіи. Въ 1587 году Папроцкій написалъ статью, направленную противъ Замойскаго, а въ слѣдующемъ году—политическую брошюру, посвященную имъ могущественному Вильгельму фонъ-Розенбергу.

Папроцкій возмѣстилъ чехамъ ихъ гостепріимство тѣмъ, что написалъ для нихъ нѣсколько обемистыхъ генеалогическихъ книгъ и переработалъ рядъ своихъ польскихъ произведеній — настолько хорошо владѣлъ онъ впоследствии чешскимъ языкомъ; иными словами, онъ подарилъ имъ около 20 книгъ. На семидесятомъ году отъ роду онъ вернулся на родину, гдѣ и умеръ въ 1614 году.

Особенностью тогдашней польской литературы является ципероніанизмъ, то-есть — нигдѣ въ другомъ языкѣ настолько не выражена слабость и пристрастіе къ латинской литературѣ, такъ что иной разъ казалось, что и по-польски-то писалось только для того, чтобы показать свое хорошее знакомство съ латинскимъ.

Другимъ отличительнымъ явленіемъ было влия-

нѣ итальянской литературы. Поляки зачастую отправлялись учиться въ Италію, да и, съ другой стороны, итальянцамъ тоже нравилось въ Польшѣ. Итальянскій языкъ былъ дипломатическимъ. Нигдѣ такъ не любили итальянскихъ писателей, какъ въ Польшѣ и Далмаціи.

Мало-по-малу развивается также и народная литература, пользующаяся излюбленными въ средней Европѣ сюжетами; этотъ родъ литературы достигъ кульминаціоннаго пункта своего развитія въ XVII столѣтіи. Въ этихъ книгахъ міеологія, классицизмъ и мораль переплетались съ шутками, буффонадами и кучей иностранныхъ словъ, что давало имъ самую незначительную цѣнность.

XXI.

Далматская литература. — Рагуза.

Съ незапамятныхъ временъ Далмація находилась подъ политическимъ и культурнымъ влияніемъ Италіи; въ средніе вѣка особенное значеніе здѣсь имѣла венеціанская республика. Далматскіе города и ихъ управленіе были итальянскими, но деревенскія общины — славянскими. На сѣверѣ Далмаціи, на Кварнерійскомъ островѣ и частью въ Истріи уже добрыхъ тысячу лѣтъ богослуженіе производилось на славянскомъ языкѣ. Скоро народный языкъ проникъ и въ юридическіе документы; мало-по-малу славянское влияніе распространилось и на береговые города.

Самостоятельная республика Рагуза находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ Венеціей, Венгріей, Балканскимъ полуостровомъ, Турецкой имперіей, Италіей и даже Испаніей. Она могла отстоять свою независимость только благодаря политической изворотливости и той осторожности, съ которой ухитрялась поддерживать дружбу съ могущественнымъ турецкимъ сосѣдомъ.

Для Балканскаго полуострова Рагуза являлась биржей, и изъ практическихъ побужденій городское управленіе держало на службѣ писца, знающаго славянскій языкъ и умѣющаго писать сербской кириллицей; съ теченіемъ времени даже и гордое патриціанство славянизировалось.

Республика имѣла венеціанскую систему управленія; содержавшіеся въ образцовомъ порядкѣ архивы въ большинствѣ случаевъ велись по-итальянски и латински, но народъ, и въ особенности женщины, говорили между собой по-славянски, или — какъ они говорили — по „нашки“ (т. е. — на „нашемъ языкѣ“). Здѣсь среди прибрежныхъ романтическихъ скалъ, въ сказочной полнотѣ развилась южно-славянская художественная поэзія. Зерно ея было заложено еще въ началѣ XVI столѣтія въ Спалато Марко Маруличемъ. Онъ написалъ много латинскихъ произведеній, которыя цѣнились очень высоко и въслѣдствіи получили широкое распространеніе; нѣкоторыя изъ нихъ были отпечатаны по нѣскольку разъ, какъ напримѣръ, „Evangelistarium“ (12 разъ) или „De institutione bene didendi per exempla sanctorum“, выдержавшее между 1506—1636 годами 19 изданій; итальянскій переводъ ея выдержалъ 12, нѣмецкій — 6 изданій; кромѣ того, имѣется французское и португальское изданіе. Кромѣ того, онъ издалъ исторію древнихъ далматскихъ и кроатскихъ королей, но для славянской литературы наибольшее значеніе имѣетъ „Юдифь“, отпечатанная въ первый разъ въ 1521 году. Маркомъ Маруличемъ, отцомъ кроатской поэзіи, южно-славянская академія открыла изданіе собранія сочиненій старыхъ кроатскихъ писателей.

„Юдифь“, освобождающая свой народъ отъ враговъ, была направлена противъ турокъ; кромѣ того, Маруличъ написалъ молитву противъ турокъ, злѣйшихъ враговъ христіанскаго міра. Турецкая опасность давала мотивы и матеріалъ и поэзіямъ.

шему эпическому и драматическому творчеству, как у Лусича (Хвала граду Рагузѣ), Гектровича, Баракевича и особенно — у Сазина.

Кромѣ Спалато, было много поэтовъ и въ Зарѣ, потомъ и на островѣ Лезина, представляющемъ изъ себя до известной степени связующее звено между сѣверомъ и Рагузой.

Если мы прослѣдимъ за кроатскими поэтами въ томъ порядкѣ, въ какомъ они представлены южно-славянской академіей въ вышеупомянутомъ сборникѣ, то должны будемъ все время не выпускать изъ виду итальянской литературы; нельзя сказать, чтобы эта богатая литература могла похвастаться самобытностью. Вездѣ мы встрѣчаемъ произведенія, отличающіяся эlegantностью формы, красивыми стилями, превосходящими по звучности даже и итальянскій, но и во времена самаго пышнаго расцвѣта этой литературы ей не хватаетъ истинныхъ талантовъ.

Все-таки, нельзя не упомянуть, что среди славянскихъ произведеній нѣкоторые отличались естественной свѣжестью и силой, особенно — эпическія стихотворенія, обыкновенно черпавшія вдохновеніе изъ волшебнаго кладезя южно-славянскихъ народныхъ пѣсень. Но собственно о героическомъ эпосѣ въ Рагузѣ не можетъ быть и рѣчи. Онъ не могъ развиться на почвѣ мягкой итальянской культуры республики; эта почва была благоприятной скорѣе для путаницы между современными культурными понятіями и греческой мифологіей, и полная спутанность этихъ представленій нашла себѣ выраженіе въ пастушескихъ діалогахъ Марко, знаменитый королевичъ, и его друзья, сербскіе богатыри, не пользовались здѣсь любовью.

Далматскіе писатели были великодушными знатоками латинскаго языка, и многіе изъ нихъ принадлежали къ числу „doctissimi viri“.

Близость Италіи повлекла за собой то, что эпоха

умственного возрожденія и гуманизма очень скоро коснулась и Далмаціи. Особеннымъ вліяніемъ пользовались ученики Петрарки; въ 1384 году Джіованни Конвертино былъ вызванъ изъ Равенны на должность городского нотаріуса Рагузы; далѣе слѣдуетъ упомянуть имя знаменитаго гуманиста Лауренціуса, находившагося въ тѣсной связи съ „poeta laureatus“ Лампридіемъ Церва (1463—1520).

Но гуманизмъ не вполнѣ отвѣчалъ духу аристократической республики съ ея утонченными правами, хотя Динко Ранжина (1536—1607) и старался культивировать его. Зато возрожденная Италія съ ея новымъ міромъ мыслей, представителями котораго являлись Данте, Петрарка и позднѣе — христіанскій романтикъ Тассо, была близка рагузцамъ. Утонченный вкусъ господствующей въ Рагузѣ аристократіи отвергалъ все непристойное или грубое въ литературѣ; даже и классическіе образцы появляются въ Рагузѣ преломленными новой привной душой. Перефразировали Софокла, Еврипида, Овидія.

Главной особенностью далматской литературы является перевѣсъ рифмованной поэзіи, т. е. — собственно поэзіи. Почти вплоть до недавняго времени въ Рагузѣ, за исключеніемъ словарей и сводовъ законовъ, не знали ни одного произвѣденія прозаическаго произведенія. Но автору даннаго изслѣдованія удалось отыскать цѣлый рядъ написанныхъ прозой легендъ, дающихъ богатый матеріалъ для изслѣдованія мѣстнаго языка, усиленно пересыпаннаго итальянизмами.

Такимъ образомъ, на берегахъ голубой Адриатики процвѣтала хотя и не самобытная, но богатая литература, съ которой по нѣжности и звучности стили не могла идти въ сравненіе ни одна славянская литература. Лучшее всего поэзія расцвѣла въ области чистой лирики; также и драма, или, лучше ска-

вать, — лирико-эпическая пьеса, имѣть отличныхъ представителей.

Рагузская литература замѣчательна еще въ другомъ, весьма характерномъ отношеніи: она замѣчательна литературной преемственностью, связывающей одно поколѣніе съ другимъ. Молодой поэтъ извлекаетъ изъ произведеній стараго цѣлыя строчки, органически входящія въ составъ новаго произведенія. Правда, подобная литературная традиція накладываетъ на поэзію отпечатокъ старомодности, но зато соединяетъ между собой отдѣльныя литературныя явленія въ стройное цѣлое, что вполне отвѣдало католическому, свободному духу Рагузы.

Въ лирическихъ стихотвореніяхъ доминируетъ поэзія трубадуровъ; пастушескія пѣсни, наполненныя безконечными варіаціями тоски, неземной любви и любовнаго томленія, являютъ собой въ большинствѣ случаевъ формальный наборъ словъ, лишенный истинной сердечности. Южно-славянскія пасторали, пастушескія эклоги писались по итальянскимъ образцамъ; но этотъ родъ идиллической поэзіи принявъ въ Рагузѣ совершенно исключительныя формы. И здѣсь сказывалось на рагузской литературѣ то, что она стояла въ сторонѣ отъ богословскихъ споровъ.

Страдное явленіе представляютъ собою комическія стихотворенія, часто выражавшіяся въ карнавальномъ поэзіи. Между послѣдними выдается „Цыганка“ Андрея Чубрановича, почти единственное среди болѣе длинныхъ стихотвореній, которое не потеряло своего интереса и до сихъ поръ, благодаря живости трактовки. Въдъ и до сихъ поръ карнавалъ празднуется въ Рагузѣ очень торжественно на Страдоне и въ театрѣ.

Мощный источникъ далматской, и, особенно, рагузской поэзіи являло собой Священное Писаніе. Переводили псалмы. сочиняли духовныя пѣсни;

религіозныя, церковныя пѣли видны особенно ясно въ драматическихъ произведеніяхъ.

Упорный бунтовщикъ, монахъ и отшельникъ Мавро Ветраничъ-Чавичъ (1482—1576) проявляетъ въ своихъ стихотвореніяхъ чутье къ природѣ, какъ въ отношеніи моря и мореплаванія, такъ и міра животныхъ и растений; въ этомъ направленіи онъ опередилъ Европу на цѣлое столѣтіе. Хотя въ своемъ „Перегринасѣ“ онъ является слабымъ, подражателемъ Данте, но, наряду съ Држичемъ, Чавичъ является самымъ выдающимся поэтомъ до Гундулича.

И обще-славянскія идеи, какъ и славянизированныя исторіи и волшебныя сказки, расцвѣтаютъ на берегахъ Адриатики; Далмачія очень быстро поглотила важность Шигетскаго событія и опасность магометанской сосѣдней имперіи.

Но, несмотря на богатую поэтическую литературу, въ Рагузѣ не было типографіи; правда, нѣкоторыя книги печатались за границей, но обыкновенно манускрипты списывались, исправлялись и дополнялись писцами, такъ что случалось, что авторы еще при жизни не признавали подобнаго произведенія за свое.

Поэзія, расцвѣтшая въ этихъ „южно-славянскихъ Афинахъ“ впитала въ себя ароматы лимоновъ, апельсина, розмарина, расцвѣтающихъ подъ южнымъ климатомъ Рагузы. Это было той почвой, на которой развился самый значительный сербохвотскій поэтъ средневѣковья — Гундуличъ, или по итальянски — Гойдола.

XXX.

Ж. Фр. Гундуличъ (1588—1638).

Однимъ изъ самыхъ значительныхъ литературныхъ произведеній XVII столѣтія является эпическая поэма „Османъ“ Жива Франъ Гундулича.

Авторъ ея происходилъ изъ аристократической

семьи Рагузы, состоять во всѣхъ высшихъ должностяхъ, за исключеніемъ ректората надъ республикой, чего онъ не могъ добиться только вслѣдствіе недостиженія имъ законнаго возраста—50 лѣтъ.

Гундуличъ былъ человѣкомъ классически образованнымъ, хорошо знакомымъ съ итальянской литературой; онъ былъ вдохновеннымъ поэтомъ, въ совершенствѣ владѣвшимъ формой и усвоившимъ себѣ традиціи и плоды рагузской литературы. Славянскую народную поэзію онъ умѣлъ тонко чувствовать.

При созданіи „Османа“ передъ нимъ, въ видѣ образца, виталь „Освобожденный Іерусалимъ“ Тассо, какъ представитель романтическаго эпоса, воспѣвающего побѣдоносное христіанство.

Вѣншій классически-итальянскій лоскъ самымъ счастливымъ образомъ былъ углубленъ славянскимъ чутьемъ. Здоровое славянское зерно заложено особенно въ лирическихъ переходахъ, въ которыхъ зачастую звучитъ отголосокъ звучныхъ южно-славянскихъ пѣсенъ. Каждый разъ, когда поэтъ имѣетъ поводъ коснуться своей родины, онъ не забываетъ восхвалять свободу рагузской республики.

Матеріалъ для эпоса Гундуличу дали два большихъ, и въ то время важныхъ для всей Европы, событія: пораженіе турокъ у Хочима въ 1621 году (вѣсть о побѣдѣ поляковъ облетѣла всю Европу) и трагическая смерть молодого султана Османа, въ 1618 году вступившаго на престолъ полнымъ честолюбіемъ юношей.

Польскій королевичъ Владиславъ, воплощеніе королевства польскаго, является здѣсь (хотя и довольно таки несправедливо) идеальнымъ представителемъ христіанства и его передовымъ бойцомъ.

Турецкая опасность уже была предметомъ литературнаго обсужденія. Кромѣ того, у Гундулича были до извѣстной степени семейные интересы въ томъ, чтобы воспитать сына Сигизмунда Вазы Вла-

дислава, такъ какъ незадолго до этого онъ посѣтилъ въ Анконѣ родственниковъ поэта и пользовался ихъ гостепріимствомъ. На помощь къ еще свѣжимъ семейнымъ преданіямъ Гундулича пришло знаніе турецкихъ и польскихъ обстоятельствъ, чѣмъ онъ теперь и воспользовался.

Содержаніе „Османа“ заключается въ нижеслѣдующемъ:

Молодой Османъ, государство котораго уже падаетъ благодаря изнѣженности турокъ, хочетъ отомстить за пораженіе при Хочимѣ и уничтожить весь христіанскій міръ. „Царь“ Османъ, какъ его называютъ поэты, имѣетъ врага въ лицѣ матери низложеннаго Мустафы. Осману передъ его предпріятіемъ предстоитъ еще отправиться въ паломничество въ Мекку. Тѣмъ временемъ Али-Паша, поѣздка котораго рисуется въ третьей пѣснѣ, долженъ вести съ поляками переговоры о мирѣ. Польскаго плѣнника Кореваго надо беречь какъ можно тщательнѣе. Поѣздка Али-Паши даетъ поэту возможность начертить очень интересную картину битвы при Хочимѣ; во время этого сраженія при Османѣ была амазонка, монгольская принцесса Соколица. Во время дальнѣйшаго путешествія Паша встрѣчаетъ невѣсту плѣннаго Кореваго—Крунославу, переодѣтую мужчиной (вліяніе Аріосто и Тассо). Кореваго хотѣлъ выручить изъ затруднительнаго положенія своего будущаго тестя, проявилъ чудеса храбрости, но былъ стваченъ свадой трусливыми валахами и выданъ туркамъ. Словно львица, Крунослава пробирается къ палаткѣ султана и вызываетъ его на поединокъ. Но Соколица не допускаетъ этого и сражается съ неизвѣстнымъ рыцаремъ. Обѣ дѣвицы, переодѣтыя рыцарями, съ бѣшенствомъ бросаются другъ на друга, пока въ концѣ концовъ не теряютъ своихъ забралъ, и солдатамъ является ихъ дѣвичья красота. И позднѣе Крунослава продолжаетъ искать свою противницу

и жениха, пока не узнаетъ отъ Али, что Кореvскій томится въ плѣну. Турецкій посолъ ѣдетъ дальше въ Польшу.

Крунослова слушаетъ полныя любовнаго пламени пѣсни пастуха и, переодѣвшись венгерцемъ, отправляется на поиски жениха. Тѣмъ временемъ въ Константинополѣ царь Османъ ожидаетъ возвращенія своего посла, чтобы напасть затѣмъ на Персiю и завоевать это государство; тогда уже месть его поразить и европейскихъ влaстителей. Между послѣдними онъ боится только одного, а именно—польскаго королевича Владислава, разбившаго его при Хоцимѣ.

Затѣмъ описывается экспедицiя Кизляръ-Аги, который долженъ отыскать въ супруги для своего повелителя красивѣйшую дѣвицу на свѣтѣ. Передъ развалинами Трои, на греческихъ островахъ, вездѣ спрашиваютъ они о красивѣйшей дѣвушкѣ, пока не узнаютъ, что таковой является Сунчаница, живущая въ Смедерево. Послѣ того, какъ Сунчаницу похищаютъ, отецъ ея разражается жалобными пѣснями (влiянiе народной поэзiи). Затѣмъ Кизляръ-Ага ищетъ Соколицу, желающую отомстить за Османа полякамъ, сражаясь съ ними. Въ великолѣпной сценѣ описывается ея встрѣча съ принцемъ Владиславомъ, который великодушно даритъ ей жизнь, за что получаетъ обѣщанiе никогда болѣе не поднимать меча противъ христiанъ.

Когда появляется Али-Паша съ мирными предложенiями, при польскомъ дворѣ все еще продолжаютъ торжества въ честь побѣды при Хоцимѣ. Въ то время, какъ поляки обсуждаютъ условiя мирнаго договора, графъ Зборовскiй занимаетъ турецкаго посла разговорами о выигранной битвѣ, отдѣльные эпизоды которой вплетены въ цѣнные gobеды; пальма славы приговаривается, разумѣется, Владиславу. Затѣмъ самымъ торжественнымъ образомъ празднуютъ заключенiе мира, и па-

ша возвращается назадъ, одаренный богатыми подарками.

Тѣмъ временемъ Крунослава старается освободить Кореvскаго изъ его заключенiя въ ужасной тюрьмѣ Едикулѣ, напавъ на охраняющую его стражу, но при этомъ сама попадаетъ въ плѣнъ.

Тѣмъ временемъ въ аду дьяволъ съ ангелами своими постановляетъ нарушить турецко-польскiй миръ; для этой цѣли попы и инквизиторы должны быть инспирированы противъ мира съ польшой, а придворныя дамы, которыя всегда являются самыми вѣрными слугами сатаны, должны тоже постараться объ этомъ.

Затѣмъ идетъ пропускъ XIV и XV пѣсенъ. Послѣднiя пѣсни происходятъ въ Константинополѣ, гдѣ среди военныхъ начинается броженiе, и поднимаются народныя массы. Султанъ созываетъ совѣтъ министровъ и оказывается склоннымъ даровать прощенiе мятежникамъ. Мать низложеннаго Мустафы побуждаетъ своего зятя Даута убить Османа и помочь Мустафѣ снова возсѣсть на тронъ. Мятежники осаждаютъ дворецъ великаго вивира Дилавера, а потомъ кидаются къ королевскому дворцу. Тѣмъ временемъ переодѣтый дервишемъ Дилаверъ идетъ въ Малой Азiи сообщника, но его узнаютъ и убиваютъ; его жена Вегумъ горько плачетъ надъ его трупомъ.

Послѣ того, какъ убиваютъ и министровъ, Мустафа провозглашается царемъ, послѣ чего Османа отдаютъ на позоръ и предають смерти отъ руки раба.

Трагическiй конецъ Османа долженъ былъ явиться нагляднымъ образцомъ суетности и непостоянства земнаго счастья.

Относительно двухъ недостающихъ пѣсенъ (XIV и XV) существуютъ различныя предположенiя; прежде думали, что онѣ потеряны, теперь же склоняются къ той мысли, что поэтъ вообще не напи-

саль ихъ. Этотъ пробѣлъ нарушаетъ поэтическую цѣльность даннаго громаднаго историческаго эпоса, такъ какъ читатель такъ и не узнаетъ ничего о судьбѣ Кореваго и Крунослава.

Зорого (Зоркочевичъ) и Мажураничъ пытались дописать эти двѣ пѣсни, и имъ удалось очень удачно разрѣшить въ духѣ автора проблему судьбы любовной парочки; но каждый изъ нихъ взялъ другую исходную точку для этого.

Это знаменитѣйшее произведеніе рагузской литературы обошло въ массѣ списковъ всѣ балканскія страны. Но его постигла несчастливая судьба: оно было издано въ первый разъ только двѣсти лѣтъ спустя, въ 1826 году. Причиной такого запоздалаго обнародованія было то, что только съ XIX столѣтія въ Рагузѣ появилась типографія; съ другой стороны—оно было обязано этимъ также и политически мудрой осмотрительности отцовъ Рагузы, которые не хотѣли возстановить противъ себя могущественнаго сосѣда и покровителя изданіемъ направленного противъ него литературнаго произведенія.

Живую иллюстрацію подвижной рагузской жизни даетъ старѣйшій списокъ „Османа“, начало котораго относится къ Вискайѣ въ Испаніи, продолженіе—къ Вѣнѣ, и конецъ—къ Прагѣ.

Османъ былъ дважды переведенъ на итальянскій языкъ; Гетальди перевелъ его на латинскій, и предполагаютъ, что существовалъ и польскій переводъ. Но этотъ переводъ сгорѣлъ во время одного изъ пожаровъ въ Дрезденѣ въ 1849 году.

Отдѣльныя пѣсни и мѣста переводились также и на другіе славянскіе языки; первая пѣсня была переведена на нѣмецкій еще въ рукописномъ спискѣ.

„Османъ“ представляетъ изъ себя самое значительное произведеніе Гундулича, бывшаго, кромѣ того, виднымъ драматургомъ, черпавшимъ мате-

ріалъ изъ классической старины или современной ему обстановки. Кромѣ того, ему очень удался переводъ покаянныхъ псалмовъ.

Произведенія Гундулича скоро были признаны образцовыми, и съ его именемъ связано возникновеніе литературной школы; вообще весь его родъ былъ одаренъ литературными способностями. Жижко написалъ драму „Сунчанина“, въ которой появляется богемская королева Крунослава. Сынъ его генералъ императорской службы, описалъ свое путешествіе въ Москву въ качествѣ посла Фердинанда III. Внукъ Соркочевичъ пополнилъ недостающія пѣсни „Османа“, а въ XIX столѣтіи переводчикъ Гетальди принялъ имя Гондола.

Изъ послѣдующаго времени слѣдуетъ выдѣлить Юнія Пальмотича (Пальмотта), пользовавшагося (1606—1657) матеріаломъ у классиковъ (Гомера, Софокла, Овидія), а впоследствии и у Тассо. Самымъ извѣстнымъ произведеніемъ его является „Христіада“.

Яковъ Пальмотичъ († 1680) описалъ въ одномъ изъ стихотвореній землетрясеніе въ Рагузѣ 1667 года, не только уничтожившее всѣ дома, но и похоронившее подъ ихъ развалинами 5,000 людей. Это ужасающее происшествіе съ одной стороны, наложило печальные слѣды на исторію рагузской республики, съ другой—съ разрушеніемъ города расцвѣту литературы былъ нанесенъ чувствительный ударъ. Очень скоро литература опускается до служебнаго при церкви мѣста, что не могло обезпечить далматскому Пегасу смѣлаго полета.

Впрочемъ, главной причиной литературнаго упадка былъ недостатокъ въ истинныхъ талантахъ. Въ области науки культивировалась, главнымъ образомъ, историческая литература, да и то—на латинскомъ языкѣ. Самымъ извѣстнымъ произведеніемъ этой категоріи является большая рукопись Цервы.

Только въ XIX столѣтіи поэзія снова оживаетъ

послѣ долгаго сна, и представители ея составляютъ сообща альманахъ „Дубровникъ“. Это были: Конте, Медо, воспитатель короля Милана Обреновича, убѣжденный славянофилъ и почитатель города Рагузы и ея окрестностей, и Матвѣй Банъ, воспитатель теперешняго короля Петра Карагеоргиевича. Между прочимъ, Банъ написалъ драму „Янъ Гусъ“ по Каѳетану Тиллю, произведеніе котораго видѣлъ въ Прагѣ въ 1869 году.

XXIII.

Чешскій, польскій и кроатскій театръ въ среднѣе вѣка.

Происхожденіе славянскаго театра, особенно у католическихъ славянъ, слѣдуетъ искать, какъ и въ другихъ частяхъ Европы, въ церковныхъ мистеріяхъ. Позднѣе, большое вліяніе на славянскую драму оказывали произведенія, написанныя въ духѣ возрожденія. Но зачастую тема для нихъ берется изъ мѣстныхъ обстоятельствъ или современныхъ происшествій, которыя перелицовывались сообразно съ потребностями даннаго момента.

Мистеріи разыгрывались на латинскомъ языкѣ— первоначально въ церквахъ, а впоследствии и внѣ ихъ. Въ церковныя темы мало-по-малу проникали отдѣльные элементы народнаго языка, пока, наконецъ, не явились цѣлыя сцены, написанныя на томъ простонародномъ жаргонѣ, который отмѣчаетъ собой упадокъ вкуса въ эпоху среднихъ вѣковъ.

Старѣйшая литература этого рода находится у чеховъ. Уже въ XIV столѣтіи мы находимъ у нихъ отрывокъ изъ „Шарлатана“. Эта фигура пользовалась любовью и среди нѣмцевъ богемскихъ странъ.

Время религіозныхъ движеній въ Богеміи не благоприятствовало драмѣ, находившейся до извѣстной степени въ подчиненіи и службѣ у католической церкви, и не соответствовавшей основнымъ

принципамъ сектъ, базировавшихся на Священномъ Писаніи; да и музы не поклонницы сраженій.

Но эпоха возрожденія скоро возмѣстила то, что было нарушено духомъ времени. Гуманизмъ снова вынесъ на сцену драматическое произведеніе, особенно латинское.

Особенно охотно драмой пользовались іезуиты въ цѣляхъ пропаганды и воспитанія.

Янъ Кампанусъ Воднянскій воспользовался чешской темой для своего „Похищенія Юдифи, супруги Бжегислава“ (1604); подобное же представленіе принадлежало творчеству св. Венцеля (1566) и было въ 1614 году издано на чешскомъ языкѣ.

На чешскомъ языкѣ, главнымъ образомъ, пользовались извѣстными библейскими темами, которые уже сами по себѣ влекли къ поэтической обработкѣ: Руфь, Саулъ, Соломонъ, Самсонъ, Ілія, Товій, Елисей, Юдифь, Іоаннъ Креститель. „Вѣнокъ ко дню рожденія“ былъ сыгранъ въ честь дня рожденія короля Матвѣя; среди историческихъ личностей излюбленной былъ Константинъ Великій. Иногда на сценѣ философствовали аллегорическія фигуры, въ большинствѣ случаевъ открывая бездны своей премудрости у перекрестковъ. Въ отдѣльныхъ городахъ, особенно въ іезуитскихъ школахъ и у Комениуса, охотно выводили на сценѣ мѣстнаго патрона. Подобныя школьныя представленія держались въ Богеміи вплоть до XVIII столѣтія.

Кромѣ церковныхъ и библейскихъ драмъ, мы находимъ уже въ XVI столѣтіи произведенія чисто свѣтскаго характера, состоявшія изъ нѣсколькихъ актовъ, пролога и эпилога, какъ это имѣло мѣсто и въ Германіи. Выводятся глупый мужикъ, грубіянь, сцены женской невѣрности и грубыя шутки.

Затѣмъ наблюдается поразительное явленіе; съ едва только народившейся польской литературы начинаютъ переводить на чешскій языкъ; неоднократно случалось, что польскій оригиналъ терпелся,

какъ „Lupus et Warwass“ Рейса или „Нищенская трагедія“, дошедшая до насъ только отдѣльными доскутками, тогда какъ чешскій переводъ сохранился въ цѣлости. Масленичныя представленія появляются въ обѣихъ литературахъ, и нѣкоторыя интермедіи очень похожи другъ на друга.

Нѣкоторыя театральныя пьесы переводились съ нѣмецкаго, какъ „Юдиѣ“ Греффа, обработанная въ 1547 году Конячемъ по-чешски, равно какъ и переведенная на тотъ же языкъ драма Ганса Саксена „О честной и благородной вдовѣ и Олофернѣ“ (1605). Точно также трагедія „О гибели Содома и Гоморры“ (1591) и „Потѣшная исторія о нѣкоемъ деревенскомъ парнѣ“ были нѣмецкаго происхожденія.

Съ итальянскаго пользовались для инсценировки нѣкоторыми разсказами Боккачіо, но въ общемъ итальянцы оказали самое маленькое вліяніе на развитіе драмы въ Богеміи.

При возрожденіи чеховъ пражскій театръ имѣлъ большое вліяніе на массы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда трактовалась историческая тема или драма преслѣдовала патріотическія цѣли. Обыкновенно пользовались переводами съ нѣмецкаго.

Въ началѣ XIX столѣтія въ сѣверной Богеміи, такъ, напримѣръ, въ Хохштадтѣ, появляется также и народная драма; оказывается, что народный поэтъ пользуется въ данномъ случаѣ тѣмъ же библейскимъ матеріаломъ, какъ это практиковалось и гуманистами въ XVI столѣтіи. Въ пятиактныхъ представленіяхъ изображались Христовы Страсти, Рождество Господне, Руфь, Самсонъ, Давидъ, Юдиѣ и драматизированная легенда о святой Женевиѣвѣ, а также романтическія пьесы подъ всевозможными наименованіями изъ жизни Англіи, Италіи и Турціи. Въ помощь памяти всѣ эти пьесы были рифмованными; послѣ пролога, въ которомъ разсказывалось содержаніе пьесы, слѣдовали от-

дѣльные акты и явленія; въ промежуткахъ для увеселенія появлялся шутъ, чертъ или петрушка, занесенный къ чехамъ, вѣроятно, отъ ихъ сосѣдей—пѣмцевъ. Такимъ образомъ, пережитокъ средне-вѣковаго сохранился вплоть до недавнихъ временъ, такъ какъ Страсти Христовы изображались еще весьма недавно.

Поляки имѣли очень богатую литературу между второй половиной XVI столѣтія и началомъ XVII. Можно только удивляться, что сохранилось такъ немного рукописныхъ латинскихъ драмъ, когда извѣстно, что въ прежнія времена плоды драматической музы усиленно культивировались, особенно іезуитами, которые умѣли обставлять нѣкоторыя представленія съ большимъ блескомъ. Кромѣ того, въ Польшу наѣзжали иностранные комедіанты, которые знакомили населеніе съ иностранными драматическими произведеніями — французскими и итальянскими.

Чисто польскія театральныя произведенія имѣли то же происхожденіе, что и въ другихъ мѣстахъ. Для обработки брались излюбленные библейскіе эпизоды. Кромѣ того, элементы народной поэзіи проникаютъ въ театръ съ такой силой, что какъ разъ именно этотъ роль литературы отражается охотнѣе всего у поляковъ. Хотя польская литература не такъ стара, какъ чешская, но она гораздо богаче.

Къ древнѣйшимъ представленіямъ относится „Судъ Париса“ (1542), въ которомъ наивныя понятія того времени сказались въ тѣхъ средне-вѣково-христіанскихъ мысляхъ, которыми обмѣниваются греческіе и троянскіе герои. На смерть пораженный Парисъ прощается съ Троей въ нижеслѣдующихъ словахъ:

Иисусъ, Марія, о будьте со мной,
Предсмертныя слышу страданья,

94 ЧЕШС., ПОЛЬС. И КРОАТ. ТЕАТРЪ ВЪ СРЕДН. В.

Молю, заклинаю васъ страстной мольбой,
Не лишите меня покаянья!
Спѣши-же духовникъ мой, скорѣе ко мнѣ,
Пока я еще не скончался...

Больше всего любили изображать на сценѣ мистеріи о Воскресеніи Христовѣ, Распятіи, о пути въ Эммаусъ, Въѣздъ въ Іерусалимъ, словомъ о такихъ эпизодахъ, о которыхъ говорится на страстной недѣлѣ. Вначалѣ и здѣсь было замѣтно чешское вліяніе. Наряду съ этимъ бывали цѣлыя циклы, представлявшіе Рождество Господне и появленіе трехъ святыхъ королей; въ этихъ сценахъ было много общаго съ польской, словацкой и моравской народной поэзіей. Иногда у пастуховъ наряду съ чешско-польскими именами встрѣчаются латинскія, взятые у Виргилія или изъ буколической поэзіи.

Личность Божьей Матери тоже являлась иногда центральной фигурой театральнаго представленія; кромѣ того, такъ же, какъ и въ Богеміи, драматизировали средневѣковую философію и инсценировали правоучительныя пьесы, въ которыхъ появлялись аллегорическія фигуры (милосердіе, любовь, печаль и т. п.).

Въ этомъ болѣе всего сказывается вліяніе романтизма. Трагедія о богатомъ расточителѣ и бѣдномъ Лазарѣ, такъ же, какъ и о блудномъ сынѣ, имѣлись у чеховъ и поляковъ въ собственной обработкѣ.

Точно также Вознесеніе на небо и Праздникъ Тѣла Господня давали матеріалъ для сценической обработки.

Любимыми личностями изъ Ветхаго Завѣта были: Авраамъ, Товій, Іосифъ и, обыкновенно рѣдко встрѣчающаяся, легенда объ Іоакимѣ и Аннѣ; затѣмъ—Іоаннъ Креститель, святая Екатерина и польскій патронъ Станиславъ.

Эпоха возрожденія сказывается и на театральныхъ представленіяхъ. Является стремленіе пред-

ставить античный міръ въ христіанской переработкѣ. Въ Польшѣ на сценѣ играли обыкновенно студенты, а также—любители и школьные учителя, имѣвшіе пристрастіе къ нѣкоторымъ ролямъ, какъ напримѣръ—работника, мечтающаго сдѣлаться бариномъ; или же они выставляли въ смѣшномъ видѣ влюбленнаго старика. Сатира обыкновенно являлась въ грубыхъ чертахъ.

У православныхъ южныхъ славянъ не было подходящихъ условій для развитія подобнаго рода поэтического творчества; ни политическія, ни религіозныя условія не благопріятствовали развитію сцены. Обратное наблюдалось на католическомъ Адриатическомъ побережьи, особенно въ достопримечательной Рагузѣ.

Вполнѣ естественно, что и здѣсь сказалось итальянское вліяніе. Но только драма въ Рагузѣ принимаетъ специфическій мѣстный отбѣнокъ, то-есть—является патріотически-аристократической. Въ комедіяхъ были разсыпаны намеки на современныя условія, почему онѣ имѣютъ большую культурно-историческую цѣнность.

Далматская и, вообще, кроатская поэзія начинается вмѣстѣ съ драмой „Юдифь“, написанной Маруличемъ въ Спалато (1501 г.). Олофернъ является воплощеніемъ турецкой опасности, уже стоявшей съ угрозою передъ стѣнами Спалато; Юдифь—образецъ героини. Около конца XVII столѣтія Венецель Потоцкій выразилъ мнѣніе, что полякамъ тоже не мѣшало бы имѣть такую героиню. Кромѣ того, Маруличъ переводилъ также и съ итальянскаго, а именно—„Споръ души съ тѣломъ“ Визіо Филлиберти.

Виблейскіе мотивы обрабатывались въ Рагузѣ иногда многими поэтами, какъ напримѣръ: „Сусанна“, „Жертвоприношеніе Авраама“, а также нѣкоторые эпизоды изъ жизни Христа; но для драмъ этого рода почва въ Рагузѣ не была благопріятно

подготовленной. Аристократическіе республиканцы предпочитали забавляться веселыми масленичными пьесами или „Пастушескими играми“. Послѣднія обыкновенно имѣли форму діалоговъ между пастухомъ и нимфой, чѣмъ, такимъ образомъ, связывался миръ итальянскихъ пасторалей съ славянской поэзіей.

Затѣмъ идетъ рядъ рифмованныхъ фарсовъ, въ которыхъ особенно отличались Нальжемковичъ и Маринъ Држичъ, принадлежавшій къ лучшимъ талантамъ XVI столѣтія.

Свѣтскія драмы, черпавшія матеріалъ изъ дѣйствительности, были представлены относительно слабѣе. Лучшей изъ нихъ является „Рабыня“ Ганнибала Лючича († 1535); героиней этого произведенія является дочь несчастнаго бана Влажека, проданная въ турецкую неволю; изъ послѣдней она была освобождена своимъ возлюбленнымъ Деренчиномъ, въ чемъ драма и находитъ благополучную развязку.

Въ болѣе позднѣйшія времена прочныя корни пускаетъ въ Рагузѣ драма возрожденія; такъ, напримѣръ, въ 1566 году Людовикъ Дольче обработалъ по Еврипиду „Гекубу“, которую Ветраничъ перевелъ вольнымъ переводомъ съ итальянскаго. Подобную же судьбу испытали другія классическія драмы, которыя ставились на сценѣ съ массой лирическихъ изліяній и эпическихъ прикрасъ.

Почти каждый рагузскій поэтъ считалъ себя обязаннымъ испытать себя въ драмѣ. И прославленный Гундуличъ проливалъ слезы надъ „Блуднымъ сыномъ“.

Лучшее доказательство того, насколько была развита въ Рагузѣ драматическая литература, находимъ въ трудѣ Павича (*Historia dubrovacke drame*), согласно изысканіямъ котораго, 27 драматурговъ написали 79 пьесъ, 8 принадлежать неизвѣстнымъ

авторамъ, 23 потеряны, хотя всѣмъ этимъ еще не исчерпывается общее количество пьесъ.

Въ XVIII столѣтіи мѣстные драматурги предаются забвенію, такъ какъ только немногія изъ ихъ пьесъ попадаютъ на печатный станокъ. Ихъ мѣсто заступаетъ итальянская поэзія.

Но извѣстнаго рода память о былыхъ театраль- ныхъ представленіяхъ хранится въ Рагузѣ и до сихъ поръ. Въ праздники трехъ святыхъ королей дѣти декламируютъ въ соборѣ итальянскія и славянскія стихотворенія, величающія рожденіе Христа. Соборъ переполненъ публикой, которая декламируетъ вмѣстѣ съ учениками, ободряетъ ихъ или помогаетъ ихъ ослабѣвшей памяти.

Нигдѣ во всѣхъ славянскихъ земляхъ не сказывается съ такой силой власть пережитка, какъ въ старомодной Рагузѣ.

XXIV.

Упадокъ польской литературы (1600—1750).

Длинный, почти полтора столѣтія продолжающійся періодъ—но какъ бѣденъ онъ характерными явленіями!

Какъ и въ другихъ литературахъ, въ этотъ періодъ времени Польша испытываетъ недостатокъ въ истинныхъ талантахъ и вдохновеніи. Въ то время, какъ болѣе ранній періодъ уже явилъ произведенія, отражавшія національный духъ, теперь широко распространяется масса такихъ произведеній, которыя по своему содержанію не могли бы удовлетворить даже польскаго историка литературы, имѣя на себѣ печать тупого іезуитизма и религіозной нетерпимости. Борьба противъ протестантизма и аrianства нашла откликъ и въ литературѣ; въ ней доминируютъ религіозныя разсужденія, восхваленія католицизма и молитвы; во вкусѣхъ является отсталость.

Почти въ то же время, какъ въ Рагузѣ появляется *Исторія славянскихъ литературъ*.

безконечно длинная Христиада Пальмотаича, въ Польшѣ пишется подобное же произведение въ десяти пѣсняхъ Венцелемъ Потоцкимъ.

Литература отмѣчается бездушнымъ псевдоклассицизмомъ, неблагоприятно вліявшимъ, какъ на языкъ, такъ и на стиль, и породившимъ нынѣ непонятное пристрастіе къ иностраннымъ словамъ. Писать или говорить одну половину фразы по-польски, а другую по-латынски считалось признакомъ хорошаго тона.

Вообще, латинскій языкъ мертвой петлей лежалъ на польскомъ вдохновеніи. Въ то время, какъ въ Богеміи употребленіе его ограничивалось только извѣстнымъ родомъ поэзіи, какъ, напримѣръ, гимнами, въ Польшѣ оно проникло въ общественную жизнь. Польскіе короли, въ большинствѣ случаевъ чужеземцы, заботившіеся только о томъ, чтобы набить карманы, являлись просто маріонетками въ рукахъ знати, среди которыхъ только нѣкоторые поднимали голоса, предостерегая противъ существующаго положенія и царящаго въ странѣ безпорядка; но крылатое слово, что „Польша держится только безпорядкомъ“, оставалось въ силѣ. И приходилось питать надежду только на одну Дѣву Марію, подъ чей патронажъ ставили Польшу.

Подобныя безотрадныя внутреннія обстоятельства жизни „Республики Польской“, само собой разумѣется, не могли создать благоприятной почвы для продуктивнаго литературнаго творчества, тѣмъ болѣе, что и внѣшнія войны съ сосѣдними народами, какъ датчанами, шведами, казаками, турками и русскими, являлись помѣхою для духовнаго развитія страны. Правда, всѣ эти выдающіеся событія, какъ и возвышеніе Любомірскихъ нашли и въ то время своихъ бытописателей, но произведенія эти стоятъ много ниже историческихъ трудовъ XVI столѣтія. Сенкевичъ именно изъ этой эпохи

взялъ восхитительныя картины для своихъ романовъ.

Угрожавшая турецкая опасность была извѣстна Польшѣ и раньше по многимъ произведеніямъ, настойчиво обращающимъ вниманіе на нее. Величайшій литературно-историческій интересъ возбудила битва при Хопимѣ (1621), когда 65,000 поляковъ подъ предводительствомъ дряхлаго, больного Ходкевича боролись въ теченіе 40 дней противъ численнаго перевѣса трехсотъ тысячъ турокъ и нанесли имъ ужасающее пораженіе.

Эта побѣда вызвала цѣлый потокъ божь или мѣнѣ цѣнныхъ литературныхъ произведеній, между которыми особенно важны мемуары Якова Собѣскаго (отца короля Яна) потому, что ими воспользовался для своей поэмы „Битва при Хопимѣ“ самый видный писатель того времени—Венцель Потоцкій. Во всякомъ случаѣ, мы должны смотрѣть на это произведение скорѣе какъ на рюмоплетство, такъ какъ Потоцкій не былъ поэтомъ. Божьей милостью, а представлялъ изъ себя только талантъ, которому съ одной стороны, не хватало силы, а съ другой—изобрѣтательности.

Не напрасно говорятъ про историческія драмы и романы какъ разъ лучшихъ писателей, что они представляютъ изъ себя просто историческую ложь. Но у Потоцкаго все—личности, характеры, событія—передано исторически вѣрно, потому что авторъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ помощи собственной фантазіи; юморъ его грубъ. И все-таки отъ эпоса „Битвы при Хопимѣ“ вѣгѣ свѣжестью.

Этотъ эпизодъ далъ и Гундуличу тему для поэмы.

Но насколько различно трактовалась та же самая тема, относящаяся къ знаменитой битвѣ, въ обѣихъ славянскихъ литературахъ! И пальму первенства надо рѣшительно отдать Гундуличу.

При сравненіи обѣихъ произведеній мы видимъ,

что обѣ поэмы эти различаются по отношенію авторовъ къ королевицѣ Владиславу.

Въ то время, какъ Владиславъ возвеличивается у Гундулича до ранга перваго героя, воплощающаго въ себѣ побѣду христіанства надъ исламомъ, Потоцкій оставляетъ Владислава лежать больнымъ въ палаткѣ; въ полной бездѣятельности онъ слѣдитъ за боемъ, пока самъ поэтъ не принимается высмѣивать его.

Въ польской литературѣ личность Владислава зачастую являлась центральной фигурой; очень интересно сравнить этого опозитивированнаго Владислава съ историческимъ Владиславомъ изъ „Historia Vladislavi Principis“ (Кобежичаго), изъ „Gesta“ (Вассенберга), мемуаровъ Георга Оссолинскаго, Радзивилла и изъ „Дорожныхъ мемуаровъ королевицы Владислава“ Пака.

Значеніе битвы при Хоцимѣ отражается въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя появляются вскорѣ послѣ этого, несмотря на душную политическую атмосферу: іезуитъ Зарбьевскій, poeta laureatus, воспѣваетъ гимномъ побѣду въ годовщину битвы при Хоцимѣ; даже Бирковскій, преемникъ Скарги, представитель религіознаго и милитаристскаго направленія XVII столѣтія, съ воодушевленіемъ проповѣдывалъ о побѣдѣ при Хоцимѣ; а когда Османа постигла ужасная смерть, то онъ посвятилъ ему „Памятникъ Осману“, въ которомъ онъ библейскимъ тономъ указывалъ на его жестокую участь.

„Битву при Хоцимѣ“ Потоцкаго постигла столь же несчастливая судьба, какъ и Гундулича. Эпосъ этотъ появился впервые въ 1850 году и былъ ошибочно приписанъ Андрею Липскому. Только въ 1898 году Брюкнеръ описалъ литературное наслѣдство Потоцкаго, въ которомъ было помѣчено также и стихотвореніе „Либусса“.

Въ это безпокойное время польская литература открывала настежь двери чужому, и главнымъ об-

разомъ западному вліянію; любовь къ романтическому, полному приключеній сюжету, беретъ верхъ надъ всѣмъ. Древній міръ, классическая и неклассическая, сказочная и христіанско-романтическая литература, наряду съ литературой французскихъ авантюръ—все это въ географическомъ и историческомъ отношеніи является настолько спутаннымъ, что возникаетъ специальная литература приключеній, въ которыхъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтала самая невозможная безмыслица.

Во всякомъ случаѣ въ Россіи эта любовь къ описаніямъ разныхъ приключеній сказала еще сильнѣе.

Болѣе всего на польской литературѣ сказалось вліяніе итальянской.

Кое въ чемъ польская литература уподобляется рагузской; съ итальянскаго были переведены „Пасторъ Фидо“, „Аминтасъ“ Тассо (Георгъ Моржтынъ), „Дафнисъ“ (Твардовскій).

На западное вліяніе указываетъ также переводъ „Сида“ Корнеля (1661), сдѣланный Моржтынъ, происходившимъ изъ семейства, которое не только подарило польской литературѣ многихъ писателей, но и государству дало короля.

Второе важное событіе того времени—освобожденіе Вѣны отъ турокъ при помощи поляковъ,—тоже повлекло за собой реакцію для литературы; воспоминаніе о немъ удерживалось даже въ народной пѣснѣ—рѣдкое явленіе для польской письменности.

До извѣстной степени представителемъ того времени является приверженецъ Яна Собѣскаго *historiographus privilegiatus* Коховскій, очевидецъ освобожденія Вѣны, что онъ въ концѣ своей жизни и воспѣлъ. Той же темой воспользовался Калиньскій для его латинской „Viennis“.

Одинъ изъ писателей того времени пользуется особенной популярностью по сіе время и часто цитируется. Это Пазекъ. любимецъ двухъ королей,

мазовецкій дворянинъ, который дѣлилъ съ Чарнецкимъ походы противъ шведовъ и датчанъ, сражался въ Литвѣ, состоялъ въ почетномъ конвой русскаго посольства и пережилъ цѣлую массу приключеній, рассказанныхъ имъ потомъ въ своихъ мемуарахъ.

Пазекъ совершенно не имѣлъ въ виду писать для общества, а просто заносилъ въ дневникъ свои мысли, богатый жизненный опытъ и воспоминанія, наряду съ чѣмъ вписывалъ юмористическіе вирши. Какъ солдатъ онъ много пережилъ; его впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Германіи и Даніи, сумѣли бы приковать къ себѣ вниманіе читателей даже и этихъ странъ, такъ какъ съ одной стороны, книга легко и пріятно читается, а съ другой—Пазекъ является въ ней типическимъ представителемъ польскаго общества второй половины XVIII столѣтія. И какъ типъ воика и дворянина онъ является несравненно симпатичнѣе интригана Мартина Матушевича (1714—1765), который даетъ въ своихъ мемуарахъ картину пришедшаго въ то время уже въ упадокъ общества „польской республики“

XXV.

Вторая половина XVIII столѣтія у поляковъ.

Этотъ періодъ обнимаетъ собой раздѣлъ Польши; проведенныя Конарскимъ школьныя реформы и первое литературное выступленіе Мицкевича (1822) являются культурными вѣхами этого времени.

Въ политическомъ отношеніи этотъ періодъ обозначаетъ собой трагическій конецъ государства, расклевывшагося когда-то отъ одного моря до другого. Какую массу самыхъ выдающихся событій являетъ исторію этотъ періодъ паденія! Въ 1764 году Понятовскаго выбираютъ королемъ, Россія поддерживаетъ диссидентовъ. Въ 1772 году состоялся первый раздѣлъ Польши, возстаніе Ко-

стюшки („finis Poloniae!“), въ 1795 году—третій раздѣлъ; въ 1807 году учреждается герцогство Варшавское, въ 1815 году—королевство.

Такъ разразилась надъ Польшею катастрофа; она была уничтожена, какъ бы ни увѣрялъ въ противоположномъ польскій гимнъ. (Надежды, которыя возлагались поляками на французовъ, живописуются Толстымъ въ „Войнѣ и мирѣ“ и Гонсіоровскимъ въ „Наполеонѣ“. Тѣмъ не менѣе, и тогда былъ рядъ талантливыхъ людей, искавшихъ утѣшеніе въ литературѣ. Послѣдніе являлись для польскихъ патриотовъ, разсѣянныхъ по тремъ государствамъ, связующимъ звеномъ, напоминающимъ имъ о ихъ единствѣ.

Хотя литература и находится подъ могущественнымъ давленіемъ событій эпохи, отражающихся, какъ въ историческихъ трудахъ и политическихъ брошюрахъ, такъ и въ поэтическомъ творчествѣ, но среди всѣхъ славянъ поляки являются единственными за исключеніемъ русскихъ, у которыхъ развивается новая эпоха расцвѣта.

Въ то время, какъ при этомъ періодѣ у чеховъ и словенцевъ наблюдается значительное вліяніе нѣмцевъ, въ польской литературѣ оно меньше, чѣмъ когда либо. Поэзія являетъ новыя вѣтви, польскій языкъ очищается; временами стремленіе къ чистотѣ языка заходитъ слишкомъ далеко. Польскій языкъ обрѣтаетъ въ большомъ словарѣ Линде настолько же прочный базисъ, какъ и чешскій—въ словарѣ Юнгмана.

Князь Яблоновскій основалъ въ Лейпцигѣ общество, которое опубликовывало большіе труды. Около конца XVIII столѣтія въ изданіи его появилось очень важное сочиненіе, трактовавшее объ исторіи и происхожденіи славянъ, въ особенности поляковъ и чеховъ, на латинскомъ языкѣ.

Во время великихъ политическихъ переворотовъ среди польскаго общества наблюдается возрожденіе.

проведенное, главнымъ образомъ, благодаря школьной реформѣ. Новые принципы французскаго просвѣщенія мало по малу пробиваютъ брешь въ консервативномъ бастионѣ католическаго аристократическаго государства; такъ какъ почва для этого не вполне благоприятна, то распространение ускоряется разложеніемъ всего организма. Такъ какъ и король, писавшій свои мемуары и письма по-французски, подвергается иноземному вліянію, то воззрѣнія французскихъ философовъ, особенно Вольтера и Руссо, рекомендовавшаго возвращеніе къ естественному состоянію, находятъ все больше и больше приверженцевъ, даже и въ рядахъ бывшихъ іезуитовъ (въ 1773 году орденъ былъ упраздненъ). Во всякомъ случаѣ эти идеи должны были сначала приноровиться къ польскимъ обстоятельствамъ; борьба, которую они повели противъ закостѣлыхъ взглядовъ средневѣковья, является въ литературѣ въ формѣ сатиры или въ смягченной формѣ басенъ, которую особенно культивировалъ Ксендзъ Красицкій.

Басни Красицкаго стали аттической солью, оживившей весь организмъ Польши; эти граціозныя, написанныя въ законченной формѣ басни заключали, однако, не только одинъ гранъ соли, но и цѣлую унцію золота. Благодаря имъ, польскому „серцу“ стало очевидно, что оно чувствовало, и по чему то-сковало.

Игнацъ Красицкій (род. 1735 г. †1801 г. въ Берлинѣ) является виднѣйшимъ писателемъ этого времени; получивъ духовное образованіе въ Римѣ, онъ былъ назначенъ епископомъ Ермеландскимъ. У короля Фридриха II Красицкій, паства котораго попала послѣ раздѣла Польши подъ прусское господство, былъ въ большой чести. Князь-епископъ Красицкій держалъ блестящій дворъ, который до извѣстной степени сталъ центромъ польской литера-

туры, въ которомъ предѣлательствовалъ человекъ широкаго кругозора, пріятный собесѣдникъ, представитель классической литературы и въ то же время приверженецъ современныхъ французскихъ принциповъ.

Сочиненія его носятъ на себѣ отпечатокъ чистаго классицизма. Его произведенія—„Новости изъ Ермеландіи“, „Война мышей“, „Мономахія“, представляющая изъ себя памфлетъ на вражду кармелитовъ съ доминиканцами, написанный имъ въ Сансуси по желанію Фридриха II-го,—доставили ему много непріятностей, такъ что для умиротворенія задѣтыхъ сторонъ ему пришлось написать „Анти-мономахію“.

Апогеемъ его творчества явились басни и сатиры, которыя и до сихъ поръ пользуются въ Польшѣ такой же популярностью, какъ басни Лессинга въ Германіи и Крылова—въ Россіи.

Красицкій писалъ также и тенденціозные романы. Въ философскомъ и политическомъ отношеніи онъ былъ позитивистомъ, который умѣлъ ужиться при данныхъ обстоятельствахъ и все-таки остаться вѣрнымъ полякомъ. Его произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ общечеловѣчности.

Стрѣлы его не были такъ отравлены, какъ у Венгерскаго (1755—1787), который не щадилъ святыхъ чувствъ и въ качествѣ эпикурейца воспѣвалъ, подобно Вольтеру, непристойную чувственность.

Съ другой стороны, Красицкій былъ честиѣ въ убѣжденіяхъ, чѣмъ Трембецкій (1723—1812), который, будучи великолѣпнымъ стилистомъ, бралъ заказы на изготовленіе памфлетовъ и не скупился въ похвалахъ тогда, когда чувствовалъ полный кошелекъ.

Трембецкій раздражается лицемѣрными элегіями по поводу упраздненія іезуитскаго ордена, а въ качествѣ космополита—разсыпается передъ Екатериной Великой. Потемкинымъ и Румянцевымъ.

Такимъ образомъ, Трембецкаго надо считать нездоровымъ явленіемъ въ польской литературѣ.

XXVI.

Сарматизмъ. Нѣмцевичъ.

Къ описанной выше эпохѣ принадлежать также и тѣ люди, которые, реагируя на неурядицы своего времени, искали, кромѣ того, утѣшенія въ прошломъ, къ которому они выражали самую живѣйшую симпатію.

Въ древнихъ сарматахъ они видѣли славянъ и мечтали о восстановленіи этого древняго періода, богато изукрашеннаго поэтической фантазіей.

Этотъ сарматизмъ нѣсколько подобенъ русскому славянофильству и чешскому славифилизму, представителемъ котораго является Колларъ, первый поборникъ идеи объединенія всѣхъ славянъ.

Уже въ произведеніяхъ строгаго епископа Нарушевича (1733 — 1796), представлявшаго изъ себя во многомъ полную противоположность классически образованному, но доступному идеямъ современности Красицкому, попадаются призывы къ сарматизму. Нарушевичъ обрушивается на современную ему испорченность и возводитъ прошлое въ образецъ. Онъ написалъ „Исторію польскаго народа“, составившую эпоху въ его время; эта исторія обнимала періодъ Пястовъ и послужила основнымъ матеріаломъ для постѣдующихъ историческихъ трудовъ, какъ напримѣръ, Лелевеля.

Въ стихотвореніяхъ его отражаются серьезные и суровые принципы. Какъ моралистъ онъ иногда ударяется въ высокопарность, но онъ умѣетъ быть и доказательнымъ. И вездѣ онъ остается полякомъ патриотомъ и другомъ славянъ.

Ярко выраженнымъ представителемъ этого направления является Вороничъ (1757—1829), быв-

шій сначала епископомъ краковскимъ, а потомъ архіепископомъ варшавскимъ и названный за выдающийся ораторскій талантъ „польскимъ Іереміей“. Въ „Гимнѣ къ Богу“ онъ выражаетъ желаніе, что бы Польша соединилась съ Россіей. Онъ погружается въ древнюю исторію и выражаетъ увѣренность, что будущее, какъ и прошлое, принадлежитъ славянамъ. Мысли свои онъ изложилъ въ эпическихъ отрывкахъ: „Азармотъ“ (родоначальникъ сарматскаго племени), „Лехъ“ (мифологическій отецъ польскаго народа, брата Чеха) и въ историческомъ стихотвореніи „Сивилла“.

Почти въ одно и то же время, какъ и въ Польшѣ, идеи о славянскомъ величій въ древности начинаютъ увлекать и другихъ славянъ; въ особенности это сказалося на словакѣ Холли, почерпнувшемъ въ нихъ мощный творческій импульсъ.

Съ того времени въ польской литературѣ начинается замѣчательное особенное пристрастіе къ сюжетамъ, взятымъ изъ прошлаго Польши.

Даже и въ области науки любовь къ славянству дала замѣтные плоды: изученіе Маціевскимъ славянскаго права и объемистый словарь Линде являются тому лучшимъ доказательствомъ. И многіе другіе, поддерживавшіе сношенія съ пражскими патриотами, дѣйствовали въ томъ же смыслѣ.

Въ драматической литературѣ замѣчается отклоненіе отъ обработки средневѣковыхъ мистерій и мужицкихъ драмъ; принимаются переводить и заимствовать изъ псевдоклассическихъ французскихъ драмъ, которыя не дѣлаются жизненнѣе даже и въ польской обработкѣ. Уже тогда на сцену выступаетъ патриотическій пафосъ, представленный „Варварой Радзивилловой“ Фелинского (1771—1820).

Нѣмцевичъ.

Нѣмцевичъ (1754—1841)—адъютантъ Костюшки и сенатскій секретарь, скончался въ преклонныхъ

лѣтахъ. Онъ выдѣляется скорѣе своей многосторонностью, чѣмъ качественной стороной своихъ произведеній. Нѣмцевичъ былъ горячимъ патріотомъ, предприимчивой, подвижной натурой, идеалистомъ, подчинявшимъ литературу идеѣ патріотизма; благодаря послѣднему, всего стихотворенія, басни, сатиры, романы и драмы являются нѣсколько тенденціозными.

Наиболѣе извѣстны его „Историческія пѣсни“, въ которыхъ онъ изложилъ стихами исторію Польши отъ Леха до освобожденія Вѣны.

Хотя послѣднимъ и не хватаетъ дыханья истинной поэзіи, но ему удалось посредствомъ ихъ оказать большое вліяніе на народъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ злосчастный русскій декабристъ Рыльевъ или чехъ Воцель въ своихъ „Шемыслидахъ“ или „Чаша и мечъ“. Это было самымъ удачнымъ способомъ распространенія историческихъ свѣдѣній среди народныхъ массъ.

Его склонность къ исторіографіи сказывается особенно въ чисто историческихъ трудахъ и важныхъ мемуарахъ.

Наряду съ русскими, у поляковъ самая обширная литература мемуаровъ, тогда какъ эта отрасль литературы до сихъ поръ находится въ полномъ загонѣ у чеховъ. Поляки писали также по французски и по нѣмецки (Домбровский, Матеріалы къ исторіи польской революціи 1794 года; особенно важными являются также записки Одицца, друга Мицкевича и Коллонтая).

И съ подросткомъ говорилъ Нѣмцевичъ со своими земляками въ патріотическомъ духѣ; современная жизнь давала ему богатый матеріалъ для этого.

Въ романахъ онъ точно также предпочитаетъ касаться патріотическихъ струнъ; затѣмъ, онъ очень любилъ пускаться въ детали описаній интимныхъ сценъ.

Кромѣ того, Нѣмцевичъ написалъ фантастическій романъ изъ жизни „3333 года“, въ другомъ романѣ онъ касается еврейскаго вопроса; но самымъ увлекательнымъ произведеніемъ его было „Янъ изъ Тичина“, написанный въ 1825 году; въ этомъ романѣ сказывается вліяніе Вальтера Скотта.

Нѣмцевичъ былъ, кромѣ того, однимъ изъ предсѣдателей учрежденнаго въ 1800 году общества ревнителей науки, просуществовавшего до 1832 г. Къ этому научному центру польской литературы принадлежали самые выдающіеся люди Польши.

Это ученое общество, напоминающее чешское „Королевское ученое общество“, издавало также собственный журналъ.

XXVII.

Народная пѣсня.

Въ исторіи славянской литературы въ XVIII столѣтіи то замѣчается пауза, то линія ея развитія явно идетъ къ упадку. Но существуетъ такой родъ литературы, который переживаетъ даже и неблагоприятныя времена и продолжаетъ жить въ самыхъ широкихъ народныхъ массахъ въ видѣ неиспользованнаго клада; кабинетные ученые долго не хотѣли ничего знать о немъ; эти закостѣлые формалисты, видѣвшіе спасеніе только въ византійской или западной философіи, даже возстановили противъ народной поэзіи, пользовавшейся любовью еще у богомиловъ на югѣ.

Въ Богеміи церковная пѣсня шла рука объ руку съ народной, и гуситская „Кто борець Господа“ и польская „Пѣснь Пресвятой Богородицы“ были боевыми. Употреблявшіеся въ богослуженіи протестантовъ и моравскихъ братьевъ церковныя пѣсни поддерживали любовь къ народнымъ пѣснямъ, которыхъ съ того времени нарождалась цѣлая масса.

Но народныя пѣсни подвергались непрерывной смѣнѣ; однѣ предавались забвенію, другія выступали на ихъ мѣсто. Доказательствомъ этому служатъ чешскіе каноны, которые снабжались примѣчаніями, на какой мотивъ изъ народныхъ пѣсенъ слѣдуетъ ихъ пѣть. Текстъ послѣднихъ пропалъ, но мелодія сохранилась.

Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи церковь и народъ были близки другъ другу; въ особенности пѣсни кальвинистовъ имѣютъ народный характеръ.

Народная пѣсня сѣверо-западныхъ славянъ существенно отличается отъ южно-славянской; это видно хотя бы изъ того, что у южныхъ славянъ встрѣчаются пѣсни героическаго эпоса (имѣющагося и у русскихъ, у которыхъ до сихъ поръ еще живутъ на сѣверѣ былины). Напротивъ, у чеховъ, поляковъ и лужицано-вендовъ этотъ родъ поэзіи совершенно неизвѣстенъ. И къ словенцамъ героическій эпосъ проникаетъ только отъ кроатовъ.

У сѣверо-западныхъ славянъ въ народной пѣснѣ господствуетъ лирика, причемъ перевѣсъ оказывается на сторонѣ эротическихъ сюжетовъ; вѣчная любовь воспѣвается на тысячу ладовъ, согласно соотвѣтствующимъ народнымъ представлѣніямъ, то есть—весело, грустно или страстно; здѣсь можно найти раздѣленную и нераздѣленную любовь, вѣрность и невѣрность, всѣ періоды страсти отъ перваго тяготѣнія и перваго поцѣлуя вплоть до колыбельной пѣсни; можно найти какъ пѣсни невѣсты, такъ и увлекшейся и брошенной дѣвушки.

Отдѣльныя мѣстности Моравіи, Словакіи и Польши оглашаются народными пѣснями, которыя въ большинствѣ случаевъ поются дѣвушками. Но фабрики, культура и полицейскія постановленія мало по малу стираютъ съ лица земли это отраженіе народной жизни.

Тѣмъ не менѣе, надо признать, что въ широкихъ

массахъ славянскаго населенія народная пѣсня имѣетъ болѣе мѣстный характеръ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. При каждомъ удобномъ случаѣ славянинъ изъ народа даетъ выходъ переживаемымъ имъ чувствамъ въ пѣснѣ: на рождество, въ колядахъ (св. Стефана), въ празднованіе святыхъ трехъ королей, при всевозможныхъ національныхъ праздникахъ, во время жатвы, послѣ танца—ездѣ пѣсня занимаетъ свое почетное мѣсто; но охотнѣе всего запѣваетъ дѣвица или деревенскій щеголь, когда въ сердцахъ ихъ расцвѣтаетъ любовь.

Богемская и польская пѣсни имѣютъ въ себѣ много общаго и по мелодіи; обыкновенно онѣ выражаютъ настроеніе живущаго въ общеніи съ природой человѣка. Характерной чертой въ народной пѣснѣ является то, что простой человѣкъ чувствуетъ свою связь съ природой, что онъ убѣжденъ въ переживаніи ею вмѣстѣ съ нимъ его настроенія, что они тѣсно связаны другъ съ другомъ. Вслѣдствіе этого настроеніе и взаимоотношеніе съ природой идутъ параллельно, такъ что иногда кажется, будто не хватаетъ логической мотивировки. При переводѣ подобныхъ пѣсенъ эта нелогичность выступаетъ еще рельефнѣе, тогда какъ въ оригиналѣ многое объясняется погоней за рифмой и ослабляетъ впечатлѣніе логическихъ скачковъ мысли. Рѣзко является собой поэту изъ народа самыя большія трудности, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ подгоняетъ новыя слова къ уже готовой мелодіи.

Народныя пѣсни сѣверозападныхъ славянъ и словаковъ лучше всего сравнить съ нѣмецкими „Schnadahüpfeln“, возникшими изъ импровизацій. Основная мысль обыкновенно является недостаточно логически обработанной, но настроеніе оказывается достаточно выраженнымъ, или, по крайней мѣрѣ—можетъ быть почувствовано.

Народная пѣсня любитъ устанавливать мѣст-

ность; гора, церковка, мостъ описываются самымъ тщательнымъ образомъ, и зачастую попадаютъ такія обращенія: „О, ты мой Ганзерль!“, — какъ зовутъ наиболѣе излюбленнаго дѣвущками парня. Глаголы и цѣлыя обороты охотно повторяются, извѣстныя картины, сравненія, числа и краски вилеваются съ особенной любовью. И при этомъ изъ народной поэзіи несется такой непосредственный аромат, словно отъ букета свѣжихъ полевыхъ или горныхъ цвѣтовъ, которыхъ не замѣнишь ни нарицательными, ни искусственными ароматами. Простота и вѣжность народной пѣсни для поэта всегда должны быть образцовыми.

У чеховъ и поляковъ имѣется не только богатая литература о самой народной пѣснѣ, но и объ ихъ широкоразвитой народной жизни. У чеховъ имѣются сборники Эрбена, у моравовъ—Бартоша и Сушила, у словаковъ—Коллара; перечень народныхъ пѣсней и ихъ переводъ издалъ Зибртъ, редакторъ „Чешски лид“—изданія, посвященнаго изученію народной жизни, тогда какъ у поляковъ имѣется „Висла“, „Люд“, затѣмъ—антропологическіе труды краковской академіи и великолѣпный сборникъ Кольберга „Польски люд“. Мнѣніе, будто бы творческая сила народа въ Богеміи идетъ на убыль, не подтверждается, такъ какъ для этнологической выставки въ Прагѣ (1895 года) въ лѣсныхъ округахъ Богеміи были найдены около 500 новыхъ пѣсней и вариантовъ старыхъ.

Собраніе народныхъ пѣсней имѣло во времена возрожденія особенное значеніе для Богеміи. Народъ проникся уваженіемъ къ самому себѣ, когда увидѣлъ, что и иностранцы видятъ цѣнность въ ихъ народной поэзіи, и путемъ переводовъ и перепѣвовъ сербскихъ и русскихъ пѣсней было положено начало сближенію между славянскими народностями.

Но чисто эпическая пѣсня не могла привиться

среди сѣверозападнаго славянства. Временами какое-либо значительное событіе увѣковѣчивалось исторической пѣсней, но таковыя недолго удерживались въ народѣ.

Повѣствовательный характеръ имѣютъ сложенные по образцу балладъ пѣсни, трактующія сюжеты, извѣстные и въ другихъ мѣстностяхъ, т. е.—объ осиротѣвшемъ ребенкѣ, о злой матери, о мертвомъ возлюбленномъ, невѣрномъ и т. п.

Несравненно популярнѣе въ Европѣ произведенія южнославянскаго эпоса, обыкновенно называемыя „сербскими богатырскими пѣснями“, хотя слѣдуетъ упомянуть, что южные славяне обладаютъ также и цѣнной литературой лирическихъ пѣсней, называемыхъ—въ отличіе отъ богатырскихъ пѣсней—женскими.

Сербо-кroatскія „женскія пѣсни“ являются самымъ воплощеніемъ вѣжности, любви и доброты; по формѣ онѣ совершеннѣе, а по содержанію—связнѣе, чѣмъ чешскія и польскія. Само собой разумѣется, что и въ нихъ истинная любовь дѣлаетъ настоящія чудеса; на жизнь обыкновенно смотрятъ трезво, хотя временами дѣвушка и побалывается злой мачихи или золовки; подобныя пѣсни отражаютъ въ себѣ патриархальную семейную жизнь, въ которой выражается несравненно болѣе тѣсная общность, чѣмъ въ другихъ странахъ. Сербская, черногорская или боснійская женщина является, вообще, существомъ поработеннымъ, надъ которымъ еще имѣютъ силу турецкія традиціи, но когда она начинаетъ пѣть, то ей кажется, будто бы для нея уже наступилъ рай на землѣ; только безконечно повторяющаяся мелодія говорить о прозѣ жизни.

Эти пѣсни сохранились также и у тѣхъ кроатовъ, которые переселились изъ окрестностей Кварнеро на сѣверъ, гдѣ поселенія ихъ распространяются рядомъ собранныхъ по одной, двѣ или три вмѣстѣ деревень по западной границѣ Венгріи вплоть до

Прессбурга. У этихъ кроатовъ возлюбленный неизмѣнно называется „прекрасной фіалкой“, тогда какъ дѣвушку называютъ „красной розой“. Съ теченіемъ столѣтій эти кроаты забыли свои богатырскія пѣсни, изъ которыхъ большинство было сложено на Балканскомъ полуостровѣ уже послѣ выселенія ихъ на сѣверъ; кромѣ того, измѣнившіяся соціальныя условія не благоприятствовали продолженію существованія богатырскаго эпоса.

Болгарскія пѣсни производятъ впечатлѣніе неоконченности; пѣсня внезапно обрывается, и слушатель съ трудомъ можетъ предугадать дальнѣйшую развязку. Дальнѣйшую особенность представляетъ безконечное повтореніе послѣднихъ словъ, что, разумѣется, обрываетъ логическую нить развитія сюжета; обыкновенно, таковы бываютъ пѣсни на случай, какъ напримѣръ—свадебныя или происходящія отъ рода занятій народнаго поэта—напримѣръ: пастушескія или гайдуцкія пѣсни.

Южнославянскія эпическія стихотворенія какъ вслѣдствіе ихъ сюжета и героевъ, такъ и по обработкѣ и своеобразному колориту имѣютъ совершенно исключительный, мѣстный, отпечатокъ. Повсюду—спокойствіе и пластика, какъ въ эпосѣ Гомера. Этотъ романтический южно-славянскій рыцарскій духъ, который струится изъ этихъ эпическо-лирическихъ стихотвореній, какъ-то странно напоминаетъ слушателю о родинѣ. И духъ этотъ пронизываетъ самыя широкіе круги населенія, роднитъ каждаго съ поэтомъ, который могъ быть даже и безграмотнымъ, но все-таки умѣлъ заноситься творчествомъ въ тѣ высшія области богатырей, которыя такъ далеки отъ дѣйствительной жизни. Малѣйшій значительный случай дѣлается чуть не по мановенію руки объектомъ прославленія пѣсней, и черезъ нѣсколько дней послѣднія уже циркулируетъ по всей округѣ; сотни и сотни стиховъ повторяются на память.

Этотъ творческій духъ южныхъ славянъ вызываетъ удивленіе и восхищеніе иностранцевъ; не ученый, а какъ разъ человѣкъ изъ народа является здѣсь поэтомъ, рыцаремъ, миннезенгеромъ; кажется, будто южные славяне всасываютъ прямо съ молокомъ матери героизмъ и поэзію.

Великолѣпную иллюстрацію этому даетъ Куба, издатель произведенія „Славянство въ пѣсняхъ“, рассказывая объ одномъ сторожѣ, который на память преподнесъ ему величаніе въ стихахъ своей собственной свадьбы. Съ какимъ подъемомъ описываетъ этотъ простолюдинъ важную эпоху своей жизни! Подобную любовь и подобную свадьбу могъ бы съ равнымъ успѣхомъ востѣть Марко-Королевичъ, или какой-либо другой видный герой.

Эта творческая сила, однако, иногда мѣшаетъ изслѣдователю провести точныя границы между чисто національными и индивидуальными мотивами. Это лучше всего сказалось на надѣлавшей шума „Славянской Ведѣ“, которую издалъ Верковичъ, и которая заставила ученыхъ поломать голову. Она была объявлена поддѣлкой, хотя и заключала въ себѣ часть славянской мифологіи. Теперь исторія объяснилась: издатель былъ мистифицированъ подуграмотнымъ пѣвцомъ изъ народа.

Древность и развитіе богатырскаго эпоса.

За нѣсколько столѣтій до этого времени у южныхъ славянъ не было такихъ длинныхъ эпическихъ произведеній, какъ нынѣ; но во всякомъ случаѣ у нихъ были богатырскія пѣсни, которыя они позднѣе забыли, такъ какъ имъ всю жизнь приходилось воевать съ турками.

Объ эпическихъ пѣсняхъ говорятъ уже древнѣйшія хроникѣ; но только въ XV и XVI столѣтіи мы встрѣчаемъ у путешественниковъ документальныя данныя ихъ существованія. Въ то время богатырскія пѣсни уже циркулировали въ народѣ.

Какъ было уже упомянуто, эпическія народныя пѣсни вліяли и на далматскихъ поэтовъ, отъ которыхъ не скрылась ихъ красота. И когда на Балканскомъ полуостровѣ возгорѣлась война за „святой крестъ и золотую волю“, то мысль о героическихъ образцахъ, являемыхъ въ богатырскихъ и гайдуцкихъ пѣсняхъ, укрѣпляла и ободряла бойцовъ.

Въ настоящее время у сербовъ и кроатовъ поютъ „гусляры“, у болгаръ даже и женщины. Многіе изъ гусляровъ слѣпы; одни изъ нихъ поютъ ради заработка, но многіе—только въ силу семейной преемственности. Гусли одностонно аккомпанируютъ пѣснѣ пѣвца; послѣдній знаетъ тысячи стиховъ и читаетъ ихъ наизусть однимъ духомъ; ногой онъ ударяетъ въ тактъ однообразному напѣву, но онъ бываетъ при этомъ такъ пренебреженъ содержаніемъ своего разсказа, что не видитъ и не слышитъ ничего, что вокругъ него дѣлается, и настолько воодушевляется, что все тѣло его дрожитъ отъ возбужденія.

Эти пѣсни распространились не только среди однихъ славянъ, но нѣкоторыя изъ нихъ проникли въ Албанію, Турцію и Грецію.

Родиной большинства богатырскихъ пѣсней является гигантская горная котловина Дроздова Поля, края которой теперь заселены албанцами, и сѣверная Македонія, гдѣ съ одной стороны, происходили важныя событія (битва въ день святого Вита, 1389 г. и сраженіе Іоанна Гуняди въ 1448), а съ другой—жили великіе герои. Тамъ и въ сѣверной Македоніи говорили на понятномъ какъ болгарамъ, такъ и сербамъ нарѣчій, и именно это и является причиной, почему объ темы эти встрѣчаются у обоихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, наряду съ этимъ, позднѣе являются пѣсни на сербо-кroatской и болгарской почвѣ, въ которыхъ воспѣваются соперники Марко Королевича и богатыря Стояна.

Подраздѣленіе эпическихъ произведеній.

Южнославянскія эпическія поэмы дѣлятся обыкновенно на—1) произведенія мифическаго, легендарнаго характера и 2) собственно богатырскія.

1) Секта Богомиловъ охотно занималась вопросами о происхожденіи міра. Воззрѣнія эти проникли и въ народную поэзію.

Въ болгарскихъ поэтическихъ разсказахъ особенно важную роль играетъ солнце; старинныя преданія являются смѣшанными съ новѣйшими воззрѣніями.

Изъ сказочныхъ существъ южнославянскій Парнасъ оживляютъ феи, вилы, самовилы, эфирныя существа, тѣсно связанныя съ природой, любовью къ которымъ зачастую возгораются, хотя иногда и на свое несчастье, богатыри. Иной разъ эти феи, въ качествѣ кровныхъ родственницъ (сестеръ), приходятъ на помощь героямъ.

Рѣже появляется драконъ.

Изъ сюжетовъ балладнаго характера назовемъ:

Мертвый братъ или женихъ; змѣя—женихъ; злая золовка и теща; невѣрная жена; дитя, родившееся изъ золы и дѣлающееся потомъ царемъ; бракъ, или любовныя отношенія, между братомъ и сестрой; кровосмѣшеніе матери съ сыномъ; принесеніе въ жертву собственнаго ребенка.

Нѣкоторые изъ этихъ сюжетовъ очень стары и распространены также и у другихъ народовъ.

2) Собственно богатырскія пѣсни. Герои этихъ произведеній, отличающихся иногда внушительнымъ объемомъ, являются историческими личностями, но народная пѣсня выработала изъ нихъ свой собственный типъ съ совершенно опредѣленной характеристикой; старшіе богатыри образуютъ центральную фигуру эпическихъ цикловъ.

Самыми извѣстными являются тѣ пѣсни, которыя оплакиваютъ потерю сербской независимости и воз-

величиваютъ Марко королевича. Изъ временъ этой несчастной битвы сохранилось только немного пѣсенъ, такъ какъ ихъ не записывали. У болгаръ мы встрѣчаемъ пѣсни, содержащія историческія указанія на царя Яна Азена, Яна Шишманова и на паденіе Константинополя.

Смерть царя Лазаря и паденіе сербской независимости неоднократно описывалось въ народныхъ пѣсняхъ; дѣлая эпопею примыкаетъ къ этому потрясающему эпизоду; отдѣльныя части ея были искусственно сплетены между собой и были сдѣланы опыты объединить всѣ пѣсни въ одинъ циклъ. Но про самую битву въ нихъ говорится очень мало.

Сіаніе славы окружаетъ личность царя Лазаря и его зятя Милоша Обилича (собственно—Кобилича), который убилъ султана; проклятымъ на вѣчныя времена (быть можетъ и незаслуженно) является Вукъ Бранковичъ, врагъ и предатель Обилича; возвышенная трагичность связывается съ судьбой царицы Милицы, дочери Югъ-Богдана. Девять Юговичей принимаютъ участіе въ бою.

Содержаніе „Лазаріады“ можно представить въ слѣдующихъ общихъ чертахъ:

Стефанъ Вужикъ спрашиваетъ у жены, не собирается-ли уже войско передъ дворцомъ князя Лазаря. Ела, его жена, рассказываетъ ему свой сонъ, полный мрачныхъ предзнаменованій. Онъ же отправляется ко двору царя, гдѣ царица Милица тоже видѣла ужасный сонъ. Послѣдній предвѣщаетъ, что царь будетъ сраженъ, а у ней у самой сердце разорвется отъ скорби, такъ какъ всѣ ея братья, Юговичи, найдутъ смерть въ битвѣ. Поэтому Милица проситъ, чтобы царь оставилъ ей по крайней мѣрѣ, хоть одного брата, но просьба эта отклоняется. Войско наступаетъ. Послѣ ужина Вукъ Бранковичъ обвиняетъ Милоша въ совершеніи послѣднимъ измѣны. Но Милошъ готовъ доказать обратное и отправляется съ двумя слугами въ турецкій лагерь.

Передъ восходомъ солнца онъ велитъ доложить о себѣ турецкому царю, которому и сообщаетъ, что онъ покинулъ Лазаря и явился на помощь султану. Тогда турецкій царь требуетъ, чтобы онъ глубоко склонился передъ нимъ и поцѣловалъ по турецкому обычаю колѣно царя. Въ это мгновеніе Милошъ наклоняется, наноситъ султану ударъ кинжаломъ и попираетъ его ногами. Затѣмъ онъ вскакиваетъ на коня и мчится съ слугами прочь оттуда, разметывая въ стороны нападающихъ на него съ обѣихъ сторонъ турокъ. Слуги убиваютъ на мѣстѣ; турки думаютъ, что Милошъ убилъ царя.

Тогда съ неба раздается гласъ, что турки должны бросать щиты и острые мечи передъ мордой лошади; такъ и дѣлаютъ, конь падаетъ на землю, и турки отбѣгаютъ Милошу правую ногу. Милошъ храбро сражается пикой и зоветъ Лазаря на помощь. Послѣдній приказываетъ войску садиться на коней, хотя Вукъ Бранковичъ и отсвѣтываетъ ему это. Начинается чреватая послѣдствіями битва; турки берутъ перевѣсъ, главнымъ образомъ, благодаря измѣнѣ Вука Бранковича.

Князь Лазарь попадаетъ въ плѣнъ, и его, вмѣстѣ съ Милошемъ, ведутъ къ раненому на смерть султану. Послѣдній приказываетъ отрубить имъ головы и распоряжается, чтобы голова Лазаря была положена ему подъ ноги, а Милоша—подъ правую руку. Но вѣрный Милошъ испрашиваетъ милость, чтобы глава его князя была положена подъ султанскую руку, а его—подъ султанскія ноги. За это Лазарь восхваляетъ вѣрность Милоша и проклинаетъ предателя Вука.

Данный остовъ цикла сказаній о Лазарѣ изукрашенъ рядомъ отдѣльных деталей, съ которыми связываются многочисленные варианты, гдѣ большую или меньшую роль играетъ народная фантазія.

И вражда между Милошемъ и Вукомъ Бранковичемъ подробнѣе обосновывается и связывается съ

женщиной. Вукъ Бранковичъ сталъ воплощеніемъ всякаго предательства, хотя исторически доказано, что онъ храбро сражался въ бою. Быть можетъ порозоръ босняка Вуковича, бѣжавшаго съ поля сраженія, ошибочно былъ возведенъ на Вука Бранковича.

Королевичъ Марко.

Величайшимъ сербскимъ богатыремъ является королевичъ Марко, сынъ короля Вукашина; во времена султана Мурата (1331—1389) и Балзета (1389—1394) онъ былъ сербскимъ властителемъ. Въ 1394 году онъ былъ убитъ въ битвѣ при Ровинѣ, въ которой принималъ участіе въ качествѣ вассала султана.

Въ народныхъ пѣсняхъ Марко королевичъ—идеализированная, миеологическая личность, родъ воплощенія благороднаго сербства; но онъ являетъ также многія чисто человѣческія черты. Онъ проливаетъ слезы, пьетъ вино, принимаетъ участіе въ слабѣйшихъ, иногда самъ оказывается слабымъ и показываетъ такую мудрость, которая насъ въ немъ не очень то восхищаетъ. Онъ во всякомъ случаѣ не является типомъ героя, сражавшагося съ турками; онъ живетъ съ ними по человѣчески, то въ дружбѣ, то въ ссорѣ, и даже самъ турецкій царь называетъ его роднымъ сыномъ, чтобы смягчить его бѣшенство. Марко даже пѣлыхъ семь лѣтъ былъ на турецкой службѣ и хорошо изучилъ турецкій языкъ, что можно заключить по той хитрости, съ которой онъ обошелъ турокъ, явившихся поздравить его съ днемъ ангела. Два года онъ просидѣлъ въ константинопольской тюрьмѣ, изъ которой его выпускаютъ для единоборства съ наиболее опаснымъ турецкимъ героемъ—Музой Кеседжіемъ.

Хаджа Чуприловичъ при дворѣ султана не знаетъ болѣе великаго героя, который могъ бы помѣряться съ Музой. Но какой видъ представляется сулану,

когда Хаджа приводитъ ему героя. Волосы его ниспадають до земли, ногтями могъ бы онъ вспахать поле, кожа его также черна, какъ вывѣтрившійся камень. Судтанъ спрашиваетъ его, не хочетъ ли онъ помѣряться съ туркомъ Музой въ честномъ бою. Кравевичъ Марко хитро отвѣчаетъ, что сила его надломилась въ темницѣ, зрѣніе его ослабло. Онъ требуетъ, чтобы ему принесли для подкрѣпленія пищи и питья, а ужъ потомъ, если онъ снова почувствуетъ себя окрѣпшимъ, онъ готовъ рискнуть на бой. Тогда ему дѣлають ванну, обрѣзають волосы и ногти и въ изобиліи даютъ пищи и питья. Четыре мѣсяца Марко продолжаетъ пользоваться полнымъ благополучіемъ, пока ему не удастся схватить въ рукѣ кусокъ сухого дерева съ такой силой, что изъ послѣдняго бѣжитъ вода. Тогда онъ выходитъ на бой съ Музой, но чуть чуть не былъ побѣжденъ имъ, если бы только ему не помогла его родная сестра Вила.

Главный врагъ его, это—черный арапъ, живущій по ту сторону моря и обложившій обитателей Дроздова Поля тяжелой податью, чѣмъ, собственно говоря, символизируется турецкій гнетъ.

Но и другія приключенія, частью основанныя на преданіяхъ, частью сказочныя, связываются съ именемъ Марко, являющимся воплощеніемъ непреодолимой силы, соединенной съ мудростью; такъ, наприимѣръ: сказаніе о ложной сестрѣ, поединокъ съ братомъ. Марко попадаетъ также и въ арабскій плѣнъ, но съ помощью полюбившей его королевской дочери освобождается дружественнымъ герцемъ изъ тюрьмы въ Арактъ. Затѣмъ снова выводится кающийся Марко; онъ оставилъ свою возлюбленную. И другіе грѣхи ему тоже приходится искупать: въ битвѣ у Дроздова Поля онъ не принималъ участія въ сраженіи. Туркамъ, на службѣ которыхъ онъ въ то время состоялъ, онъ не хотѣлъ помогать, а примкнуть къ своимъ—не имѣлъ права.

Другая пѣснь рассказываетъ о его боѣ съ турками въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, за что игуменъ его сначала укоряетъ, а потомъ восхваляетъ, видя въ немъ передового бойца за христіанство противъ турокъ.

Марко не придерживается турецкихъ обычаевъ и пьетъ вино даже во время Рамазана. Призванный къ царю Мурату онъ ухитряется такъ изложить ему свои принципы христіанина и героя, что Муратъ одаряетъ его и разрѣшаетъ ему пить вино и въ будущемъ.

Слава Марко распространяется очень далеко; онъ вступаетъ въ единоборство со всевозможными героями. Тѣмъ не менѣе, временами ему тоже туго приходится, какъ, напримѣръ, въ Болгаріи, но онъ все-таки остается самымъ значительнымъ героемъ, который разбрасываетъ своихъ враговъ словно солову, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго, какъ и для его сокола, что на охотѣ съ турками получаетъ первую награду, но коварнымъ образомъ ранится. Знаменита также и лошадь Марко—Шарацъ, идеальное чудодѣйственное существо, оказывающееся для Марко зачастую больше, чѣмъ другомъ.

Честъ быть родиной Марко оспаривали многія мѣстности; резиденція его была въ Прильпѣ, на высокой скалистой горѣ.

Изъ длиннаго ряда героевъ XV, XVI и XVII столѣтій особенно извѣстны: Бранковичъ, Змай-Огнянинъ Вукъ († 1485), братья Якшичи, братская любовь которыхъ не разлучаетъ ихъ даже и тогда, когда между ними становится женщина; они защищали Бѣлградъ.

Далѣе, знаменитымъ является Янъ Сибинянинъ, или Угриянъ Янко, очевидно—историческій Іоаннъ Гунияди, который точно также сражался на Дроздовомъ Полѣ, гдѣ тысячи нѣмцевъ, мадьяръ и чеховъ пали у Ситницы. Его племянникъ Ванъ Секула обладалъ, согласно народной пѣснѣ, волшебнымъ

даромъ превращеній. Кромѣ этихъ героевъ, собраніе народныхъ пѣсней содержитъ въ себѣ массу выдающихся личностей.

Черногорскія пѣсни составляютъ почти цѣлый томъ. Онѣ относятся къ старымъ временамъ, къ Георгу Крноевичу, его обрученію съ дочерью венеціанскаго дожа и къ албанцу Скандербергу. Въ позднѣйшія времена черногорцы воспѣвали ихъ сраженія съ турками, доставившія имъ почетное имя „славянскихъ спартапцевъ“.

Красивую группу образуютъ магометанскія народные пѣсни, въ которыхъ отражаются взгляды славянъ-магометанъ.

И тѣ міровыя событія, которые не совершались непосредственно на Балканскомъ полуостровѣ, тоже давали мотивы народному творчеству, какъ, примѣръ: пораженіе при Шигетѣ, освобожденіе Вѣны отъ турокъ въ 1683 году, побѣда христіанства при Лепанто въ 1571 году.

Говорятъ, что южный славянинъ живетъ и умираетъ съ народной пѣсней на устахъ; но эта поговорка очень вѣрна, даже если ее и относятъ къ трезвымъ, практичнымъ болгарамъ.

Въ чемъ же заключается очарованіе народнаго героическаго эпоса?

Уже въ изображенныхъ личностяхъ и во всей средѣ, въ которой они вращаются, гдѣ славянское геройство соприкасается съ турецкимъ міромъ, лежитъ много непосредственнаго, свѣжаго, и нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣмецкіе образованные романтики были въ восторгѣ, когда открыли въ Европѣ народъ, состоящій изъ „дѣтей природы“.

Наряду съ знаніемъ патріархальнаго духа народная пѣсня требуетъ для своего уясненія знакомства съ турецкими условіями и православно-религіозной жизнью южныхъ славянъ. Зачастую призываются святые: Илья, Огняна Маріа, Метка, Недѣля, Іованъ, Цвѣтелейя.

Но и стилистическіе приемы накладываютъ на эти пѣсни своеобразный отпечатокъ. Отчасти пластичность изображенія достигается повтореніемъ отдельных словъ и цѣлыхъ фразъ. Въ большомъ роду сравненія (съ соколомъ), эпитеты, (напримѣръ: бѣлый городъ, бѣлая церковь, тихій Дунай, бѣшеная змѣя, зеленый лѣсъ, старая мать). Очень часто встрѣчаются взятые изъ природы сравненія и анти-тезы:

Росли двѣ сосны другъ возлѣ друга,
А между ними стройная елка:
Но то были не зеленныя сосны,
И не елка росла между ними,
А были то два родные брата,
Одинъ Павелъ, а другой Радулъ,
Между ними сестрица Елица (Елена).

Нѣкоторыя фразы и соединенія подлежащаго съ сказуемымъ являются типическими: письмо писать, слезы проливать, вино пить, охоту гонять; затѣмъ, прибавленія—сербскій царь, воевода, болгарская земля, венгерская земля, славная Воевѣя, стамбульскій царь, Будинъ-градъ, Кружевацъ-градъ и т. п.

Особенно сказывается желаніе точно опредѣлить мѣстность; имена: рѣка Лаба, Ситница, Клизурскія горы, Крна-гора, города—Вучитръ, Прилипь, Призренъ, монастыри—Раваница, Дечаны, Грачаница, Лебянь-градъ, постоянно повторяются.

Уже начало пѣсень является характернымъ, бывая одинаковымъ у разныхъ пѣсень.

Въ заключеніе коснусь болгарской пѣсни, въ которой встрѣчаются общіе съ сербами герои; иные—чисто болгарскаго происхожденія, какъ тѣ, что вязаны съ именемъ героя Стояна и т. п.

Болгарскія пѣсни обыкновенно бывають не такъ велики по размѣру и связываются съ Салониками и болгарскими мѣстностями; часто изображаются отношенія къ арнаутамъ и грекамъ, часто въ нихъ

упоминается Италія и татарскій паша. Вообще, въ нихъ чувствуется, что жизнь и языкъ находится еще больше, чѣмъ у сербовъ, подъ влияніемъ турецкаго міра.

Въ области народной поэзіи сербамъ по праву принадлежитъ пальма первенства среди всѣхъ славянъ.

Интересъ къ сербо-кroatскимъ пѣснямъ уже давно былъ возбужденъ въ Европѣ, главнымъ образомъ, у нѣмцевъ, англичанъ и русскихъ. Они проникли въ Европу, благодаря итальянскому посредничеству, причѣмъ „Жалобныя пѣсни благородныхъ жень Асанъ-Аги“ Качича, то есть искусственно обработанная народная пѣснь, переведенная Абтомъ Фортисъ на итальянскій языкъ, была переведена на нѣмецкій языкъ някѣмъ пнымъ, какъ самимъ Гете. Гердеръ включилъ это стихотвореніе въ „народныя пѣсни“. О народномъ происхожденіи ея писалъ даже Миклозичъ; кромѣ того, она была переведена и на другіе языки.

Но на народную южно-славянскую поэзію вниманіе было обращено особенно съ тѣхъ поръ, когда въ 1814 году Вукъ Караджичъ издалъ въ Вѣнѣ собраніе этихъ пѣсень. Яковъ Гриммъ привѣтствовалъ его появленіе съ восторгомъ и написалъ предисловіе къ сербской грамматикѣ Вука; слава сербовъ росла съ каждымъ новымъ томомъ собранія народныхъ пѣсень. Повсюду, куда онѣ проникали, благодаря переводу на всевозможные языки, онѣ вызвали взрывъ восторга. Послѣдствіемъ этого было то, что южные славяне пошли по слѣдамъ Вука и собрали колоссальный этнографическій матеріалъ, всесторонне разсмотрѣнный также и учеными. Теперь „Южнославянская Академія“ издаетъ народныя пѣсни.

Въ Аграмѣ братья Миладиновы издали въ 1861 году „Болгарскія народныя пѣсни“. Братевъ этихъ постигла страшная судьба. Когда австрійскій по-

сланникъ сдѣлать представленіе объ ихъ освобожденіи изъ ужасающей стамбульской тюрьмы, то они были найдены тамъ отравившимися.

Сборникъ болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія заключаетъ въ себѣ обыкновенно нѣсколько сотъ страницъ этнографическаго матеріала, обрабатываемаго теоретически редакторомъ этого сборника, докторомъ Иваномъ Шишмановымъ. И стихотворному размѣру пѣсенъ были посвящены подробныя изслѣдованія.

XXVIII.

Общая характеристика славянской литературы XIX столѣтія.

XIX вѣкъ принесъ съ собою славянству совершенно новую жизнь. Русская и польская литературы развиваются на основахъ, воспринятыхъ отъ XVIII вѣка традицій, но романтизмъ возстаетъ противъ этого, и гении тридцатыхъ годовъ становятся классиками своей литературы, которая разливается все болѣе и болѣе мощнымъ потокомъ.

Для чеховъ это столѣтіе знаменуетъ собой періодъ возрожденія и небывалый подъемъ литературы. Южные славяне бросаютъ неестественный церковно-славянскій языкъ и принимаютъ писать на народномъ языкѣ, особенно послѣ того, какъ они сбросили турецкое иго.

Среди славянскихъ литературъ самой мощной становится русская; она же была первой, признанной за границы. Тургеневъ, графъ Толстой и Достоевскій были передовыми бойцами, открывшими другимъ литераторамъ дорогу къ свѣту.

Русская литература носитъ на себѣ общечеловѣческой отпечатокъ; перевѣсь въ ней остается за прозаическими произведеніями.

Русскій реализмъ и натурализмъ являются признанными литературными направленіями. Наряду

съ любовью къ дѣйствительности идетъ благородный альтруизмъ, который въ отдѣльных случаяхъ вырастаетъ до болѣзненности, какъ у Достоевскаго или въ послѣдніе годы—у Льва Толстого. Кромѣ самоотверженной любви къ ближнему, русскія произведенія бывають обыкновенно глубоко проникнуты крайнимъ чувствомъ нравственной мѣры, что совершенно исключаетъ возможность для читателя попасть на описаніе одной изъ тѣхъ непристойныхъ картинокъ, которыми такъ любятъ французскіе писатели дразнить чувственность своихъ читателей. Естественное теченіе разсказа не пересыщается патетическими отступленіями; художественный романъ русской литературы слѣдуетъ читать страницу за страницей; живость развитія темы и богатство сюжета не позволяютъ уже по первымъ страницамъ отгадывать развязку. Русскіе романы всегда являются лучшей иллюстраціей опредѣленнаго времени и всегда сохраняютъ значеніе тѣхъ лозунговъ, которые являлись боевыми для русскаго общества опредѣленнаго періода. Но что является самой характерной особенностью русской литературы, такъ это тотъ фактъ, что, сохраняя свой общечеловѣчскій характеръ, она остается зеркаломъ русскихъ чувствъ, думъ и общественныхъ отношеній.

И уже изъ русскихъ именъ, изъ всей среды, въ которой врачаются герои, на читателя вѣетъ той особенностью русской литературы, которую Вѣлинскій въ критическомъ обзорѣ произведеній Гоголя великолѣпно опредѣлилъ слѣдующими словами: „тутъ пахнетъ русскимъ духомъ“.

Только въ Россіи встрѣчаются эти широкія натуры, лишніе люди, только въ Россіи рождаются Раскольниковы, Базаровы, семья Карамазовыхъ, но не Ругонъ-Макаровъ; только Россія можетъ явить тѣхъ философовъ, которые неспособны подчиниться опредѣленной системѣ и уложиться въ практиче-

скія рамки жизни, которые ударяются въ нигилизмъ.

Интересъ къ мужику всегда былъ довольно высокъ. Вопросъ о томъ, какъ нужно жить, и какъ должно быть перестроено общество, издавна занималъ великіе умы Россіи.

Расцвѣтъ русской литературы приходится на вторую половину XIX столѣтія, когда русскій литературный небосводъ поконится на знаменитыхъ семи столпахъ, изъ коихъ только графъ Толстой дожилъ до настоящаго времени. Но и тотъ нынѣ измѣнилъ тому направленію, плодами коего были „Война и миръ“ и „Анна Каренина“.

Большое количество „толстыхъ“ журналовъ, въ которыхъ концентрируется духовная сущность отдѣльных направлений и партій, дѣлаютъ возможнымъ существованіе въ Россіи специальной критики и изученія исторіи литературы въ такихъ размерахъ, въ какихъ мы не встрѣтимъ его ни въ одной другой славянской землѣ.

И литература мемуаровъ тоже очень богата. Изъ иностранной литературы — за исключеніемъ славянской — на русскій языкъ переводится все, что придаетъ русской литературѣ характеръ универсальности. Но такой журналъ, который занимался бы научными изысканіями о славянской культурѣ, литературѣ и жизни отдѣльных славянскихъ народностей, никогда не имѣлъ прочной почвы въ Россіи.

Наука представлена Императорскою академіей наукъ, II отдѣленіе которой занимается исключительно русскимъ языкомъ и литературой, но и познанія въ другихъ отрасляхъ наукъ, какъ, напримѣръ, въ восточныхъ языкахъ, здѣсь тоже очень большія. Кромѣ того, каждый университетъ печатаетъ свои труды.

Отъ русской литературы существенно отличается литература малорусская, или украинская, представляющая собой выраженіе думъ и чувствъ живу-

щихъ на югѣ Россіи славянъ, мѣстожителство которыхъ частью распространяется и на Австро-Венгрію

Хотя зачатки украинской литературы находятся въ Кіевѣ уже въ XI и XII столѣтіяхъ, но болѣе значительное развитіе она могла получить только въ послѣднее время. Прекрасныя историческія пѣсни, думки и многочисленные вирши, коренящіеся въ старинной литературѣ, послужили основами, на которыхъ зародилась новѣйшая литература съ появленіемъ Ивана Котляревскаго. Послѣдній обнародовалъ въ 1798 году народію на Энеиду, въ которой впервые является вполне опредѣленно и сознательно чистый народный языкъ. Кромѣ того, Котляревскій писалъ малорусскія пьесы для театра.

Онъ вызвалъ, такимъ образомъ, къ жизни цѣлую плеяду молодыхъ писателей, изъ которыхъ отмѣтимъ баснописца и переводчика Горація Гуляка-Артемовскаго и Квитку, создателя украинскаго романа изъ народной жизни и предтечу тѣхъ европейскихъ новеллистовъ, которые обратили вниманіе на крестьянъ (1834 г.). Романтическая школа приобрѣла среди украинскихъ писателей нѣсколькихъ приверженцевъ, какъ, напримѣръ, тонкочувствующаго и меланхолическаго пѣвца степей и казаковъ А. Метлинскаго (1814—1870); она пробудила интересъ къ этнографіи и явила свѣту нѣсколько превосходныхъ сборниковъ народныхъ пѣсней.

Тѣмъ не менѣе, вліяніе ея сохранилось ненадолго, такъ какъ уже въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія у малороссовъ сказывается реалистическое направленіе, которое и до сихъ поръ является господствующимъ со времени Квитки. Правда, на литературѣ украинцевъ отражались и другія теченія и школы, но данное направленіе осталось доминирующимъ.

Самая оживленная дѣятельность наступаетъ въ XIX вѣкѣ славянскихъ литературъ.

сороковых годах, когда для развитія своего народа трудился историкъ Костомаровъ (1817—1885) и многосторонній Кулишъ. Въ ихъ тайномъ кирилло-мезодьевскомъ кружкѣ обсуждались идеи украинской независимости и славянскихъ соединяющихъ итатовъ, за что имъ пришлось позднѣе сильно поплатиться. Къ этому же кружку принадлежалъ и самый значительный украинскій поэтъ Тарасъ Шевченко (1814—1861), который вдохнулъ въ литературу новую жизнь высокопатріотическими и связанными съ революціонными и социальными идеями стихотвореніями.

Его вліяніе проникло даже въ Галицію, гдѣ подъемъ народнаго самосознанія замѣчается уже въ началѣ XIX столѣтія, но вспыхиваетъ только въ 1837 г., когда Шашкевичъ издалъ свой „Дѣйстръ-Руссалишъ“. Шевченко первый вызвалъ литературный и національный подъемъ галиційскихъ малороссовъ, которые теперь стали во главѣ литературнаго движенія украинцевъ.

Русское правительство запретило въ 1863 году тайнымъ циркуляромъ, а въ 1876—официально, печатаніе малорусскихъ произведеній, ограничивъ послѣднее только народными книгами и литературой. То, что, несмотря на это, малороссійская литература въ Россіи не оскудѣла, доказываетъ ея живые способности. Въ послѣднее время наблюдается оживленное, почти лихорадочное проявленіе духовной жизни, начало которому было положено историкомъ, этнографомъ и публицистомъ М. Драгомановымъ (ум. 1895 г.). Вмѣстѣ съ нимъ и подъ его вліяніемъ работалъ самый значительный современный украинскій писатель докторъ І. Франко (род. 1856 г.), работавшій по всемъ отраслямъ литературы и принадлежавшій къ лучшимъ знатокамъ малороссійской письменности. Вмѣстѣ съ профессоромъ Грушевскимъ, В. Гнатюкомъ, докторомъ Студинскимъ, Колессой, Днистрянскимъ, Верхрат-

скимъ и др. онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сочленовъ шевченковскаго общества, которые посвящали свою жизнь наукѣ и отчасти литературѣ.

Лучше всего расцвѣтаетъ новеллистика, являющая выдающихся писателей, какъ Франко („Въ потѣ лица“, „Боа констрикторъ“), Федковича, Кобылянскаго. Украинскій романъ культивируется глубокимъ мыслителемъ П. Мирнымъ и мастеромъ слога Иваномъ Левицкимъ. Эпическая поэзія не участвуетъ въ общемъ расцвѣтѣ, но лирическая продолжаетъ являть и послѣ Шевченко рядъ талантовъ. Хотя драма не имѣла благопріятной обстановки для развитія, но и здѣсь встрѣчаются выдающіеся таланты, среди которыхъ назовемъ Карпенко-Карого.

Что касается количества талантовъ, то польская литература съ честью соперничаетъ въ немъ за послѣднія десятилѣтія съ своей старшей сестрой—русской литературой. Но она вся цѣликомъ служитъ орудіемъ въ рукахъ національной идеи, что сообщаетъ ей ярко-выраженный характеръ крайней тенденціозной односторонности.

Почти вездѣ на первый планъ выступаетъ принадлежность къ польской націи, вездѣ чувствуется затаенное народное горе, готовность къ самопожертвованію за общенародное счастье. Зачастую вбѣтъ нѣкоторымъ шовинизмомъ или страстной тоской по болѣе счастливой будущности. Католицизмъ является знаменемъ, которому клянется полякъ: „Quo Vadis?“—могъ написать только полякъ. Католицизмъ также всосался въ плоть и кровь поляковъ, какъ православіе—у русскихъ.

Философская мысль ихъ не развивается въ предѣлахъ обще-человѣческаго; гдѣ дѣло касается чисто польскихъ интересовъ, поляки являются теоретиками-философами, готовыми, тѣмъ не менѣе, пожертвовать жизнью за свои святыя убѣжденія.

Мифы, выражаемыя польской литературой о не-

полякахъ, не особенно-то благопріятны; они очень симпатизируютъ венгерцамъ и французамъ, элѣгантность салонной жизни которыхъ они себѣ усваиваютъ.

Жизнь польской шляхты оставила замѣтные слѣды въ литературѣ, но вопросы женскій, социальный и еврейскій тоже неоднократно трактуются. Въ польской литературѣ работаетъ рядъ еврейскихъ писателей, тогда какъ въ литературѣ другихъ славянъ таковыхъ не замѣчается. Въ особенности широко развитымъ является интересъ къ исторіи и историческому роману.

Въ этой литературѣ, являющейся связующимъ звеномъ политически разбѣяннаго народа, отражаются всѣ важнѣйшія политическія движенія, какъ, напримѣръ, возстанія 1830 и 1863 годовъ. Послѣ 1830 года литература поддерживалась, главнымъ образомъ, бѣглецами; въ это время она дошла до наиболѣе пышнаго расцвѣта.

Три мощныхъ столпа поддерживали польскій Парнасъ: Мицкевичъ, Словацкій и графъ Красицкій. Но страшное несчастье поразило тогда лучшихъ сыновъ польскаго народа: мессіаниззмъ, появившійся подъ вліяніемъ мистическаго духа Товіанскаго и вшедшій себѣ вездѣ благопріятную почву.

Въ судьбѣ Польши патріоты усматривали Божественное предопредѣленіе; это разрывало ихъ сердца и вдохновляло ихъ къ пламеннымъ пророчаніямъ.

За границей съ польской литературой познакомились, главнымъ образомъ, по произведеніямъ плодовитаго романиста Крашевскаго. Въ послѣднее время особенно пышный расцвѣтъ наблюдается въ прозаическихъ сочиненіяхъ.

Во главѣ послѣднихъ можно поставить Сенкевича, произведенія котораго читаются въ настоящее время по всей Европѣ съ наибольшей охотой. Въ

Италіи, Франціи, Богеміи нѣтъ болѣе любимаго писателя, а въ Польшѣ его положительно боготворятъ. Наряду съ нимъ работаютъ многіе другіе видные таланты, съ пламеннымъ рвеніемъ творящіе все новыя и новыя произведенія. Въ журналистикѣ европейская литература подвергается критической оцѣнкѣ: но за ничтожнымъ исключеніемъ славянской письменности не удѣляется почти никакого вниманія. Зато изслѣдованія собственной литературы и систематической исторіи польской литературы встрѣчаются гораздо многочисленнѣе, чѣмъ у чеховъ.

Наука пріютилась, главнымъ образомъ, въ польской академіи въ Краковѣ; кромѣ того, у поляковъ имѣются еще соотвѣтствующія учрежденія въ Варшавѣ, Львовѣ, а въ отдѣльных бібліотекахъ дѣтельно служатъ родной литературѣ.

Чешская литература находится въ настоящее время въ апогее своего расцвѣта; у нихъ имѣются свои увѣнчанные поэты, какъ Святополкъ Чехъ и Ярославъ Врхлицкій, являющіеся въ настоящее время самымъ плодовитымъ и универсальнымъ европейскимъ поэтомъ.

Врхлицкій принадлежитъ числу представителей той части чешской литературы, которые являются истинно-чешскими только по языку, но не по духу или содержанію. Онъ—космополитическій гений, который меньше всего связанъ съ родной почвой, но, именно, въ силу этого, его стихотворенія, какъ и романы Арба или экзотическіе рассказы Зейнера, встрѣтять одобреніе и въ переводѣ. Эти гении вознеслись надъ мѣстнымъ кругозоромъ и витаютъ въ области интернаціональных художественныхъ сферъ.

Съ другой стороны—цѣлый рядъ писателей, какъ Райсъ, братья Мржичъ въ Моравіи, Холечекъ стремится охватить и отразить въ своихъ произведеніяхъ истинно-чешскій духъ.

Оживленностью политической жизни можно объяснить, что національный вопрос играет большую роль въ прозѣ и стихахъ и иногда даже вырождается у старѣйшей генераціи въ чувственность. Разсказы общечеловѣческаго характера обыкновенно носятъ на себѣ романтической отпечатокъ.

Женщины впадаютъ въ большинство случаевъ въ сентиментальность и патріотическій пафосъ; по счастью, литература синихъ чулковъ почти уже перешагнула черезъ моментъ своего наибольшаго развитія.

Вполнѣ заслуженное вниманіе удѣляется изображенію сельской, крестьянской жизни, въ которой даже и въ этнографическомъ отношеніи заключается много первобытнаго, а затѣмъ—изображенію условій жизни въ чешскихъ провинціальныхъ городахъ съ ихъ сплетнями и интригами.

Но наука еще не встала, за исключеніемъ историческихъ трудовъ и славистики, на ступень большихъ народовъ, у которыхъ уже въ теченіе столѣтій дѣйствовали университеты и академіи, хотя чешская академія въ этомъ отношеніи тоже даетъ немало отрадныхъ явленій. Жаль, что ни поляки, ни чехи не заботятся о томъ, чтобы обезпечить и за границей признаніе своихъ изысканій и главнѣйшихъ литературныхъ теченій.

Возрожденіе чешскаго національнаго самосознанія представляетъ изъ себя необычайное явленіе. Въ теченіе болѣе чѣмъ полутора столѣтій не могло быть и рѣчи о литературномъ языкѣ; только въ концѣ XVIII столѣтія образованные чехи начинаютъ заботиться о своемъ народѣ и литературѣ. Совокупность разныхъ причинъ послужила за собой возрожденіе чешскаго народа; священники, учителя, даже дворяне, которые въ большинство случаевъ не владѣли народнымъ языкомъ, приложили руки къ общему великому дѣлу; но главная заслуга оста-

ется за писателемъ, бывшимъ обыкновенно въ то же время и ученымъ.

Проникшія изъ Германіи и съ запада воззрѣнія принимали на богемской почвѣ романтическую окраску. Очень большое значеніе имѣло воскресеніе славянской мысли.

Послѣ революціи 1848 года наступили годы безплодія: въ концѣ пятидесятихъ годовъ „молодая Германія“, глубоко вліяла на неоромантиковъ, среди которыхъ, подобно утесу, выдается фигура Яна Неруды; его „Космическія пѣсни“ стоятъ особнякомъ въ міровой литературѣ.

Область лирики заполняется однимъ Врхлицкимъ; вокругъ него роятся его друзья и ученики. Любимцемъ читающаго міра является патріотъ Святотопекъ Чехъ, прежде романтикъ, послѣдній чешскій байронистъ. Историческіе романы его прямо глотаются чешской публикой.

Въ девяностыхъ годахъ чешская литература усвоила себѣ кое-какіе французскіе принципы, а именно—декадентовъ и символистовъ, чѣмъ и была вызвана къ жизни чешская модернистская литература, находящаяся въ соприкосновеніи и съ нѣмцами, и съ поляками, и съ южными славянами.

Вліяніе романскихъ литературъ въ послѣднюю четверть вѣка, послѣ дѣятельности Врхлицкаго и появленія модернистскаго направленія, стало замѣтно ощутительнѣе, тогда какъ нѣмецкая письменность оставляетъ на чешской литературѣ почти незамѣтные слѣды, то есть, мы имѣемъ какъ разъ обратное тому, что было сто лѣтъ тому назадъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь духовно-гибнаго католическаго модернизма. Замѣчательной является также и жажда переводныхъ произведеній: усиленно и систематически переводятъ съ русскаго и польскаго.

Во времена французскаго господства, которое давало словенцамъ въ смыслѣ національнаго развитія

больше простора, они тоже были подхвачены литературнымъ движеніемъ.

До этого времени словенцы были собственно говоря „грамматиками“, у которыхъ не было изящной словесности. Послѣ выдающагося поэта Прешерна словенцы получили въ газетѣ Блейвейса литературный центръ. Писатели 60-хъ и 80-хъ годовъ обращали свое вниманіе главнымъ образомъ на поселянъ, изъ которыхъ большею частью состоитъ народъ, такъ какъ у словенцевъ нѣтъ національных городовъ вроде лужицано-вендскихъ. Лучшими поэтами ихъ являются Грегорицъ и Ашкерцъ.

Писатели получали нѣмецкое образованіе, большинство ихъ произведеній преслѣдовали поучительныя цѣли, въ особенности, когда авторами ихъ являлось духовенство. Долгое время литературнымъ центромъ ихъ являлась Вѣна, теперь же многое печатается и въ Герцѣ.

Послѣ девяностыхъ годовъ и модернистская школа нашла среди словенцевъ своихъ представителей. Изданія католическаго союза святого Мура проникаютъ въ самыя отдаленныя хижинны и распространены даже среди словенцевъ Америки и Египта.

Отстоявшія по своимъ основамъ такъ далеко другъ отъ друга литературы сербовъ и кроатовъ въ настоящее время почти объединены духовно. Кроатская литература, особенно романы, носятъ на себѣ болѣе космополитическій отпечатокъ, но въ поэзіи прорывается славянская душа. Въ идейномъ отношеніи обѣ литературы доступны каждому образованному человѣку; богатый этнографическій матеріалъ является общимъ ихъ признакомъ; отличный примѣръ возможности этой общности даетъ Матавулій далматинскій, эскизы котораго — его специальность — появились въ кроатской „Матицѣ“, тогда какъ его бѣлградскіе рассказы пользуются особенной популярностью у сербовъ.

Научное призваніе единства обонхъ народовъ

было сдѣлано южно-славянской академіей, что и являлось цѣлью ея основателя епископа Штросмайера.

Лучшимъ и идеальнѣйшимъ временемъ была эпоха „илиризма“ — путь, по которому шелъ Колларъ; отцемъ же этой идеи былъ Гай. Его мысль — освободиться отъ провинціализмовъ и продолжать работать дальше надъ очищеніемъ языка — встрѣтила поддержку Шафарика. Приверженцы этого теченія находились въ духовномъ общеніи съ чехами не только благодаря литературнымъ сношеніямъ съ послѣдними, но и въ силу перенятыхъ изъ Богеміи юридическихъ познаній. Самый знаменитый романистъ Шеноа учился въ Прагѣ, гдѣ принадлежалъ къ кружку Фрича, Гайдюка, Халека и Неруды.

Изъ богатаго родника народной поэзіи черпали Банъ Мажураничъ и генералъ Прерадовичъ, убѣжденный славянинъ и величайшій кроатскій поэтъ.

Старые „илиристы“ все вымерли, за исключеніемъ Тринскаго. Новое поколѣніе обращаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на кроатскую жизнь; въ послѣднее время прозой больше занимаются, чѣмъ поэзіей.

Среди романистовъ выдается Гжалскій.

На рубежѣ XIX и XX столѣтій возгорѣлся жестокий споръ между „стариками“ и „молодыми“, то есть, — между „традиціоналистами“ и „импрессионистами“, воспринявшими многое изъ иностранныхъ теченій, но недостаточно духовно усвоившими и не приспособившими ихъ иностранный колоритъ къ мѣстнымъ условіямъ. Какъ и полагается южному темпераменту, споръ велся очень пламенно.

Подобно тому, какъ и въ Богеміи — ученые принимали большое участіе въ возрожденіи кроатскаго національнаго самосознанія.

Академія выпускала труды старыхъ далматскихъ писателей въ роскошныхъ изданіяхъ и опубликовывала важныя историческія, филологическія и литературныя произведенія

138 ОБЩАЯ ХАРАКТ. СЛАВ. ЛИТЕР. XIX СТОЛѢТ.

У кроатовъ имѣется нѣсколько литературныхъ центровъ, а соперничество съ сербами подзадориваетъ ихъ къ творчеству.

Совсѣмъ другое развитіе получила новѣйшая сербская литература, возникающая, собственно, только въ XIX столѣтіи. Основаніемъ для сербо-кroatскаго литературнаго языка было выбрано звучное нарѣчіе юга Далмаціи, Черногоріи и Герцеговины, которое было принято также и кроатами. Но въ отдѣльных деталяхъ сербы отклонились отъ него.

Еще приверженецъ западныхъ идей монахъ Обрадовичъ утверждалъ, что неестественный церковно-славянскій языкъ заглушаетъ малѣйшее поэтическое движеніе сербской души, что это искусственное нарѣчіе непригодно для передачи душевныхъ движеній, почему Обрадовичъ и началъ писать на родномъ языкѣ. Такимъ образомъ, онъ сталъ сербскимъ Ломоносовымъ; но только Вукъ Караджичъ, этотъ сербскій Карамзинъ, явилъ, наконецъ, чистый сербскій языкъ. Онъ составилъ сербскій словарь; послѣ жестокой борьбы съ царившими предрассудками, онъ одержалъ побѣду и обезпечалъ, при помощи сборниковъ сербскихъ народныхъ пѣсней, европейскую славу своему отечеству.

На поэтовъ большое и благотворное вліяніе имѣли богатырскія пѣсни. Правда, у сербовъ были даже и истинные лирики, какъ, напр., только что скончавшійся Змай Іовановичъ; но въ коренной литературѣ матеріалъ для поэзіи и прозы черпается изъ войны съ турками; рисуется опасность, которой подвергается южнославянская дѣвушка, затѣмъ—гайдукская жизнь; описываются войны изъ эпохи Кара-Георгія, Обреновичей и изъ черногорской исторіи.

Отпечатокъ романтизма лежитъ на этихъ поэмахъ: богатыри сражаются душой и тѣломъ за „святую крестъ и золотую волю“ противъ полумѣсяца. Чешская и польская литературы тоже воспользовались

кое-какимъ матеріаломъ изъ южнославянскаго быта, и наброски эти встрѣтили большое сочувствіе у читателей.

Въ настоящее время у сербовъ нѣтъ такихъ великихъ писателей, какъ у сѣверныхъ славянъ, но въ литературномъ отношеніи они очень дѣятельны. Выгодой имъ служить то, что они обладаютъ нѣсколькими литературными центрами (Вѣлградъ, Неусаць, Цетинье, Сераево); какъ сербскія, такъ и кроатскія періодическія изданія помѣщаютъ большое число самыхъ разнообразныхъ библиографическихъ замѣтокъ для освѣдомленія читателя, въ чемъ съ ними не можетъ сравниться никакая другая славянская литература.

Изъ подобнаго же побужденія писать на доступномъ народу языкѣ возникла словацкая литература, воспользовавшаяся однимъ изъ чешскихъ нарѣчій.

Побудительные мотивы, разумѣется, были очень хороши, но всякому, принадлежащему къ великой націи, ясно, что подобное начинаніе безрезультатно. Въ теченіе ряда столѣтій словаки пользовались чешскимъ языкомъ, и только въ концѣ XVIII столѣтія католики начали писать на діалектѣ, а за ними, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія,—и протестанты; но величайшіе сыны Словакии—Шафарикъ и Колларъ—остались вѣрными чешскому письму. Что сепаратисты не имѣли успѣха—доказываетъ настоящее. Мадьярская интеллигенція не пишетъ по словацки, широкія массы народа состоятъ изъ неграмотныхъ, а немногочисленнымъ литераторамъ приходится бороться съ невыразимыми трудностями. Чехи мало знаютъ о родственномъ имъ народѣ и почти совершенно не обращаютъ вниманія на плоды ихъ духовной дѣятельности, а безъ виѣшней поддержки словаки могутъ только горестно влечь свое литературное существованіе. Гвѣздославъ и Урбанъ Ваанскій

представляютъ изъ себя во всякомъ случаѣ такіе мощные таланты, что они могли бы влить въ чешскую литературу свѣжіе, здоровые соки. Въ общемъ же—литературное творчество очень мало продуктивно.

Болгарская литература является, пожалуй, самой юной въ Европѣ. Почти до временъ Фотинова, то есть—вплоть до пятидесятихъ годовъ, въ письменности царить такая же противуестественная тарабарщина, какъ и въ Сербіи. Уже въ XVIII столѣтіи пытались писать на народномъ языкѣ, но ничего не было достигнуто. Самъ Шафарикъ въ сорокотыхъ годахъ не зналъ почти совсѣмъ болгарскаго языка. Вукъ воспользовался нѣсколькими его пѣснями. Только изданная Панковымъ въ Вѣнѣ, отпечатанная латинскими буквами грамматика и обнародованныя злосчастными братьями Миладиновыми болгарскія народныя пѣсни обратили вниманіе славистовъ на этотъ языкъ.

Вплоть до русско-турецкой войны главной опорой литературы были эмигранты, которые пламенно обрушивались противъ турецкаго господства и чорбаджіевъ, болгарскихъ богатѣевъ, оставшихся довольными существующимъ положеніемъ вещей, и шли походомъ противъ фанаріотовъ, греческаго духовенства.

Объединяющими мѣстами этихъ писателей-журналистовъ были Вѣлградъ, Неузацъ и въ особенности—Бухарестъ.

Невыносимое положеніе улучшилось послѣ 1879 года, когда Константинъ Жиречекъ организовалъ школьную жизнь; интеллигенція, учившейся въ Россіи или Богеміи, долго приходилось бороться съ трудностями языка.

Самымъ выдающимся болгарскимъ писателемъ является Вазовъ, который еще испыталъ ужасающій турецкій гнетъ въ своемъ отечествѣ, помнить начало возстанія, энергичнаго Любена Каравеловъ.

ва и несчастнаго Левскаго, и описалъ эпоху переворота.

Горячій кровавый туманъ бросается читателю въ глаза изъ его разсказовъ, взятыхъ изъ временъ возстанія, но отъ нихъ вѣетъ духомъ истинныхъ балканскихъ славянъ. Природной простотой и первобытностью трезвыхъ болгаръ вѣетъ отъ нихъ на читателя.

Для историка литературы онъ является достопримѣчательнымъ явленіемъ какъ болгаринъ, воспѣвающий Неаполитанскій заливъ. Во всякомъ случаѣ, все чисто болгарское въ его произведеніяхъ заставляеть предполагать у него крѣпкіе нервы.

Въ области этнографіи и языковѣдѣнія производится дѣятельная работа. Жалко только, что въ Европѣ нельзя достать ни одной болгарской или далматской книги.

Въ концѣ-концовъ упомяну о двухъ славянскихъ литературахъ народа, живущаго въ Германіи—нижне и верине-лужицано-вендской.

Всѣхъ лужицано-вендовъ, которые сами называютъ себя сербамъ, насчитывается едва полтора тысяча душъ. Послѣ чеховъ у лужицано-вендовъ самая лучшая грамматика Мука. Ихъ литература проявляется, главнымъ образомъ, въ періодической прессѣ, предназначенной для деревенскихъ жителей. Самымъ первымъ и значительнымъ поэтомъ былъ Зейлежъ, теперь выдвинулся Чишинскій. На научной нивѣ у нихъ выдѣлились Пфуль, Горникъ и Мука.

Самотверженный трудъ этихъ идеальныхъ тружениковъ заслуживаетъ уваженія и удивленія. Своимъ девизомъ они выбрали слова чешскаго историка Палацкаго:

— Если бы я былъ самымъ послѣднимъ изъ сыновъ какого бы то ни было народа, будь-то пыгане, я бы заботился о томъ, чтобы отъ этого народа осталось хоть почетное воспоминаніе“.

Драматическая литература.

Во всех славянских литературах имѣется одно общее слабое мѣсто, это—драма. У южных славянъ она еще въ періодѣ дѣтства; у сѣверных славянъ имѣется во всякомъ случаѣ богатая драматическая литература, но она еще не завоевала европейской сцены. Философская система, чувство единства и драматическій талантъ никогда не были въ числѣ славянскихъ преимуществъ.

Ибсена, Зудермана или Гауптмана среди нихъ еще не объявилось.

Съ французскимъ остроуміемъ, французской элегантностью и занимательностью не можетъ идти въ сравненіе въ области драмы прямота честнаго, довольно неуклюжаго славянина. Этимъ еще не сказано, что у славянъ не существуетъ драматической поэзіи. Къ каждому конкурсу въ Богеміи представляется до сорока пьесъ, а въ Польшѣ—до шестидесяти. Въ Богеміи, напримѣръ, Врхлицкій самъ написалъ около тридцати драматическихъ произведеній, изъ которыхъ многія имѣютъ значеніе классическихъ; но его величина заключается не въ драмѣ.

Въ началѣ XIX столѣтія чешская драма была въ зависимости отъ нѣмецкихъ образцовъ. Старая генерация, какъ Каиетанъ Тылъ и Вацлавъ Клицера особенно охотно бралась за историческіе, рыцарскіе или сказочные сюжеты для пьесъ, которыя, подобно комедіямъ, приравнивались для исполненія любителей-студентовъ. Императору Францу I-му необыкновенно нравилась комедія Штьепанека „Чехъ и нѣмецъ“.

Въ смыслѣ театральнѣйшей техники отличался Владиславъ Штрупицкій, сохранявшій въ драмѣ ясность рѣчи. Большую услугу развитію чешской драмы оказалъ Фр. Шубертъ, авторъ популярныхъ, полныхъ достоинства драмъ изъ чешской жизни,

написавшій интересный мемуаръ въ качествѣ бывшаго директора національнаго театра.

Рядомъ съ нимъ выдаются М. Шимачекъ, Фр. Х. Свобода, госпожа Габріэль Прейсъ, Ярославъ Кваниль, Хладикъ. Къ лучшимъ драмамъ принадлежатъ появившаяся въ 1905 году трагедія „Іоаннъ Гусъ“ Воробиника.

Младшее поколѣніе охотно даетъ сцены изъ жизни богемы или художниковъ; истинный талантъ проявляется у Гильберта.

Чешскія комедіи полны шутокъ и остротъ и вызываютъ смѣхъ; въ этомъ отношеніи онѣ оставляютъ далеко за собой польскія.

Фарсы Шемберса переводятся также и на нѣмецкій языкъ, хотя онѣ, главнымъ образомъ, и основаны на игрѣ словъ. Къ Шемберсу примыкаютъ знатоки чешскихъ недостатковъ: Штехъ, Штолаба, Пиннихъ.

У поляковъ имѣется нѣсколько признанныхъ авторовъ произведеній этого рода поэзіи.

Несторомъ польской трагедіи считается графъ Фредро, который въ теченіе полустолѣтія идеализировалъ польское общество въ драматическихъ произведеніяхъ, написанныхъ во французскомъ вкусѣ, столь близкомъ польскому духу.

Для сюжета поляки любили выбирать разные историческіе конфликты, писали аллегоріи, философскія драмы, то есть—по преимуществу драмы для чтенія, мало пригодныя для театральнѣйшей представленій.

Только у немногихъ находимъ реалистическій элементъ, какъ, напримѣръ,—у Севера (Мацейовскаго), написавшаго отличную пьесу изъ народной жизни; жизнь крестьянъ и евреевъ тоже находила на сценѣ свое отраженіе.

Отличныя комедіи изъ краковской жизни, изъ столичной сутолоки и жизни заброшенныхъ провинціальнѣйшихъ городковъ выходили изъ подъ пера Ва-

лудного. Веселыми товарищами ему были—знаток польской шляхты Блицкий и автор фарсов Пржибыльский.

Въ новѣйшее время въ модѣ—модернистская литература; во главѣ стоитъ Пшибышевскій, но самымъ оригинальнымъ явленіемъ былъ Выспянский, произведенія котораго вызвали ожесточенные споры.

Наряду съ нимъ восходящими звѣздами считаются Киселевскаго и Риделя. Въ количественномъ отношеніи творчество идетъ очень интенсивно.

У словенцевъ, сербовъ и болгаръ нельзя пока еще говорить о драматической литературѣ. У кроатовъ національный театръ находится въ Аграмѣ; лучшими драматургами у нихъ являются: Стефанъ Риттеръ фонъ-Милетичъ, Трезичъ-Шавичичъ и рагузецъ Иво графъ Войновичъ; у сербовъ можно назвать Фр. Савича и Недича.

Если теперь бросить общій взглядъ на славянскія литературы, то получаются слѣдующіе выводы:

Величайшій славянскій писатель—графъ Толстой; величайшій психопатологъ міра—Достоевскій; художественный реализмъ русскихъ принадлежитъ къ признаннымъ въ Европѣ литературнымъ направлениямъ. Самый популярный и извѣстный далеко за предѣлами своего отечества авторъ—полякъ Сенкевичъ; у чеховъ имѣется самый плодотворный и универсальный поэтъ космополитъ И. Врхлицкій. Хорошо развитая литература изъ деревенской жизни теряетъ при переводѣ естественную свѣжесть и чисто славянскій характеръ. Разумѣется, многіе продукты славянскаго творчества встрѣтятъ признание и за границей, если для перевода будетъ сдѣланъ удачный подборъ произведеній, могущій быть доступнымъ воспріятію читателя-неславянина. И тотъ аромат непосредственной свѣжести, которымъ вѣетъ отъ истинно славянскихъ художественныхъ произведеній, вполне удовлетворить художественное чутье читателя-европейца.

XXIX.

Славянское возрожденіе и его причины.

Основы славянскаго возрожденія коренятся въ концѣ XVIII столѣтія. Ходъ постепеннаго развитія возрожденія неодинаковъ у различныхъ славянскихъ народовъ; даже одні и тѣ же идеи встрѣчаютъ различное воспріятіе и проведеніе въ жизнь. Но если отдѣльные славянскіе народы и пробуждались къ національному самосознанію различными способами, то само по себѣ это возрожденіе имѣетъ ясные признаки обще славянскаго движенія.

Такъ какъ въ польской литературѣ выдающіеся писатели встрѣчаются уже въ XVIII столѣтіи, то начало XIX столѣтія проявляется у нихъ иначе, чѣмъ у другихъ славянъ.

Въ политическомъ отношеніи народъ былъ раздавленъ; литература явилась объединяющимъ національнымъ элементомъ. Поляки были особенно восприимчивы къ французскому вліянію, такъ какъ произведенія французской литературы были легко доступны имъ вслѣдствіе знакомства съ языкомъ. Мало-помалу они начинаютъ знакомиться и съ нѣмецкой литературой.

Совсѣмъ иначе формируется эпоха возрожденія у чеховъ. Чешскій національный духъ продолжалъ жить среди сельскаго населенія, такъ что правительство было вынуждено обратить вниманіе на это провинціальное нарѣчіе. Получившая нѣмецкое образованіе интеллигенція вспомнила о тѣхъ временахъ, когда въ Богеміи въ большемъ ходу былъ родной языкъ. Въ рядахъ ихъ проявляется самолюбивое стремленіе снова поднять національное самосознаніе въ Богеміи, и это происходитъ съ такой готовностью къ самопожертвованію, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Совершенно также обстояло дѣло и въ Кроатіи, гдѣ интеллигенція тоже получала нѣмецкое образо-

146 СЛАВЯНСК. ВОЗРОЖД. И ЕГО ПРИЧИНЫ.

ваніе; здѣсь сознаніе будилось волнами политическихъ страстей; съ одной стороны, поводъ представляло положеніе вещей въ возстановленномъ королевствѣ Иллиріи, съ другой — сношенія съ венграми.

Но совершенно иначе обстояло дѣло въ Сербіи и Болгаріи, куда не могли проникнуть новыя западноевропейскія идеи, такъ какъ эти страны находились слишкомъ далеко отъ Франціи и Германіи, а турецкое господство не примирилось бы съ ними; для православная церковь не создавала, разумѣется, для нихъ благоприятной почвы. Затѣмъ, оба эти народа должны были сначала вырваться изъ оковъ церковнославянскаго языка и обратиться къ своему природному народному.

Почва для славянскаго возрожденія создавалась внѣшними и внутренними причинами. Сначала явилось на сцену такое движеніе въ цѣляхъ просвѣщенія, которое заставило вѣнское правительство хотъ на время не сковывать хода естественнаго развитія отдѣльныхъ славянскихъ народностей. Южнымъ славянамъ извѣстное облегченіе принесло временное господство французовъ.

Поляки непосредственно ознакомились съ принципами энциклопедистовъ, тогда какъ остальные западные славяне восприняли ихъ при нѣмецкомъ посредничествѣ. Нѣсколько гигантскихъ валовъ, вздымавшихся въ то время литературную плоскость, взбудоражили всѣ умы. Это были пѣсни Оссиана, напомнившія славянамъ ихъ національныя пѣсни, подражанія твореніямъ нѣмецкихъ бардовъ, вызвавшія тѣни бардовъ славянскихъ, все направленіе, созданное Руссо, требовавшее возвращенія къ природѣ и имѣвшее особенно сильное вліяніе на польскія идиллическія стихотворенія; проявившійся у нѣмцевъ интересъ къ прошлому и среднимъ вѣкамъ, великое національное движеніе у нѣмцевъ и романтизмъ имѣли для славянъ реакціонное значеніе. Всѣ

эти идеи встрѣтили отголосокъ у поляковъ, чеховъ, словенцевъ и кроатовъ; однако, и въ русской литературѣ романтизмъ тоже оставилъ глубокіе слѣды.

Тѣмъ не менѣе, западноевропейскія идеи воспринимались славянами не прямо, а въ приспособленномъ къ славянскимъ обстоятельствамъ видѣ; это можно видѣть хотя бы потому, насколько различнымъ было вліяніе романтизма на славянскія литературы.

Романтизмъ. Русскіе восприняли духовный міръ романтизма въ томъ отношеніи, что переводили произведенія этой школы и старались продолжать творить въ этомъ же направленіи; слѣдовательно, въ отношеніи пути развитія идеи романтизмъ русскихъ почти не отличается отъ нѣмецкаго. Наоборотъ, въ Польшѣ и Богеміи онъ былъ толчкомъ къ новымъ мыслямъ. И поскольку романтизмъ развивалъ пристрастіе къ изученію средневѣковья и любовь къ національному прошлому, онъ представлялъ изъ себя для этихъ народовъ особенную притягательную силу, такъ какъ въ прошломъ они находили мотивы и обоснованіе своей національной гордости.

Романтизмъ воодушевлялъ къ патриотизму и вызывалъ передъ глазами читателей образы героевъ, казавшихся тогда достойными подражанія прототипами. Но къ этому, подъ флагомъ романтизма, стремилась не только изысканная словесность, а и строгая наука: Шафарикъ, Лелевель, Палацкий (въ первомъ періодѣ) были романтиками въ томъ же смыслѣ, какъ таковыми называютъ Грима и Савиньи; клеймо романтизма на нихъ накладываютъ въ особенности ихъ взгляды на національную самобытность.

Противовѣсомъ ложноклассицизму романтизмъ былъ только у поляковъ, но не у чеховъ, такъ какъ періода ложноклассицизма не было ни у чеховъ, ни у южныхъ славянъ. Но и поляки, и чехи обязаны

романтизму своимъ вступленіемъ на путь національнаго самосознанія, такъ какъ онъ обратилъ ихъ вниманіе на прошлое, въ которомъ они почерпнули основы національнаго самоуваженія.

Вайронъ. Подобно мянку возвышается надъ всей славянской литературой образъ лорда Байрона, передового бойца за идею свободы, въ появленіи котораго для славянъ было много очарованія. Достаточно было нѣсколькихъ строчекъ Байрона, чтобы привязать къ нему славянъ, — такъ соответствовали его идеи ихъ желаніямъ, надеждамъ и обязательствамъ.

Но самое сильное вліяніе онъ оказалъ на русскихъ. Первые русскіе поэты — Пушкинъ и Лермонтовъ — становятся вначалѣ на почву байронизма, и молодой несчастный Лермонтовъ не сумѣлъ избавиться отъ этого вліянія, тогда какъ Пушкинъ въ концѣ-концовъ обрѣлъ свою истинную русскую сущность.

У поляковъ Вайронъ тоже встрѣтилъ дружественный приѣмъ. Вліяніе его сказывается въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, его произведенія переводятся, какъ напримѣръ — „Гяуръ“, переведенный Мицкевичемъ; съ другой — онъ указалъ польской поэзіи новые пути. Самъ Вайронъ въ „Мазепѣ“ показалъ свои симпатіи къ славянскому міру; на эту тему его натолкнулъ въ Венеціи несчастный авторъ „Маринъ“ — Малчевскій. По своей сущности Мицкевичъ не былъ байронистомъ, но въ молодости онъ тоже не избѣжалъ вліянія господствовавшей моды. Нѣчто подобное мы можемъ установить у Святополка Чеха, которому пришлось пройти черезъ ту же школу жизни. Вначалѣ Мицкевичъ былъ почитателемъ Гёте (Вертеръ), но уже на „Конрадъ Валленродъ“ наблюдается печать байронизма. У поляковъ къ тому же примѣшиваются національные интересы. Позднѣе Мицкевичъ освободился отъ этого вліянія; хотя Конрадъ въ „Дзяды“

и напоминаетъ Кайна, но польская критика доказываетъ, что въ индивидуальномъ отношеніи онъ полякъ чистой воды. Красинскій тоже выросъ въ сферѣ байронизма; поэтому можно было бы предположить, что его революціонеры дѣйствуютъ по байроновскимъ принципамъ, но, на самомъ дѣлѣ, это не такъ: непосредственное вліяніе Байрона на Красинскаго было очень незначительнымъ.

Но тѣмъ ближе былъ Вайронъ Словацкому. Этотъ высокочтимый поэтъ молодого поколѣнія, ставшій впослѣдствіи самодовлѣющей художественной личностью, былъ въ прежнее время очень воспримчивъ къ вліянію Шекспира, Байрона и Кальдерона. Вначалѣ его герои создавались изъ байроновской плоти и крови, являя собой мятежниковъ, борющихся противъ существующаго строя, вѣроломныхъ измѣнниковъ, поднимающихъ мечъ свой противъ родины. Въ „Арабѣ“ Словацкій даже перешеголялъ Байрона причудливостью. У Словацкаго ясно сказывается еще и то обстоятельство, что его юморъ и иронія — явно байроническаго происхожденія. И въ пристрастіи къ сильнымъ, сверхчеловѣческимъ характерамъ Словацкій тоже очень приближается къ Вайрону.

На поэтовъ второго разряда вліяніе Байрона было еще замѣтнѣе; приведу хотя бы Корсака, Витвицкаго, Корценювскаго въ „Панѣ Фортунатѣ“ и, въ особенности, — Гарчинскаго въ „Вацлавѣ“; нѣкоторыя большія поэмы Вайрона были переводимы по 4—5 разъ на польскій языкъ.

Словно молнія, сверкнулъ байронизмъ въ чешской литературѣ. Длительнаго вліянія онъ не имѣлъ; но въ безвременно погибшемъ Карлѣ Ганекѣ Машѣ (1810—1836 гг.), который воспользовался въ „Маѣ“ даже байроновской планировкой, онъ нашелъ свое воплощеніе. Новая, великія идеи, воспринятые молодымъ поэтомъ изъ польской литературы, пронизывали его мозгъ; онъ былъ рожденъ

поэтомъ, но писатели и критики того времени не почувствовали полета его поэзіи; застыніе чешскіе патриоты не могли понять этого боевого романтика, выбравшаго для своихъ „Цыганъ“ совершенно необычный сюжетъ.

Маша не была признана, и скоро его забыли; только неоромантизмъ второй половины пятидесятихъ годовъ отиѣтилъ его значеніе. Тогда образовался цѣлый культъ личности Маша. Романтики склоняются къ героямъ байроновскаго типа, облюбовываютъ сверхчеловѣковъ, резонеровъ, старые города, подземелья, политическихъ заключенныхъ и цыганъ и изображаютъ романтическія страсти и любовныя перипетіи. Этотъ родъ романтизма получилъ распространеніе и у кроатовъ.

Вальтеръ Скоттъ. Наряду съ Байрономъ среди славянъ пользовался большою популярностью историческій романъ Вальтера Скотта. Историческое прошлое шотландцевъ, войны съ Англіей, потеря самостоятельности давали полякамъ и чехамъ богатый матеріалъ для сравненія съ ихъ собственнымъ прошлымъ. Романы Вальтера Скотта переводились на русскій, польскій и чешскій языки и дали толчекъ къ развитію самостоятельной исторической литературы въ славянскомъ сѣверѣ. Перечень всѣхъ тѣхъ историческихъ романовъ, въ которыхъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пробовали счастья разные писатели, занялъ бы слишкомъ большое мѣсто. Въ Богеміи историческій романъ явился мощнымъ пособникомъ развитія національнаго самосознанія.

Сто лѣтъ тому назадъ влияніе нѣмецкой литературы и культуры на славянъ и, особенно, на чеховъ, было очень большимъ; около конца пятидесятихъ годовъ влияніе юной Германіи сказывалось особенно сильно на Богеміи. Кромѣ того, черезъ посредство нѣмецкой литературы чехи знакомились съ господствующими теченіями мировой ли-

тературы. И кроатское общество, особенно лучшая часть его, не могло вплоть до самаго недавняго времени порвать связь съ нѣмецкими литературными формами.

Большое сочувствіе встрѣчала пастушеская поэзія, какъ переводная—съ нѣмецкаго и латинскаго, такъ и подражательная. Идилліи Гейснера служили образцами—въ особенности поэтамъ изъ духовнаго званія, не смѣвшимъ касаться эротическихъ струнъ.

Нѣмецкіе классики. Клопштока любили въ Богеміи, главнымъ образомъ, за то, что въ своихъ произведеніяхъ онъ давалъ мѣсто выраженію національнаго чувства. Послѣ нѣмецкихъ подражаній пѣснямъ бардовъ между славянами объявились и свои „барды“, воодушевленные патристическими идеями. Гёте положительно обоготворяли, классически настроенные умы восхищались балладами Шиллера, баснями Лессинга, но наибольшее влияніе на объединеніе славянъ оказали гуманныя идеи Гердера и позднѣе — произведенія пѣвцовъ свободы, боевые кличи которыхъ, казалось, были вырваны изъ самой души чеховъ, поляковъ, словенцевъ и кроатовъ.

Шиллеръ былъ близокъ чехамъ хотя бы уже потому, что занимался исторіей тридцатилѣтней войны и Валленштейномъ, и посѣтилъ Прагу. Произведенія его читались повсемѣстно по-нѣмецки, и выраженные въ нихъ освободительныя мысли встрѣчали сочувствіе во всей Богеміи; переводились его баллады и романсы; кромѣ другихъ, переводникомъ Шиллера былъ знаменитый профессоръ бреславльскаго университета Пуркинѣ. Но его произведенія, какъ и вообще нѣмецкая поэзія, служили импульсомъ для созданія чисто чешскихъ поэтическихъ произведеній, для которыхъ брались чисто національные сюжеты („Прыжокъ Гориміры“).

Гёте, прожившій среди чеховъ болѣе 3-хъ лѣтъ, съ симпатіей слѣдилъ за славянскимъ развитіемъ и

152 СЛАВЯНСК. ВОЗРОЖД. И ЕГО ПРИЧИНЫ.

и въ отдѣльных случаях имѣлъ на нихъ громадное благотѣльное вліяніе. Лучшимъ другомъ корифея нѣмецкой поэзіи былъ графъ Штерибергъ, знаменитый минералогъ, сдѣлавшій колоссально много для созданія чешскаго музея и стоявшій во главѣ патристически настроеннаго чешскаго дворянства.

Славянскіе писатели, пріѣзжавшіе въ Германію, считали своей обязанностью выразить Гёте свое обожаніе, какъ человѣку, проявившему столь необычный интересъ къ южно-славянскимъ народнымъ пѣснямъ и Краледворской Рукописи. Въ интеллигентныхъ кружкахъ служило лучшей рекомендаціей Краледворской Рукописи то, что Гёте собственноручно взялъ изъ нея нѣсколько пѣсень въ нѣмецкой обработкѣ. На поляковъ Мицкевича и Одяца онъ не произвелъ особенно глубокого впечатлѣнія; только его „Вертеръ“ и идиллическій эпосъ „Германъ и Доротея“ оставили въ польской литературѣ послѣ себя замѣтные слѣды въ „Вьеславѣ“ Бродзинскаго и „Павѣ Тадеушѣ“ Мицкевича.

Бродзинскій, пламенный почитатель Гёте, какъ и чехъ Челаковский, перевелъ въ 1821 году на польскій языкъ „Вертера“. Вообще, страданія молодого Вертера нашли въ польской литературѣ много подражателей, прежде всего—въ Витницкѣ; иногда появлялись и пародіи на него.

Добрую четверть вѣка вертеризмъ красной нитью проходилъ сквозь польскую литературу, но въ ней онъ лишился присущаго ему отпечатка міровой скорби; подобное философское направленіе было противно польской натурѣ; ей ближе было страданіе безнадежной любви.

Вертеръ подготовлялъ почву байронизму; зачатую оба теченія уживались рядомъ другъ съ другомъ.

Въ Богеміи это вертеровское упоминаніе на-

ступило гораздо позже и то благодаря женской литературѣ.

Чехамъ Гёте былъ гораздо ближе, чѣмъ полякамъ; въ пражскомъ университетѣ читалъ лекціи профессоръ Мейнертъ, поддерживавшій отношенія съ нѣмецкими писателями и развивавшій въ обществѣ интересъ къ нимъ.

Весьма плодотворнымъ было вліяніе Гёте на Коллара, котораго онъ поддерживалъ въ мысли собрать словацкія народныя пѣсни и перевести ихъ на нѣмецкій языкъ. Въ художественномъ отношеніи вліяніе Гёте сказалось особенно сильно на Челяковскомъ.

Лессингъ. Затѣмъ переводились басни Лессинга; но еще значительнѣе для возрожденія національнаго самосознанія, главнымъ образомъ, чеховъ, былъ Гердеръ.

Гердеръ бралъ изъ славянской литературы примѣры для своего „Гласъ народа въ пѣсняхъ“; но еще болѣе симпатіи славянъ привлекало въ немъ то, что онъ высказывалъ очень гуманные взгляды о мягкости характера славянъ и ихъ будущности. Относящіеся къ этому слова Гердера были благословенными для славянъ, которые хвалились ими и долгое время повторяли ихъ. Слѣдующему поколѣнію Гердеръ казался славянскимъ патриархомъ.

Такимъ образомъ, Гердеръ для славянской литературы былъ необыкновенно важнымъ явленіемъ, пожалуй, самымъ важнымъ послѣ Коллара въ то время. Такъ, напримѣръ, Бродзинскій любилъ его, какъ друга, и воспринялъ отъ него большую часть его принциповъ (поэзія должна соответствовать характеру народа) для написаннаго имъ въ романтическомъ духѣ труда: „О классицизмъ и романтизмъ“.

Превращенія, которымъ подвергались поэтическія произведенія нѣмецкихъ пѣвцовъ свободы у

поляковъ, чеховъ и словенцевъ, были очень своеобразны.

Пѣвцы свободы. Насколько пристрастіе романтиковъ къ археологіи и санскритскому вызвало въ славянахъ стремленіе разбираться въ своемъ прошломъ, настолько же бурныя, написанныя противъ французскаго господства стихи пробудили въ нихъ сознаніе своего положенія. Они достаточно хорошо понимали горечь сознанія чужеземнаго господства, стремленіе сбросить съ себя это ярмо, и изъ этихъ пламенныхъ пѣсней они всосали одушевленіе къ стремленію бороться за личную независимость—читая по-нѣмецки, они чувствовали по-славянски и думали о своихъ врагахъ.

Такимъ образомъ, эта поэзія содѣйствовала пробужденію въ нихъ патріотическихъ чувствъ, которыя находили себѣ исходъ во вдохновенныхъ гимнахъ, творившихъ просто чудеса среди населенія.

Исторія славянской литературы даетъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ тому, что общечеловѣческіе вопросы не связаны съ какимъ-либо языкомъ; такъ, напримѣръ, патріотическія пѣсни Коллина нравились всѣмъ славянамъ. Это были побѣдоносный, воодушевленный идеей свободы дугъ, который встрѣчалъ повсемѣстный откликъ.

Полякъ Бродзискій перевелъ пѣсни Коллина и привелъ ими въ восхищеніе рѣшительно всѣхъ, но никто въ Польшѣ и не думалъ представлять себѣ во врагъ француза.

Тѣ же самыя пѣсни переводить и словенецъ Водникъ, послѣдніе годы жизни котораго, благодаря его франкофильству, протекали далеко не на развѣ...

Лучшее доказательство даетъ Янъ Колларъ, который пріѣхалъ учиться въ Іену и принималъ въ 1817 году участіе въ нѣмецкомъ Вартбургскомъ празднествѣ. И въ немъ, какъ и въ другихъ участникахъ, мощной волной вздымаются патріотическія

чувства, но ненависть его обращается противъ враговъ его отечества, его народа.

Такимъ образомъ, въ Вартбургѣ былъ укрѣпленъ славянской романтизмъ, и у Коллара является идея объединенія славянъ, которую онъ развилъ и систематизировалъ.

Объединеніе славянъ. Уже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ южные и сѣверные славяне чувствовали свое родство; изысканія лужичано-венда Френцеля и нѣмца Кола въ области древне-славянской литературы поддержали это чувство общности.

Славянское объединеніе тѣсно связано съ нѣмецкимъ гуманизмомъ и космополитизмомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у славянъ на сцену выступили и новыя требованія, убѣжденія и потребности. У Коллара къ его пристрастію къ прошлому присоединилась также извѣстная любовь ко всѣмъ славянскимъ народностямъ, которая старалась все примирить и оставляла мало мѣста для критическаго отношенія къ дѣйствительности, а общала объединенному славянству блестящую будущность, если только оно вернется къ своимъ самобытнымъ, хорошимъ свойствамъ.

Фраза о голубиной кротости славянъ считалась повсемѣстно неопровержимой истиной; кромѣ того, восхваляли несравненное славянское гостепріимство и ихъ миролюбіе, которое не мѣшало имъ, однако, мужественно защищать свое достоинство; съ другой стороны, указывалось на то, сколько несчастій принесло съ собою отсутствіе единодушія у славянъ. „О вы, лишенные единодушія славяне!“, — восклицаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ Колларъ, приводя примѣры изъ исторіи. Предполагалось, что Чехъ, Мехъ (полякъ) и Руссъ были братьями, переселившимися изъ бѣло-кратскихъ областей; другіе, впрочемъ, видѣли въ Славоніи ту страну, изъ которой потомъ разошлись во всѣ стороны славяне.

Колларъ издалъ основы своихъ изысканій въ 1836 году по нѣмцки и словацки. Онъ требовалъ отъ всѣхъ образованныхъ славянъ знанія всѣхъ славянскихъ нарѣчій, литературу и ихъ исторію, взаимной любви, единодушія и терпимости. Само собою разумѣется, что въ практической жизни евангеліе Коллара не получило никакого значенія. Но въ литературѣ и въ возбужденной эпохѣ возрожденія славянская идея производила истинныя чудеса, въ особенности у чеховъ и южныхъ славянъ (за исключеніемъ болгаръ) она образуетъ ту золотую нить, что проходитъ черезъ всю литературиую ткань.

Только у поляковъ сѣмя Коллара попало на бесплодную почву; сложившееся политическое положеніе поставило поляковъ особнякомъ отъ общеславянскихъ стремленій. Время, когда поляки относились съ самымъ теплымъ чувствомъ къ научнымъ славянскимъ изысканіямъ (въ 1815—1830 годахъ), теперь уже прошло, только представители украинно-фильской школы, съ Залѣскимъ во главѣ, занимались жизнью малороссійскаго крестьянина и козачествомъ. Послѣ возстанія 1830 года, когда полякамъ пришлось поплатиться всѣми, имъ доселѣ предоставленными правами, измѣнилось ихъ отношеніе ко всѣмъ прочимъ славянамъ. Въ Польшѣ развилось враждебное отношеніе къ „москалямъ“, и холодность, съ которой была встрѣчена славянская идея, получившая съ теченіемъ времени извѣстныя политическія кулисы, была совершенно понятна. То тутъ, то тамъ являлись отдѣльныя личности, поддерживавшія отношенія съ другими славянскими народностями, какъ чехами, лужичановендами и кроатами, но это стремленіе къ славянскому объединенію не имѣло успѣха.

Такъ, напримѣръ, послѣ смерти Вронислава Грбовскаго, поляки еще недавно выражали удивленіе по поводу всего того, что онъ сдѣлалъ въ этой об-

ласти. Яшевскій со своимъ „Славяниномъ“ и Дубровскій съ русско-польскимъ „Ютрженка“, или Росцишевскій образуютъ собою достославное исключеніе изъ эпохи сороковыхъ годовъ.

У чеховъ же, наоборотъ, историкъ литературы долженъ поставить особенное удареніе на воодушевленіи, съ которымъ была принята идея славянскаго объединенія.

На основаніи научныхъ изысканій Дуриха и, въ особенности Добровскаго, который лично ѣздилъ въ научное путешествіе по Россіи, была признана родственная связь между языками, использованная практически чешскими писателями, какъ, напр., — Юнгманомъ и проч., причемъ инославянскія выраженія принимались въ основу образованія новыхъ словъ.

Чехи стали учиться русскому языку, въ особенности, во время наполеоновскихъ войнъ, когда русскіе вступили въ Богемію, завязали въ Прагѣ сношенія съ чешскими патриотами и обратили вниманіе на ихъ литературу. Когда счастье всемогущаго Наполеона разбилось о стѣны Москвы, чешская лира зазвенѣла въ честь русскаго царя.

Психологически вполнѣ понятно, что слабый поднимаетъ глаза свои къ сильнѣйшему, въ особенности, когда ему приходится туго, какъ славянскимъ народамъ въ эпоху меттерниховской реакціи въ Австріи.

Затѣмъ, славянскую литературу вернула къ жизни та внутренняя теплота и любовь, съ которой въ Богеміи слѣдили за каждымъ выдающимся произшествіемъ изъ славянской жизни, обоюдный обмѣнъ письмами и изученіе литературы прочихъ странъ. Мало-по-малу изъ туманныхъ картинъ ихъ фантазій у чеховъ вырисовался опредѣленный образъ матери Славян. Словакскій протестантъ Колларъ, ставъ жрецомъ этой богини, къ нему примкнули Юнгманъ, Марекъ, католическій священникъ. а и

158 СЛАВЯНСК. ВОЗРОЖД. И ЕГО ПРИЧИНЫ.

нимъ присоединились и всѣ прочіе, одинаково думающіе писатели, особенно послѣ того, какъ раздались его мощныя слова:

„О, остановись нога, ибо святы мѣста, куда ты хочешь ступить!“

Колларъ въ послѣдствіи самъ защищаетъ противъ обвиненія, будто бы его идея объединенія преслѣдуется политическія цѣли; подобное намѣреніе ему, панслависту, совершенно несправедливо приписали въ Венгріи.

Разумѣется, съ теченіемъ времени его идеи въ различныхъ странахъ получили политическую окраску.

Наибольшее движеніе возбудили они въ русской литературѣ, гдѣ споръ вокругъ объясненія этого понятія послужилъ причиной къ возникновенію партій славянофиловъ и западниковъ.

Русскіе славянофилы, въ противорѣчіе Коллару, указывали на то, что византійское православіе представляетъ пзъ себя славянское явленіе; они искали неспорченное славянское зерно въ народѣ, въ народныхъ обычаяхъ и пѣсняхъ и въ нѣкоторыхъ устарѣлыхъ институтахъ.

Русскому славянофильству пришлось пройти черезъ петербургскую и московскую школу; со временемъ славянофилы стали относиться терпимѣ къ западнымъ славянамъ и католицизму.

Славянская идея выполнила въ большинствѣ литературъ свою великую задачу, и до сихъ поръ еще многіе поэты, какъ, напримѣръ, — Святополкъ Чехъ, Гейдукъ, Ашкеръ, Вазовъ заливаются вдохновенными славянскими пѣснями, какъ нѣкогда Колларъ или генераль Прерадовичъ.

Значенію этого движенія или силѣ вліянія патристическихъ гимновъ нельзя отводить слишкомъ маленькое мѣсто.

Благодаря шествующему по стопамъ Коллара кроату Гаю былъ пробужденъ къ жизни иллиризмъ,

который объединилъ кроатовъ и сербовъ, да и долженъ былъ связать ихъ даже съ словенцами; но у послѣднихъ возникло два теченія: Станко Враць примкнулъ къ иллиризму, тогда какъ Прешернь пошелъ противъ него.

„Возрожденіе“ пробило себѣ у каждого славянскаго народа другой путь, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ему пришлось считаться съ разными мѣстными условіями; поэтому то и слѣдуетъ вернуться къ этому явленію въ отдѣльности по отношенію къ каждой изъ славянскихъ литературъ.

45686/1

67824/1

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение. Исторический очеркъ	3
Древнѣйшая славянская литература. — Кириллъ и Меѳодій	5
Развитіе церковнославянской литературы у болгаръ	10
Старо-сербская литература	15
„Богомилы“	19
Древняя кроатская литература	21
Сѣверо-западные славянскія литературы	28
Древнѣйшая чешская литература	30
Библия	37
Іоаннъ Гусъ (1369—1415)	42
Гусситы и XV столѣтіе въ Богеміи	44
Петръ Хельчинскій	47
Богемское (моравское) братство	50
Золотой вѣкъ	54
Іоаннъ Амосъ Коменскій	60
Начатки польской литературы	63
Рей изъ Нагловицъ	67
Янъ Котановскій (1530—1584)	70
Петръ Скарга (1536—1613)	73
Современники и потомки Котановскаго	74
Далматская литература. — Рагуза	78
Ж. Фр. Гундуличъ (1588—1638)	83
Чешскій, польскій и кроатскій театръ	90
Упадокъ польской литературы (1600—1750)	97
Вторая половина XVIII столѣтія у поляковъ	102
Сарматизмъ, Пѣмцовичъ	106
Пѣмцовичъ	107
Народная поэсія	109
Древность и развитіе богатырскаго эпоса	115
Подраздѣленіе эпическихъ произведеній	117
Корольевичъ Марко	120
Общая характеристика славянской литературы	126
Драматическая литература	142
Славянское возрожденіе и его причины	145

— ВЪ 1909 году —
ПОДПИСЧИКИ

„Биржевыхъ Вѣдомостей“

—ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ—

КРОМЪ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, ПОЛУЧАТЬ

совершенно бесплатно

БОЛЬШОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

литературы, исторіи, искусствъ и общественной жизни

„НОВОЕ СЛОВО“

И

„иллюстрированный художественно-литературный
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ“

„НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

на страницахъ еженедѣльнаго журнала Новая Иллюстрація, издававшегося при „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ — 2-е изданіе — въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, помѣщались сообщенія выдающихся русскихъ писателей.

Журналъ „Новая Иллюстрація“ явится и въ 1909 году иллюстрированнымъ обзоромъ всѣхъ событій прошлаго и настоящей недѣли. Въ живыхъ наброскахъ художниковъ, часто командируемыхъ на мѣста событій, въ художественныхъ снимкахъ цѣлаго штата фотографовъ „Новая Иллюстрація“ дастъ немедленный откликъ на всѣ крупныя явленія міровой жизни.

Въ журналѣ „Новая Иллюстрація“ будутъ помѣщаться рисунки и описанія дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ для семей средняго достатка.

Въ теченіе года читатели получатъ возможность читать 52 номеровъ „Новой Иллюстраціи“ составить

большой богато-иллюстрированный томъ

въ 400 съ лишнимъ страницъ общаго формата еженедѣльныхъ журналовъ, могущій служить украшеніемъ любой библиотекѣ.

Подписная цѣна на

„Биржевыхъ Вѣдомостей“ — Второе Изданіе

съ пересылкой въ Россіи и БЕЗПЛАТНЫМЪ приложеніемъ журналовъ „НОВОЕ СЛОВО“ и „НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“:

На годъ . . . 5 р. © На полгода . . . 2 р. 60 к.

На три мѣсяца . . . 1 р. 35 к.

Главная Контора изданій С. М. Проппера:
С.-Петербургъ, Галерная ул., собств. домъ, № 40

6782412
„ЗДРАВІЕ СЕМЬИ“

ПОПУЛЯРНО-МЕДИЦИНСКІЙ
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
издаваемый **С. М. Пропперомъ**,
подъ редакціей д-ра мед. **Е. Г. Ландсберга**
и при участіи извѣстныхъ специалистовъ
медицинской науки.

===== **VIII-й годъ изданія.** =====

Цѣль журнала: сохраненіе здоровья
и предупрежденіе болѣзней.

Въ журналѣ „ЗДРАВІЕ СЕМЬИ“ помѣщаются
статьи по вопросамъ практической медицины
общей и личной гигиены, о новѣйшихъ
средствахъ и способахъ леченія,
человѣческіе совѣты на случай внезапнаго за-
болѣванія и указаніе мѣръ, которыми слѣдуетъ
завѣдывать до прибытія врача, подробные
на вопросы читателей.

Въ 1909 году
все годовые подписчики полу-
чаютъ бесплатно

ТРИ МЕДИЦИНСКИХЪ КНИГИ

(въ общемъ 240 стр. текста).

Подписная цѣна на журналъ „Здравіе Семьи“
со всеми приложен. и съ перес. въ Россіи
ОДИНЪ руб. въ годъ.

Главная Контора изданій **С. М. ПРОППЕРА:**
СНБ., Галерная ул., собств. домъ, № 40.